

В. Я. ШАБЕС

СОБЫТИЕ И ТЕКСТ

Дорогой
Леонид Владимирович!
мне очень приятно
сообщить тебе
о рождении сына
за полчаса
до полудня

Душой - Яна
к тебе
погода мяккой
мгущими
когда все
слова не забываются
визг и плач с самим
потерявшими

Ваш
Ваш

04.08.89

Москва
„Высшая школа“ 1989

ББК 81.1
Ш 12

Рецензенты:

кафедра психологии Московского государственного института иностранных языков имени М.Тореза (зав. кафедрой проф. И.А.Зимняя); д-р филол. наук Л.В.Сахарный (Государственная публичная библиотека имени М.Е.Салтыкова-Щедрина)

Шабес В.Я.
Ш 12 Событие и текст: Моногр. — М.: Высш.шк., 1989. — (Б-ка филолога) — 175 с.: ил.
ISBN 5-06-000439-2

Новизна и оригинальность авторской концепции, живой и доступный язык изложения такой актуальной проблемы современного языкознания, как соотношение события и текста отличают предлагаемую книгу. Созданная с помощью серии интересных психолингвистических экспериментов модель события, ее сопоставление с реальными текстами позволяет по-новому объяснить многие особенности текста.

Для лингвистов, психологов, педагогов, а также специалистов в области искусственного интеллекта. Она может быть использована также в качестве пособия для спецкурса по теории речевой деятельности.

4602000000 (4309000000) — 073 316—89
Ш 001 (01) — 89

ББК 81.1
4.И

ISBN 5-06-000439-2

© Издательство "Высшая школа", 1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
Глава I. Когнитивные единицы	
§ 1. Лингвистическая семантика и фоновые знания	12
§ 2. Сцена	14
§ 3. Событие	15
§ 4. Концепт и образ	17
§ 5. Градуальный эталон и признак	21
§ 6. Градуальность	23
§ 7. Эксперимент "Градуальный эталон"	24
§ 8. Структура градуального эталона	26
§ 9. Объемный и динамический признаки	32
Глава II. Методы исследования когнитивно-семантических единиц	
§ 1. Выбор объекта описания	39
§ 2. Выбор экспериментального материала	40
§ 3. Вопрос	42
§ 4. О методах исследования когнитивной семантики	45
§ 5. Событие. Выбор стимулов	50
Глава III. Общая структура события. Предметный аспект	
§ 1. Макроструктура	52
§ 2. Экзоструктура события	56
§ 3. Структура Эндособытия (предметный аспект)	58
§ 4. Место Эндособытия	68
§ 5. Время Эндособытия	71
§ 6. Предметные компоненты Эндособытия. Агенса	75
§ 7. Реализация как организованная совокупность Микрособытий	78
§ 8. Пресобытие. Предметный аспект	82
§ 9. Постсобытие. Предметный аспект	84
§ 10. Масштаб	86
Глава IV. Умственный и Информационный аспекты события	
§ 1. Общая структура	88
§ 2. Побуждение	92
§ 3. Умственный аспект Эндособытия	107
§ 4. Умственный аспект Постсобытия	112
§ 5. Консекutiveное Постсобытие	118
§ 6. Типология оценок в Постсобытии	121
§ 7. Информационный аспект события	124
§ 8. Некоторые итоги анализа	128

Глава V. Внутренняя организация события

- § 1. Границы Эндособытия как линейной последовательности Микрособытий 130
- § 2. Внутрисобытийные связи. Эксперимент "Функция" 134
- § 3. Событие как динамическая непрерывно-прерывная система . . . 137

Глава VI. Текст и событие

- § 1. Текст 140
- § 2. Текст и событие 142
- § 3. Размерность текста 152
- § 4. Многомерность события и линейность текста 154
- § 5. "Фокус внимания" текста и событие 157
- § 6. Слово и событие 158
- § 7. Пределы текстовой вербализации. Словесный портрет (Образ) 162

- Заключение 169
- Резюме на английском языке (Summary) 171
- Примечания 173

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время все большее число лингвистов осознает необходимость теоретического осмысления и практического исследования комплекса конкретных форм и механизмов взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов речемышления в их единстве и неотождественности. Обращение к данной проблематике диктуется не только теоретическим интересом, но и практическими задачами, вставшими сейчас перед лингвистикой и другими областями гуманитарного знания.

Несмотря на большое количество недавних публикаций, особенно в области когнитивной психологии, исследование соотношения и взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов речемышления с лингвистических позиций сдерживается, прежде всего, слабой теоретической и экспериментальной проработанностью когнитивного компонента. Наряду с непротиворечивыми теоретическими построениями, здесь нужны комплексные и конкретные содержательные описания, по крайней мере, основных единиц знания, обоснованные экспериментальными данными. Именно этим обстоятельством объясняется то особое внимание, которое уделено описанию когнитивного компонента в рамках данной публикации.

Мы исходим из того, что каждая данная коммуникативная единица рассматривается как вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о мире (когнитивного компонента); фрагмент когнитивного компонента, непосредственно взаимодействующий с данной коммуникативной единицей в речемыслительной деятельности, но фактически не выраженный вербально, мы операционально относим к фоновым знаниям. При таком подходе единство коммуникативного и когнитивного компонентов речемышления обеспечивается, прежде всего, целостностью системы знаний.

Рассмотрение коммуникативных единиц как "вербализованного знания" не означает, однако, отождествления коммуникативного и когнитивного компонентов. Мы основываемся на предположении, что коммуникативные единицы, будучи "лингвистически трансформированным знанием", приобретают относительную качественную специфику, отличающую их от единиц собственно когнитивного компонента.

Исследование указанной специфики оказывается возможным лишь при сопоставлении единиц коммуникативного компонента (текстов) с содержательными описаниями соответствующих единиц когнитивного компонента (в данном случае — моделями событий). Именно это обстоятельство нашло свое отражение в структуре данной книги, которая состоит из Введения, шести глав, Заключения и Примечаний.

Во Введении рассматривается понятие "фоновые знания", предполагаемые функции фоновых знаний в речемыслительной деятельности, формулируются общие задачи исследования.

Первая глава посвящена анализу основных единиц когнитивного компонента в их отношении к действительности.

Вторая глава содержит сведения об основных типах психолингвистических экспериментов, используемых для моделирования когнитивных и коммуникативных единиц.

Содержательная структура события как сложной динамической единицы когнитивного компонента описывается в третьей и четвертой главах. Сущностные свойства событий, его дискретно-континуальный характер анализируется в пятой главе.

В шестой главе полученные сведения используются для выявления специфики единиц коммуникативного компонента.

Адресатом книги могут быть специалисты в области общего языкознания и психолингвистики, когнитивной психологии и искусственного интеллекта, а также студенты и аспиранты соответствующих специальностей.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистической литературе последних лет оживился интерес к исследованию взаимодействия семантики текста (высказывания) с, так называемыми, "фоновыми знаниями". Это направление исследований по сути дела рассматривает частный случай глобальной проблемы — соотношения языка и мышления.

Исследования в этой важной области сдерживаются отсутствием теоретической концепции, описывающей семантику текста и фоновые знания в комплексе и взаимодействии, а также конкретных содержательных моделей, по крайней мере, фрагментов фоновых знаний.

Интерес к функции фоновых знаний при порождении и интерпретации речевого сообщения возник в лингвистике не сегодня. Еще А.М. Пешковский, в свою очередь ссылаясь на Г. Пауля, писал, что естественная речь "...по природе своей эллиптическая, что мы всегда не договариваем своих мыслей, опуская из речи все, что дано обстановкой, или предыдущим опытом разговаривающих" [1]. Другими словами, определенные лингвистические характеристики текста в существенной степени детерминируются качественными характеристиками фоновых знаний [2].

Выработка комплексной теоретической концепции и конкретных функциональных моделей типа "Семантика текста — Фоновое знание" в лингвистике сдерживается, в частности, кажущейся "нелингвистичностью" задачи описания фоновых знаний.

Действительно, существует ли качественная специфика фоновых знаний (термин, используемый в лингвистике) по сравнению со знанием вообще; может ли фоновое знание быть описано в каких-либо единицах кроме семантических; обладает ли фоновое знание специфическими структурами по сравнению со структурами семантическими? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, прежде всего, определить термин "фоновые знания".

В теории речевых актов фоновые знания рассматриваются обычно как информационный фонд, единый для говорящего и слушающего, т.е. общий фонд их знаний о мире. Именно он служит одним из существенных условий успешности осуществления речевого акта, базой кооперации [3]. Под "фоновым знанием" мы понимаем невербализованный фрагмент опыта, взаимодействующий в речемыслительной деятельности

с некоторым классом коммуникативных единиц (текстов). Следовательно, фоновые знания являются таковыми только относительно соответствующих текстов.

Отличительным признаком фоновых знаний от знаний вообще является также их сходство или тождественность в сознании как говорящего, так и слушающего. Нет нужды доказывать, что в качестве "говорящего" и "слушающего" могут выступать как отдельные индивиды, так и целые коллективы и народы (ср.: "Заявление Советского правительства", "Обращение президента к народу", "Письмо Дельвигу" и т.п.). Из этого самоочевидного факта следует, что необходимо различать, прежде всего, два полярных типа фоновых знаний:

— 1) с о ц и а л ь н ы е фоновые знания, т.е. то, что известно о теме высказывания всем участникам некоторого речевого акта (например, радиослушателям, читателям в массовой коммуникации) еще до начала получения речевого сообщения;

— 2) и н д и в и д у а л ь н ы е фоновые знания, т.е. то, что известно о теме некоторого высказывания только двум участникам индивидуального диалога до начала их общения. Между данными полярными типами знаний располагаются к о л л е к т и в н ы е фоновые знания, т.е. то, что известно о теме некоторого специального высказывания (текста) всем членам некоторой социальной, профессиональной и др. совокупности людей до получения этого сообщения. Понятно, что в зависимости от количества людей, обладающих тем или иным видом специальных знаний (например, медицинских, философских, политических и т.п.), сами такие знания могут быть расположены по степени "известности" на некоторой градуальной шкале между общеизвестными социальными знаниями и индивидуальными знаниями [4].

В практике мы часто сталкиваемся с использованием в речи двух участников диалога в качестве фоновых знаний таких частных фактов, которые делают речевой акт непонятным любому непосвященному интерпретатору, например:

А: — Ну что, все в порядке?

Б: — Завтра она приезжает.

Если оставить данный диалог без комментариев, описывающих конкретные факты, известные А и Б, то его можно попытаться интерпретировать на базе социальных фоновых знаний. При этом мы можем допустить, по крайней мере, три различных понимания реплики Б:

1. Все в порядке.
2. Все плохо.
3. Оценка ситуации может быть дана только после ее приезда.

Однозначная же, адекватная интерпретация речевых актов данного типа может быть произведена только людьми, которые знают соответствующие конкретные факты.

Индивидуальных единичных фактов подобного рода бесчисленное множество; большинство их не входит в социальное знание и забывается.

либо исчезает вместе с уходящими из жизни индивидами. Исключение составляют индивидуальные факты, являющиеся значимыми для социума в целом. Так, например, женитьба некоторого мужчины на определенной женщине обычно не становится достоянием социального знания. Однако в английском социуме женитьба наследника престола принца Чарльза на леди Диане явилась национальным событием, и данный частный факт вошел в социальное знание.

Несмотря на то, что единичные конкретные факты служат, как мы убедились выше, фоновыми знаниями при известных индивидуальных, коллективных и даже социальных речевых актах, их фиксация и описание в силу уникальности каждого такого факта не может считаться серьезной научной задачей. Другими словами, описание знаний на уровне бесчисленного количества конкретных фактов, известных каждому отдельному индивиду, и механической суммы этих фактов для социума в целом — задача практически невыполнимая.

Наиболее важным видом фоновых знаний следует признать обобщенные, типизированные знания, взятые в отвлечении от множества конкретных фактов объективной реальности. (Отметим, что типизации и обобщения осуществляются не только в научном, но и в донаучном, житейском и художественном знании).

Главной характеристикой обобщенных, типизированных житейских знаний мы считаем их тривиальность (*lat. trivialis* — 'обыкновенный'). Поскольку типизированные фоновые знания являются общими и обязательными для каждого взрослого нормального индивида, входящего в данный социум, т.е. представляют собой общеизвестные и очевидные "прописные истины", постольку они обладают признаком тривиальности с позиций всех и каждого члена социума. Именно тривиальность делает такие знания базовым социальным информационным фондом. Можно предположить, что чем более типизированным, социально значимым является некоторое обобщение, тем оно более тривиально. Тривиальные знания, как правило, не вербализуются в речевых актах, но являются необходимым условием успешности их осуществления.

В качестве примера можно привести такие суждения, как "животные едят пищу", "часы показывают время" и др. Если речевой акт не является учебным (мать — ребенок, учитель — ученик и т.п.), то подобные сообщения могут (и должны) вызывать недоумение у любого взрослого нормального интерпретатора. Данные тривиальные суждения координируются при смысловом восприятии речевого сообщения с такими предложениями как, например, "корова щиплет траву", "она посмотрела на часы". Вопрос "Зачем?" как реакция на подобные предложения может возникнуть только у ребенка (оговоримся, однако, что смотреть на часы можно и для демонстрации желания закончить встречу и др.).

Тривиальные знания выступают в качестве своеобразной когнитивной темы к семантической реме любого высказывания, несущего новое знание.

Другой предполагаемой характеристикой типизированных фоновых знаний мы считаем их с т р у к т у р и р о в а н н о с т ь. Поскольку ти-

пизация отдельных конкретных фактов предполагает их сопоставление и противопоставление и нахождение общих и существенных признаков для некоторого класса конкретных фактов, а также признаков, отличающих данный класс от других классов, можно предполагать, что типизированные знания имплицитно структурированы.

Было бы неверно утверждать, что индивидуальные знания включают как конкретные единичные факты, так и их обобщения, а социальные — только обобщения и типизации. Как уже упоминалось, существует серия общезначимых конкретных единичных фактов, которые следует отнести к разряду общеизвестных (тривиальных), т.е. социальных знаний. К числу таких тривиальных единичных фактов можно отнести утверждения типа "Земля вращается вокруг Солнца", "Юрий Гагарин — первый человек, побывавший в космосе" и т.п. Следовательно, к числу тривиальных относятся как обобщенные (типизированные) знания, так и некоторые единичные уникальные факты. При этом, однако, ведущая роль в рамках социально значимых знаний принадлежит обобщенным тривиальным знаниям.

Как единичные, так и типизированные знания в той или иной мере подвержены "социальному забвению" (изменению) с течением времени. С этим явлением, пожалуй, раньше других столкнулись переводчики литературных произведений старых авторов. Б.Л. Пастернак в "Замечаниях к переводам из Шекспира" писал: "Английские хроники Шекспира изобилуют намеками на тогдашнюю злобу дня... Насмешки отрицателя Фальстафа над слишком затверженной вонистенной фразой забавляли мирную простую публику, великолепно постигавшую, во что они метили, а в сценах Фальстафовой вербовки рекрутов и их освобождения за взятку зритель с еще большим смехом узнавал свои собственные испытания... Совершенно переменялся состав знаний" [5].

Итак, знания могут подразделяться на:

- 1) индивидуальные, коллективные, социальные;
- 2) житейские, донаучные, научные, художественные;
- 3) обобщенные (типизированные) и уникальные (единичные)

факты;

- 4) нетривиальные и тривиальные знания.

В дальнейшем нас в большей степени будут интересовать социальные житейские типизированные тривиальные знания, их единицы и структуры.

Входит ли проблема моделирования фоновых знаний в компетенцию лингвистической науки? Фоновые знания имеют двойственную природу. С одной стороны, они являются таковыми (фоновыми) только относительно буквального содержания текста (высказывания), т.е. в качестве критерия для их вычленения из всего комплекса знаний выступает критерий лингвистический. С другой стороны, знание в целом (как явление) по своему генезису и способу функционирования является социальным феноменом [6]. Знание и познание служат объектом исследования философии, психологии, логики, физиологии, лингвистики, кибернетики, науковедения и их пограничных областей (когнитивная психология,

психоллингвистика, дидактика, нейропсихология, нейролингвистика и т.п.).

Необходимость лингвистического моделирования знаний диктуется не только предположительным существенным влиянием фоновых знаний на выбор способа языкового оформления сообщения, т.е. на собственно лингвистические характеристики текста; знания о мире формируются в онтогенезе под влиянием языка, они фиксируются, передаются и накапливаются в форме знаковых комплексов на естественных и искусственных языках (текстов).

Для лингвистики исследования в пограничных областях не являются чем-то новым. Наряду с внутрилингвистическими исследованиями (например, исследования языка как самостоятельной системы) интенсивно разрабатываются проблемы внешней лингвистики (например, социолингвистики).

К числу внешелингвистических задач относится и проблема моделирования фоновых знаний. Однако, если модель фоновых знаний будет получена и лингвист сможет сопоставить ее с содержательной и формальной структурой высказывания (текста), то в результате он сможет получить данные, проливающие свет и на собственно внутрилингвистические проблемы (теория текста, семантический синтаксис и др.).

Проблема описания фоновых знаний лежит на стыке интересов психологии и лингвистики. Лингвистическая либо психологическая направленность подобных исследований определяется используемым материалом, методами и направленностью интерпретации получаемых результатов.

В некоторых работах эта область получила наименование "когнитивная психоллингвистика" [7]. Трудно найти другой такой благоприятный исходный материал для моделирования фоновых знаний, как лингвистический. Более того, можно утверждать, что в настоящее время не существует никакого другого материала, кроме психоллингвистического, который мог бы использоваться для моделирования фоновых знаний. Отсюда — как фоновые знания, так и прагматика сейчас могут быть описаны только в терминах семантики.

Итак, в данной работе мы ставим перед собой следующие задачи:

— разработка приемов экспериментального моделирования некоторых единиц и структур фоновых знаний, усвоенных из социально-познавательного и коммуникативного опыта;

— создание их психолого-семантических моделей;

— сопоставление таких моделей с соответствующими текстами с целью выяснения функций фоновых знаний в речемыслительной деятельности и их отображения в текстовых структурах.

Решение этих задач предполагает разработку соответствующего концептуального аппарата.

ГЛАВА I КОГНИТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

§ 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАТИКА И ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ

Традиционный путь лингвистической семасиологии от формы выражения к форме содержания позволяет фиксировать и описывать, строго говоря, лишь те содержательные единицы, которые дифференцируются в форме выражения данного текста. Другими словами, для ортодоксального лингвиста-семасиолога существует лишь та семантика, которая, пользуясь терминологией Л.Ельмслева, коммутирует с формальными признаками плана выражения. Более того, определенная часть лингвистов склонна считать "нелингвистическими семантическими признаками" даже такие признаки, которые коммутируют с языковой формой выражения, и относить их к так называемой "семантике отражения" [8].

Существует и точка зрения, согласно которой "... общим принципом, на котором должна строиться современная концепция значения, является следующий: значение — категория неязыковая по своей природе и является одной из специфических функций мышления, или же одним из его материальных процессов" [9].

Многие лингвисты склонны рассматривать единицы сознания как семантические. Так С.Д.Кацнельсон отмечает, что "семантический компонент состоит из двух структурных пластов: универсального, или логико-семантического и идиоэтнического, или собственно семантического" [10]. Логико-семантическая система носит универсальный характер и не зависит от специфики того или иного языка.

Что же входит в границы лингвистической семантики? Существует ли семантика "нелингвистическая" и правомерен ли такой термин? Как соотносятся эти два понятия с понятием "фоновые знания"?

Если лингвистическая семантика это тот фрагмент знания, который в явном виде дифференцируется формой выражения текста, то единственным объективным материалом, с которым традиционно имеет дело лингвист, является речь (дискурс, текст). Тогда "нелингвистическую семантику", которую лучше именовать "невербальным опытом", можно определить как область индивидуального опыта (знаний о мире), которая, в силу специфики естественного языка, не может быть точно верба-

лизована в речи. Так, основываясь на данных психолингвистического эксперимента, Р.М.Фрумкина выявила 110 слов-цветообозначений, характерных для русского языка [11], человеческий же глаз способен различить, а память запечатлеть огромное количество цветоощущений, многократно превышающее указанное число. Отсюда следует, что определенное количество перцептивно различного и дифференцируемого на уровне знаний материала содержания не может быть передано чисто вербальным способом; фактом, подтверждающим правильность такого вывода, может служить издание каталогов колеров, где референтный образец цвета снабжается лишь цифровым означающим — номером.

В отличие от невербального опыта фоновые знания определяются в каждом конкретном случае относительно данного текста по формально-семантическому критерию невыраженности (невербализованности). Эта невербализованность фоновых знаний ни в коей мере не означает их невербализуемости, т.е. того, что данные фоновые знания не могут быть выражены в речи; в подавляющем большинстве речевых актов фоновые знания принципиально выразимы средствами данного же естественного языка. Другими словами, фоновые знания в известной степени могут быть трансформированы в лингвистическую семантику.

Было бы неверно считать, что невербальный опыт не входит в объем фоновых знаний. Невербализованность фоновых знаний относительно данного текста не предполагает как их стопроцентной вербализуемости, так и их полной невербализуемости. Определенный объем фоновых знаний занимает невербальный опыт ("семантика отражения"). Соотношение вербализуемого и невербализуемого компонентов знания поддается экспериментальному исследованию с использованием психолингвистических методов (см. ниже, эксперимент "Словесный портрет").

Таким образом, фоновые знания в том объеме, в каком они принципиально вербализуемы, т.е. трансформируемы в лингвистическую семантику, могут служить объектом лингвистического, точнее когнитивно-психолингвистического исследования. В случае, если вербализуемые фоновые знания удастся представить в виде семантических моделей достаточной полноты и объяснительной силы, такие модели могут послужить базой для анализа и интерпретации большого круга лингвистических проблем.

Принципиальным отличием моделей фоновых знаний, получаемых на основе некоторых лингвистических единиц-вербализаций фоновых знаний, от семантических моделей соответствующих текстов является универсальность и инвариантность когнитивно-семантических моделей фоновых знаний в отличие от уникальности и вариативности семантических моделей текстов. Другими словами, модели фоновых знаний относятся к классу когнитивно-семантических, а семантические модели текстов — к классу коммуникативно-семантических, причем когнитивная семантика и коммуникативная семантика, по-видимому, обладают несколько отличной организацией в рамках общей когнитивно-коммуникативной семантической системы.

Сказанное позволяет думать, что использование текстов (коммуни-

кативных единиц) в качестве исходного материала при построении когнитивно-семантических моделей вряд ли следует считать оправданным (см. § 2 гл. II). Необходимой лингвистический материал, который позволил бы описать фоновые знания интерпретатора текста еще до начала собственно чтения им этого текста. Решение задач подобного рода входит в компетенцию экспериментальной психолингвистики.

Итак, мы предположили, что фоновые знания могут обладать структурами, отличными от семантических структур текстов, что фоновые знания могут вербализоваться и потому служить объектом лингвистического семантического исследования. Получаемые когнитивно-семантические модели, находясь в области интересов психологии и лингвистики, могут подвергаться двойной интерпретации.

Именно такой подход может позволить перейти от декларирования связи языка и мышления к интегрированному экспериментальному изучению диалектики конкретных форм их взаимодействия, что является одной из основных задач лингвистики и ряда других областей гуманитарного знания [12].

§ 2. СЦЕНА

Человек, воспринимающий окружающий мир органами чувств, отражает в момент времени лишь некоторый фрагмент объективной реальности. Ограничения на объем перцептивной информации налагают многие факторы, в частности, воспринимаемое поле, разрешающая способность органа чувств, объем внимания (т.е. количество объектов, которое может быть воспринято и запечатлено человеком в относительно короткий момент времени), распределенность внимания (т.е. способность удерживать в поле сознания объекты одновременно различных деятельностей) и др. (см. также § 3).

Так, например, если человек одновременно воспринимает большое количество (скажем, сотню) объектов, каждый из которых совершает несходное с другими действие, то он либо одномоментно запечатлевает общий хаос, либо последовательно во времени вычлняет отдельные объекты в их деятельности и устанавливает между ними смысловые связи.

Под "сценой" будем понимать воспринимаемый из объективной реальности или иконически воспроизводимый из памяти конкретный фрагмент отражаемого движущегося мира, ограниченный рамками объема внимания. Простейшим случаем сцены является отражение единичного объекта в его деятельности в момент времени.

Рамки, налагаемые на континуум перцептивной информации сценами, играют, по нашему мнению, существенную роль в когнитивных и коммуникативных процессах. В частности, при обучении ребенка речемышлению, непременным условием успешности речевых актов мы считаем совпадение объемов и содержания воспринимаемых сцен у взрослого и ребенка, обеспечивающее последующее адекватное вербальное расчленение сцены ребенком.

Наиболее существенными свойствами сцены являются ее интегрированность (цельность), конкретность и уникальность, а также ог-

раниченность рамками поля зрения и объема внимания. Перечисленные свойства позволяют утверждать, что только сцена может считаться подлинно денотативной единицей.

Сцена лишь условно может рассматриваться отдельно от события, с которым она образует диалектическое единство, и имеет как полярные, так и тождественные свойства.

§ 3. СОБЫТИЕ

Слово "событие" в нетерминологическом значении обычно определяется как "значительное явление, факт общественной или личной жизни" [3].

Термин "событие" (event) обычно определяется в лингвистических и когнитивно-психологических работах формально-логически, через понятие изменения, которое, в свою очередь, включает понятие отрицания [14].

Под изменением понимается различие между "состояниями мира" (world states), или ситуациями. Понятно, что различие между двумя состояниями мира может быть установлено через отрицание некоторого исходного состояния А в сопоставлении с конечным состоянием Б. Под минимальным изменением обычно понимается такое изменение, которое отличается последующую ситуацию от предыдущей на одну атомарную пропозицию. Отсюда — событие характеризуется инициальным и финальным состояниями (ситуациями).

Мы же рассматриваем "событие" как основную единицу фоновых знаний. Поскольку социальные фоновые знания включают, главным образом, тривиальные обобщенные факты, событие рассматривается как единица, лишенная оценочных признаков "исключительности", "значительности" и др., характерных для уникальных выдающихся фактов.

При онтологическом определении события представляется продуктивным обращение к категориальному аппарату диалектического материализма. В.Г.Гак, определяя термин "ситуация", использовал понятие "движущаяся материя". Для него ситуация — это "отрезок, часть отражаемой в языке действительности, т.е. движущейся материи. В объективной реальности человеческое сознание выделяет, прежде всего, устойчивые элементы — материальные объекты-субстанции. ...Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существуют две общие формы такой координации: пространство и время". [15].

Поскольку при определении события речь должна идти об отражении в сознании (и языке) некоторого явления (обобщенной серии однородных явлений) в виде определенных содержательных единиц, а философские категории, по Марксу, "это — существенное, типическое во всем многообразии содержания" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 1. — С. 155], событие на абстрактном уровне может рассматриваться как единство категориальных содержательных признаков. Как известно, к числу основных категорий диалектического матери-

лизма относятся материя, движение, время, пространство, качество и количество, причинность, необходимость и случайность и др. При этом, между указанными категориями существуют сложные связи. Представляется правомерным рассматривать событие (в рамках системы отражения) как частный случай отражения в сознании движущейся материи.

Под "деятелем" будем понимать отражение в сознании некоторого дискретного единичного или множественного обобщенного объекта материального мира, изменяющегося в пространстве и времени.

Под "действием" понимается любое обобщенное изменение "деятеля" в пространстве и времени.

Под "событием" понимается отражения в сознании цельная динамическая система взаимосвязанных общих и существенных параметров (признаков) некоторого однородного класса сцен, основными содержательными признаками которой являются "деятель" и "действие", рассматриваемые как двуединство.

Известная диалектическая связь материи и движения с пространством и временем, качеством и количеством и другими категориями дает основание рассматривать событие как отдельную сложную цельную единицу отражения с многомерной семантической структурой, ядром которой является двуединство признаков "деятель" – "действие".

Подчеркивая синтетический характер мысли, Л.С.Выготский писал: "Мысль не состоит из отдельных слов – так, как речь. Если я хочу передать мысль, что я видел сегодня, как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице, я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузы, отдельно то, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу это вместе, в едином акте мысли, но я расчленяю это в речи на отдельные слова. Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объему, чем отдельное слово... То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно" [16].

Единичные уникальные нерасчлененные отражения фрагментов объективной реальности типа сцены "бегущий мальчик", являются исходным материалом при формировании обобщенных когнитивных структур типа событий. Важно подчеркнуть, что как уникальная и единичная сцена, так и соответствующая ей обобщенная когнитивная структура-событие обладают признаками интегрированности. При этом "цельность" компонентов сцены и события обеспечивается, прежде всего, свойствами отражаемой объективной реальности и уж затем адекватной аналитико-синтетической деятельностью сознания. "Все идеи извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – С. 629].

Итак, взаимосвязанные сцена и событие обладают следующими основными признаками сходства:

- цельность;
- ограниченность рамками объема внимания.

Различия, существующие между сценой и событием эквивалентны

различиям между представлением и понятием, или денотатом и десигнатом. Событие как когнитивно-семантическая структура формируется на базе ряда однородных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки. Событие – это тривиальный инвариант, сцена – уникальный вариант данного инварианта. Набор сцен в памяти (опыте) каждого индивида своеобразен и уникален, а набор событий – тривиален и социален (всеобщ); именно система событий является когнитивной базой в коммуникативных актах двух людей с максимально различным иконическим жизненным опытом.

Определения события через понятие "изменение" и через интеграцию категориальных признаков различаются логической и психологической направленностью. В первом случае определенно формулируется от элементарного и неопределяемого "изменения" (отрицания) к сложному событию, во втором – от общих понятий "движение материи" и "объем внимания" к элементарному двуединству "деятель-действие".

При решении задачи практического описания структуры фоновых знаний более приемлемым представляется психологическое определение события. Это обусловлено, прежде всего, тем, что при описании фоновых знаний необходимо фиксировать не только абстрактные "каркасы" событий, но и их стандартную семантическую "начинку", не только самые общие связи между событиями во времени, но и зависимость этих связей от внутренних качественных характеристик событий.

§ 4. КОНЦЕПТ И ОБРАЗ

Если событие оказалось в поле научного внимания сравнительно недавно, то проблема соотношения представления и понятия имеет многовековую историю и обширную литературу в гуманитарных областях знания. Такое положение сложилось, по нашему мнению, под влиянием языковой формы; путь от формы выражения к форме содержания является наиболее простым и очевидным. В то же время языковая форма расчленяет как сцены, так и события на некоторые содержательные элементы, которые и подвергаются исследованию. Исследовалась часть, – целое же (сцена, событие), как правило, оставалось вне фокуса научного внимания.

Обозначение взрослыми единичной сцены предложением на ранних стадиях семантического онтогенеза позволяет ребенку вычленять эту сцену из нерелевантного информационного фона, находящегося в его поле зрения (обоняния, осязания, слуха и т.п.).

Другими словами, и взрослый, и ребенок параллельно во времени фокусируют внимание на одном и том же фрагменте движущегося реального мира, причем взрослый здесь же осуществляет номинацию этой сцены предложением (набором предложений-трансформов), а ребенок, синхронно наблюдая сцену и слушая комментарий взрослого, реализует первичный семиозис в виде знака со сторонами типа "сцена" – "предложение".

Таким образом, если пользоваться ельмслевской терминологией, максимально крупной единицей формы содержания, исходной для следующих семиотических преобразований, является сцена. Л.С.Выготский писал: "В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с предложения и только позже переходит к овладению частными смысловыми единицами, значениями отдельных слов, расчленив свою слитную, выраженную в однословном предложении, мысль на ряд отдельных, связанных между собой словесных значений... Смысловая сторона речи идет в своем развитии от целого к части" [17].

Исходя из наших рассуждений, изложенных выше, мысль Л.С.Выготского можно продолжить и считать, что соотношение "часть — целое" на содержательном уровне прослеживается на всех ступенях речемыслительной системы. Если перцептивно воспринимаемый мир есть целое, то "поле зрения" является его частью; в рамках целого "поля зрения" выделяется часть — "сцена", в рамках целой сцены выделяется часть, которая в данной работе будет именоваться "образом".

Под "образом" понимается дискретная часть отображаемой сцены (конкретный предмет, качество, количество, время и др.) денотативного уровня. Поскольку формирование образа предполагает отвлечение некоторого набора признаков из сцены (ряда сходных сцен), теоретически даже единичный уникальный образ находится на более высоком уровне обобщения, чем сцена. В то же время индивидуальный образ несомненно сохраняет связи с исходными сценами.

Таким образом, членность предложения (и речи в целом) создает предпосылки к первичной дискретизации отражаемой ребенком синкретичной сцены и перехода к образам, событиям, концептам, классам, категориям и признакам. "Овладение языком ускоряет процесс образования классов и рано или поздно способствует передаче коллективно выработанных классификаций" [18].

Если образ предполагает относительную иконичность и уникальность, непосредственную связанность со сценой (совокупностью сцен), то концепт (понятие, десигнат) есть совокупность общих и существенных признаков целого класса образов. В онтогенезе концепт образуется в результате обозначения некоторого класса сцен соответствующим набором предложений, причем повторяемость сходных, но различных компонентов сцен (образов), обозначаемых постоянно одним и тем же означающим (например, словом), дает ребенку возможность выделить общие и существенные признаки класса образов, имеющих общее означающее, или образовать первичный концепт.

Интегрированность признаков в концепте (и образе) обеспечивается свойствами отражаемого мира. Образ относится к концепту как частное и конкретное к общему и абстрактному. В гуманитарных науках для обозначения этих единиц традиционно используются термины "представление" и "понятие". Зачем же нам понадобилось вводить новые термины для обозначения известных научных понятий?

Дело в том, что обычно термины "ощущение", "восприятие", "представление" и "понятие" используются для обозначения как единиц, так

и уровней отражения. При этом на разных уровнях анализируются, как правило, единицы более мелкие, чем сцена или событие. Но ведь мы пришли к выводу, что сцена является исходным материалом для формирования образов, т.е., если так можно выразиться, сцена никак не в меньшей, если не в большей степени — "представление", чем образ. Соответственно, событие не в меньшей степени — "понятие", чем концепт.

Другими словами, одно из фундаментальных положений, на которых строится излагаемая теория, состоит в том, что на различных уровнях обобщения в системе знаний должны рассматриваться не только образы и концепты (представления и понятия), но и сцены и события.

С онтогенетических позиций это положение может интерпретироваться следующим образом: отражаемые фрагменты движущегося мира (сцены) не только служат "исходным материалом" для формирования набора образов и системы концептов, но параллельно и сами обобщаются, типизируются до уровня содержательно-когнитивных единиц-событий. Система событий и концептов и является структурированным тривиальным фоновым знанием, поскольку именно на этом уровне нивелируется различие между "индивидуальными опытами". Если набор сцен и образов уникален в опыте у каждого человека, то взаимосвязанные и взаимообусловленные системы событий и концептов, напротив, лишены уникальности, и в силу их универсального характера, служат социальной когнитивной основой общения для людей с максимально различным индивидуальным опытом.

Обозначая различные, но сходные сцены различными, но сходными предложениями, взрослые, тем самым, способствуют переходу ребенка от сцен к образам в процессе речемышления. Поскольку одна и та же лингвистическая единица, например, лексема, используется для обозначения серии различных образов, имплицитно имеющих общие концептуальные признаки, ребенок получает возможность сформировать на базе серии разных образов, обозначаемых, например, словом *стол* — в серии различных предложений — концепт "стол". И два человека, сформировавшие концепт "стол" на базе двух непересекающихся множеств образов столов (они не имели в опыте ни одного общего для обоих образа стола), тем не менее обладают идентичной концептуальной единицей. Аналогичные же рассуждения приводят нас к пониманию и универсальности событий у двух людей с разным индивидуальным опытом.

Важно подчеркнуть, что взрослые, как правило, не имеют осознанной цели обучить ребенка системе концептов или системе событий. Они просто "разговаривают" с ребенком, считая, что учат его языку. Опыт показывает, что речь взрослых, прежде всего, событийна; в речи хорошо эксплицирован эмотивный компонент, часто специализированно дифференцируются место, время и др. Например (речь взрослого ребенку): *"Киса пришла... Смотри, какая киса!.. Киса умывается... Хорошая киса!.. Ай, да киса!.. А где киса?.. Покажи пальчиком!.. Вот киса!.. Молодец!.. Вот киса!.. Киса ушла? Ушла киса? Где киса? Нету кисы. Ушла. Скажи, киса!"*

В данном монологе тринадцать раз повторяется лексема "киса", но нет ни одного случая, когда бы взрослый просто присваивал наименование предмету (животному), скажем, при помощи номинации "это — киса" с последующим многократным повторением изолированной лексемы, как это иногда делается на уроках иностранного языка. Наоборот, взрослый постоянно комментирует изменения сцен, наблюдаемых им и ребенком (*пришла, умывается, ушла*), вербализует оценки сцен с участием кошки и ребенка (*хорошая, ай да ..., молодец*), место (*где, вот, нету*) и т.п. Расчленение сцен с участием кошки на образы (киса, приходит, уходить, умываться и т.п.) производится ребенком самостоятельно и, очевидно, без специального обучения. Номинация других сцен ("Мама пришла", "Папа пришел") или сцен с другими кошками (разного цвета, размеров, возраста и т.п.), но с использованием той же лексемы "киса" позволяют ребенку выделить общие и существенные признаки концептов "приходить" или "кошка".

Кроме того, и для нас это особенно существенно, у ребенка формируется когнитивная структура, например, типа: "животные и люди способны самостоятельно передвигаться в пространстве при помощи нижних конечностей"; понятно, что такое фоновое знание, как правило, не вербализуется ни ребенком, ни взрослыми.

Попытаемся теперь представить схематически соотношение сцены, образа, события и концепта:

Единица	Уровень	Представления	Понятия
Явление в целом		Сцена	Событие
Части явления		Образ	Концепт

Если образ есть часть сцены, то концепт — часть события; если концепт есть понятие о классе образов, то событие — понятие о классе сцен; если образ есть уникальный вариант концепта, то сцена — уникальный вариант события. Сцена и образ представляют собой уникальную единичную комбинацию признаков; событие и концепт инвариантны и универсальны; признаки события и концепта представляют собой инвариантную часть уникальных наборов признаков, соответственно, сцены и образа.

Диалектика отношений описанных когнитивных единиц оказалась бы нарушенной, если бы мы предположили, что в нашем сознании существуют изолированные наборы полярных когнитивных единиц (отдельно сцены, события, образы и концепты). Сцена и событие, образ и концепт, сцена и образ, событие и концепт представляют собой содержательные единства противоположностей и, предположительно, могут быть описаны градуальными эталонами (о "градуальном эталоне" см. следующий параграф).

Ниже будет показано, что в речемыслительных актах принимают участие когнитивные единицы, которые в той или иной степени могут одновременно обладать качествами сцены и события, образа и концепта.

§ 5. ГРАДУАЛЬНЫЙ ЭТАЛОН И ПРИЗНАК

При определении сложных содержательных единиц (сцены, события, образа, концепта) мы пользовались понятием "признак".

По нашему мнению, терминологическое понятие "признак", используемое в самых различных областях знания для обозначения некоторой качественной или количественной характеристики исследуемого объекта (предмета, понятия, факта, значения и т.п.), до сих пор лишено строгого определения. Под признаком обычно понимается "все то, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга; показатель, сторона предмета или явления, по которой можно узнать, определить или описать предмет или явление" [19].

Логика развития лингвистического структурализма предполагала перенос научного внимания со сложных многокомпонентных единиц на составляющие их элементарные единицы (их признаки) с последующим установлением совокупности связей между элементарными единицами или структуры сложной единицы.

Наиболее употребительным термином, используемым для обозначения элементарного значения-признака, является "сема". Наряду с этим термином используются также "дифференциальный элемент", "фигура плана содержания" — "плерема", "семантический множитель" или "атом" смысла, "дифференциальный признак", "ноэма", "семантический маркер", "семантический компонент" и др.

Заслугой структурализма представляется переход от сложных единиц к их составляющим с установлением иерархии уровней и внутриуровневых структур. В то же время становится все более ясно, что увлечение описанием статичной синхронической структуры языка (парадигматики) сопровождалось необоснованным отказом от структурного анализа динамического аспекта (на разных уровнях: от диахронии языка до речевой деятельности) в целом.

Именно этим и объясняется тот факт, что в большинстве структурно-семантических исследований семантический признак представляется как статичный, стабильный (инвариантный), предельный (неделимый) элемент значения.

Такое понимание семантического признака не может удовлетворить исследователя, ставящего перед собой задачу семантического описания динамических единиц типа событий или сцен. Атомистическая дискретность структуралистического семантического признака противоречит понятию движение ("изменение"), лежащему в основе определения события.

Ведь если сцена и событие есть отражение в сознании людей определенного фрагмента движущегося (изменяющегося) объективного мира, то и признаки этих сложных содержательных единиц также непременно находятся в движении (изменении). Нетрудно предположить, что в ди-

намической структуре события изменяется лишь определенная часть из всего множества признаков; остальные признаки остаются равными самим себе. Так, например, событие, выражаемое предложением типа *Она повернулась* предполагает изменение признака "положение (ориентация) предмета в пространстве" при стабильности всех других "ее" признаков.

Здесь можно предвидеть возражение, заключающееся в том, что "признак потому и является признаком, что он различает предметы или явления, является их мерой, что предполагает его стабильность (неизменчивость)".

Такое возражение как нельзя лучше отражает атомистический подход к признаку. Действительно, каждый предмет (или образ предмета) имеет собственный, одному ему присущий набор признаков. К их числу относятся, например, единичные форма, масса, объем. Возьмем в качестве примера предмет, изменяющийся во времени, скажем, яблоко, *растущее* на дереве. Очевидно, что перечисленные признаки яблока будут изменяться во времени.

Что же мы должны считать признаками яблока? Единичные и уникальные значения (в математическом смысле) признаков формы, массы и объема, зафиксированные в определенный момент времени? Или взятые целиком три диапазона изменения значений данных признаков от исходного до конечного состояний?

Образ "яблоко" предполагает в качестве семантических компонентов единичные и уникальные значения признаков формы, массы и объема, зафиксированные в определенный момент времени для данного конкретного яблока. Будем называть такие компоненты **т о ч е ч н ы м и семантическими признаками**.

Концепт "яблоко" в качестве семантических компонентов включает данные три диапазона значений признаков целиком и ни одного точечного семантического признака. Будем называть такие компоненты **о б ъ е м н ы м и семантическими признаками**.

Сцена "созревание яблока" предполагает континуальное, нерасчлененное, иконическое изменение во времени всей совокупности признаков яблока, в том числе и формы, массы и объема.

Событие "созревание яблока" предполагает координированное континуально-дискретное изменение данных трех признаков в пределах их диапазонов в континуально-дискретном времени от начала и до конца события. Будем называть такие признаки **д и н а м и ч е с к и м и семантическими признаками**.

Следует отметить, что предельные значения каждого диапазона характеризуют этап перехода количества каждого признака в новое качество, т.е. соотносятся с философским пониманием меры. С другой стороны, предельные значения диапазонов могут рассматриваться как качественные маркеры границ события.

Особенной характеристикой динамического семантического признака в пределах его диапазона является его континуальность, сопряженная с континуальным временем.

Для описания динамических, объемных и точечных признаков на

некоторой универсальной основе, введем понятие "градуальный эталон".

Под "градуальным эталоном" понимается непрерывная линейная координата сознания, характеризующаяся двумя полярными максимальными значениями в зонах ее пределов и нейтральным ("нормальным") значением в ее межполюсной зоне.

Понятие "градуальный эталон" оказывается настолько важным для теоретического осмысления когнитивных динамических содержательных единиц, что мы остановимся на нем подробно и приведем примеры, обоснованные данными психолингвистических экспериментов.

§ 6. ГРАДУАЛЬНОСТЬ

Одной из наиболее серьезных работ по градуальности до сих пор остается исследование Эдварда Сэпира, опубликованное в оригинале более сорока лет тому назад [20].

Он подчеркивает, что градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету [21].

Противопоставляя абсолютные и относительные оценки, Сэпир показывает причины абсолютизации антонимических противопоставлений в лингвистике. Он пишет: "Такие контрастирующие пары, как *маленький – большой, мало – много* вызывают ложное ощущение абсолютных оценок в семантическом поле количества и уподобляются таким разным единицам, как *красный и зеленый* в семантическом поле цветового восприятия. Это ощущение, однако, иллюзорное и в значительной мере обязано своим возникновением тому лингвистическому факту, что градуирование представлено в этих словах имплицитно и формально никак не выражено, между тем, как в суждениях типа "*Там было меньше людей, чем здесь*" или "*У него больше молока, чем у меня*" оно выражено эксплицитно" [22].

Э.Сэпир обсуждает степень эксплицитности при градуировании и выводит четырехуровневый диапазон степеней такой эксплицитности.

Он вводит чрезвычайно продуктивные понятия "открытого и закрытого диапазонов "градуирования", а также "объективной нормы" или "среднего статистического".

На основе данных понятий Э.Сэпир проводит разграничение логического, психологического и лингвистического типов градуирования. В частности: "...логическое градуирование – это градуирование открытого диапазона и либо отсылает, либо не отсылает к объективной норме или среднему статистическому, между тем, как психологическое и лингвистическое градуирование – это, прежде всего, градуирование закрытого диапазона конъюнктивного или дизъюнктивного типа" [23].

Наиболее продуктивными понятиями для решения стоящих перед нами задач являются понятия "нормы" (или объективной нормы), т.е. некоторого нулевого значения шкалы (в отличие от положительного и отрицательного значений) и открытого и закрытого диапазонов (или бесконечной и конечной шкал).

В то же время исследование Э.Сэпира не содержит прямых указаний на возможность использования градуированных диапазонов для моделирования динамических семантических единиц; не подкреплено оно и данными экспериментальной психологии.

Исследователи градуальной семантики, не использующие экспериментальных методик, часто оказываются в положении, когда содержательные объекты невозможно градуально упорядочить друг относительно друга. "...Аффективные общеоценочные слова можно разделить по тому, относятся ли они к положительной или отрицательной части шкалы, но их нельзя расположить в пределах одной зоны по порядку нарастания положительного или отрицательного признака; ср. в зоне хорошего: *отличный, великолепный, прекрасный, замечательный, удивительный, потрясающий, необыкновенный* и т.п. *рисунок*; какой из этих рисунков лучше (если речь идет о разных рисунках) или какой эпитет говорит о более высокой степени признака (если речь идет об одном)? Какие яблоки хуже – дрянные или скверные?" [24].

Действительно, лингвист, анализирующий собственную индивидуальную оценку значений цитированных прилагательных, оказывается в трудном положении. Ведь как оценочная шкала в целом, так и значение каждого отдельного прилагательного (или его место на шкале) не заданы эксплицитно в лингвистической форме выражения, что не позволяет рассматривать оценочную шкалу как собственно лингвистический феномен. По нашему мнению, проблема устройства градуальной оценочной шкалы находится в области пересечения интересов психологии и лингвистики и входит в компетенцию психолингвистики.

Градуальное измерение вербальной семантики методом "семантического дифференциала" впервые было предпринято группой американских психологов во главе с Ч.Осгудом [25].

Суть методики семантического дифференциала состоит в том, что исследуемый объект помещается в экспериментальный континуум, образуемый парой антонимичных терминов (например, большой – маленький). Испытуемым предлагается шкалировать некоторый объект (понятие, например, "слон", "мышь", "комар" и т.п.) по семизначной шкале. Сходство оценок позволяет строить матрицу расстояний шкал, приписывать значения объектам, проводить факторный анализ и др.

Однако, как отмечает В.Ф.Петренко, "выбранные априорно шкалы могут навязывать расчленения исследуемого материала, являющиеся незначимыми для испытуемого" [26].

§ 7. ЭКСПЕРИМЕНТ "ГРАДУАЛЬНЫЙ ЭТАЛОН"

Поводом к проведению собственного экспериментального исследования устройства градуального эталона послужило предположение о том, что содержательная модель, способная континуально-дискретно описывать качественно-количественное пространство по некоторому параметру, способна столь же успешно описывать динамическое и изменение проявляется и фиксируется в раз-

личии. Интересующим нас объектом является не столько семантика той или иной лексемы (хотя важно и это), сколько структура собственно градуального эталона как содержательно-когнитивной сущности.

Семибальная шкала у Ч.Осгуда и его последователей лишь приблизительно отражает реальное положение дел. Использование метода семантического дифференциала для анализа градуального эталона было бы возможным при условии наличия набора лексем с эталонными значениями, полученными каким-либо способом без обращения к заданным шкалам. В противном случае мы приходим к тавтологии. Для нас исходным лингвистическим материалом послужили русские лексические единицы, обозначающие оценку объема, полученные по словарям синонимов и антонимов. Общее количество отобранных прилагательных и их эквивалентов составляет 36 единиц. Это (в алфавитном порядке):

1) <i>большой</i>	19) <i>малый</i>
2) <i>внушительных размеров</i>	20) <i>малюсенький</i>
3) <i>гигантских размеров</i>	21) <i>махонький</i>
4) <i>грандиозный</i>	22) <i>мелкий</i>
5) <i>громадный</i>	23) <i>микроскопический</i>
6) <i>громоздкий</i>	24) <i>миниатюрный</i>
7) <i>здоровенный</i>	25) <i>небольшой</i>
8) <i>здоровый</i>	26) <i>неизмеримый</i>
9) <i>значительных размеров</i>	27) <i>немалый</i>
10) <i>игрушечный</i>	28) <i>немаленький</i>
11) <i>исполинский</i>	29) <i>неохватный</i>
12) <i>карликовый</i>	30) <i>нормального размера</i>
13) <i>колоссальный</i>	31) <i>огромный</i>
14) <i>крохотный</i>	32) <i>порядочных размеров</i>
15) <i>крошечный</i>	33) <i>солидных размеров</i>
16) <i>крупный</i>	34) <i>циклопический</i>
17) <i>кукольных размеров</i>	35) <i>чудовищных размеров</i>
18) <i>маленький</i>	36) <i>чуточный</i>

Испытуемым, студентам-филологам, в количестве 103 человек, для которых русский язык является родным, был предложен алфавитный список прилагательных, обозначающих размер, и дано следующее задание:

1. Расположите данные прилагательные на основе вашей интуитивной оценки в порядке нарастания обозначаемого ими размера (от меньшего к большему), запишите их в колонку и всем прилагательным полученного списка присвойте новые номера от 1 до 36.

2. Выпишите из списка пары прилагательных, имеющих, по вашему мнению, противоположные значения (антонимы).

Планируя данный эксперимент, мы предположили, что статистическая обработка полученных упорядоченных множеств прилагательных позволит:

– определить относительное градуальное место (зону или точку) на тридцатишестибальной шкале для каждого прилагательного, т.е. его значимость в системе данных единиц;

– оценить степень их градуальной синонимии, поскольку два и более прилагательных теоретически могут занимать одну и ту же зону на шкале, а также, и это особенно важно, определить количество реальных "градусов" (шагов) в рамках шкалы;

– оценить относительную размерность объемного семантического признака или степень размытости "множества", поскольку разные прилагательные теоретически могут занимать на шкале различные по размеру зоны (от точки до всей длины шкалы).

Для вычисления среднего места (точки) на шкале по статистическому распределению в некоторой зоне шкалы для каждого данного прилагательного (объекта) мы воспользовались следующей формулой:

$$m = \frac{n_i \cdot i + n_j \cdot j + \dots + n_k \cdot k}{t},$$

где n_i, n_j, \dots, n_k – число испытуемых, поместивших данный объект на i, j, \dots, k место шкалы, а t – общее число испытуемых, т.е. $n_i + n_j + \dots + n_k = t$.

Покажем средние места (точки на шкале) по результатам эксперимента (см. число в скобках):

1) <i>микроскопический</i> – (1,32)	21) <i>значительных размеров</i> – (21,78)
2) <i>чуточный</i> – (3,34)	22) <i>солидных размеров</i> – (22,37)
3) <i>крошечный</i> – (4,53)	23) <i>здоровый</i> – (22,84)
4) <i>крохотный</i> – (4,59)	24) <i>громоздкий</i> – (23,35)
5) <i>малюсенький</i> – (4,95)	25) <i>внушительных размеров</i> – (23,86)
6) <i>махонький</i> – (5,61)	26) <i>здоровенный</i> – (25,45)
7) <i>карликовый</i> – (6,69)	27) <i>огромный</i> – (26,82)
8) <i>кукольный</i> – (8,53)	28) <i>громадный</i> – (28,39)
9) <i>миниатюрный</i> – (8,96)	29) <i>гигантский</i> – (30,94)
10) <i>игрушечный</i> – (9,41)	30) <i>грандиозный</i> – (31,06)
11) <i>маленький</i> – (10,71)	31) <i>неохватный</i> – (31,18)
12) <i>мелкий</i> – (10,84)	32) <i>исполинский</i> – (32,69)
13) <i>малый</i> – (12,53)	33) <i>неизмеримый</i> – (32,73)
14) <i>небольшой</i> – (13,88)	34) <i>колоссальный</i> – (33,20)
15) <i>нормального размера</i> – (15,31)	35) <i>циклопический</i> – (34,18)
16) <i>немаленький</i> – (16,69)	36) <i>чудовищного размера</i> – (34,49)
17) <i>немалый</i> – (17,82)	
18) <i>большой</i> – (19,02)	
19) <i>порядочных размеров</i> – (20,31)	
20) <i>крупный</i> – (20,92)	

§ 8. СТРУКТУРА ГРАДУАЛЬНОГО ЭТАЛОНА

Прежде всего обратим внимание на общую структуру полученной шкалы. Если бы точечное место прилагательного на шкале, полученное в результате эксперимента, выражалось целым числом, причем это число совпадало бы с порядковым номером этого прилагательного (порядко-

вые номера задают равномерную градуировку шкалы), можно было бы утверждать, что прилагательные располагаются на равном "семантическом расстоянии" друг от друга (см. рис. 1, А).

Анализ полученных числовых характеристик показывает, что место всех прилагательных смещено относительно равномерно градуированной шкалы, причем имеется определенная закономерность в этих смещениях. Вся тридцатишестиместная шкала может быть разделена на пять зон (см. рис. 1, В).

Рассмотрим прилагательные с порядковыми номерами 1 – 7. Окажется, что прилагательные № 1 – 4 смещены к центру шкалы, т.е. 1 – 1, 32; 2 – 3, 34; 3 – 4, 53; 4 – 4, 59. Прилагательные № 5, 6 и 7 смещены от центра шкалы (5 – 4, 95; 6 – 5, 61; 7 – 6, 69). Другими словами, прилагательные № 1 – 7 как бы "уплотнены" к середине собственной зоны (см. таксономический анализ на рис. 1).

Аналогичные смещения наблюдаются в зонах с границами 8 – 14, 15 – 27 и 28 – 36. К содержательной интерпретации этого явления мы вернемся несколько позже. На полученной схеме прилагательные зон 1 – 7, 8 – 14, 16 – 27 и 28 – 36 обозначены римскими цифрами (см. рис. 1).

Продолжим анализ полученной упорядоченной последовательности прилагательных. Максимальное противопоставление размерности задает пара прилагательных *микроскопический* – *чудовищного размера* (1,32 – 34, 49).

Минимально противопоставлены, или градуально синонимичны, по крайней мере, следующие прилагательные:

- 1) *крошечный* – *крохотный* – *малюсенький* (4,53 – 4,59 – 4,95)
- 2) *кукольный* – *миниатюрный* – *игрушечный* (8,53 – 8,96 – 9,41)
- 3) *маленький* – *мелкий* (10,71 – 10,84)
- 4) *порядочных размеров* – *крупный* (20,31 – 20,92)
- 5) *значительных размеров* – *солидных размеров* – *здоровый* (21,78 – 22,37 – 22,84)
- 6) *здоровый* – *громоздкий* (22,84 – 23,35)
- 7) *грандиозный* – *неохватный* (31,06 – 31,18)
- 8) *исполинский* – *неизмеримый* (32,69 – 32,73)
- 9) *циклопический* – *чудовищного размера* (34,18 – 34,49) [27].

Большинство градуально синонимичных прилагательных расположено в центральной части выявленных выше зон шкалы.

Все другие прилагательные, имеющие близкие (соседние) порядковые номера, не могут рассматриваться ни как синонимы, ни как антони-

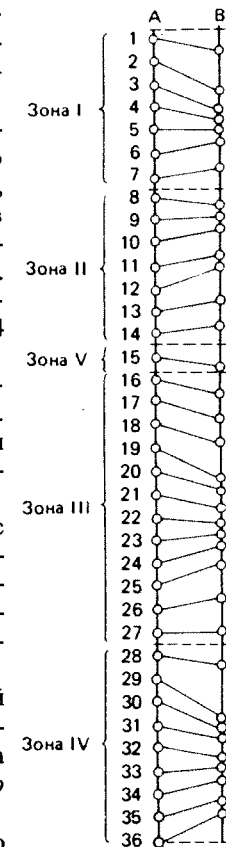

Рис. 1

мы (например, *микроскопический / карликовый / маленький / небольшой*). Такое отношение, в основе которого лежит градуальное (количественное) нарастание (снижение) степени признака, вербализуемое двумя и более лексическими единицами, следовало бы выделить в самостоятельный тип лексических парадигматических отношений в рамках сиюминимии.

Внимательный анализ полученных в эксперименте вероятностных распределений для каждого прилагательного и всей упорядоченной совокупности таких распределений показывает, что многократно пересекаясь (накладываясь друг на друга с некоторым смещением), эти распределения позволяют рассматривать описываемую ими градуальную сущность не только как дискретную шкалу, но и как континуальное (непрерывное) образование, что соответствует определению градуального эталона. Производя дальнейший анализ дискретных шкал, будем иметь в виду двойственный характер градуального эталона.

Анализ упорядоченной последовательности распределений прилагательных показывает, что мы имеем здесь дело, по крайней мере, с четырьмя градуальными шкалами на одном и том же множестве лексических единиц.

Первая шкала отражает постоянное градуальное нарастание степени размера от *микроскопического* до *чудовищного* размера. При этом, словосочетание *нормального размера* обозначает степень большую, чем *небольшой*, но меньшую, чем *немаленький* и занимает рядовое место в градуальном ряду. Схематически первую шкалу можно представить следующим образом (см. рис. 2), где по оси X описывается положение прилагательного на шкале, а Y — обозначаемая им степень размера; данные переменные суммируются вектором V .

Вторая шкала описывается той же схемой, что и первая, с той лишь разницей, что нарастает степень уменьшения от *чудовищного* размера до *микроскопического*.

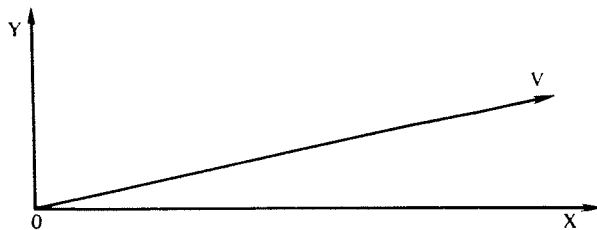

Рис. 2

Однако характеристика *нормального размера* не является рядовой. Она находится в точке перехода количества в качество, мерой между зонами *малых* и *больших* градуальных значений. Именно данная характеристика (в терминах Э.Сэпира — объективная норма, или среднее статистическое) служит точкой отсчета (нулевым значением) для третьей градуальной шкалы. Действительно, абстрактная степень оценки "несреднего", "необычного" размера нарастает от характеристики *нормаль-*

ного размера как в сторону *большого*, вплоть до *чудовищного* размера, так и в сторону *маленького*, вплоть до *микроскопического*.

Третью шкалу схематично можно представить так (см. рис. 3):

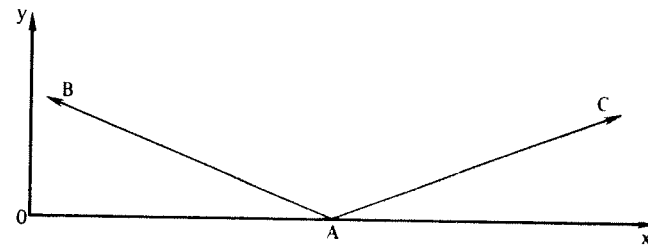

Рис. 3

В точке A располагается характеристика *нормального размера*. Вектор BA демонстрирует нарастание степени "маленькости" от *нормального* размера до *микроскопического*, а вектор CA — такое же нарастание степени "большести" вплоть до *чудовищного* размера. Нарастание степени размера от *микроскопического* в сторону увеличения ведет вначале (вплоть до пятнадцатого номера) к уменьшению степени "необычности", "странности" размера, а с пятнадцатого номера и до *чудовищного* вновь к нарастанию этой степени. Характеристика *нормального размера* обозначает нулевую степень "необычности". Интересно отметить, что научные термины "микромир" и "макромир" в качестве точки отсчета имеют частный и частотный "мир нормального размера", т.е. тот мир, в котором существует человек, что еще раз подтверждает старый тезис психологов: "Человек является мерой всех вещей". [28].

Выше мы утверждали, что тридцатишестиместная шкала структурируется на пять зон, однако были описаны лишь четыре. Если мы вновь обратимся к числовым данным, полученным в эксперименте, то окажется, что характеристика *нормального размера* располагается в точке перехода количества в качество и находится как раз на стыке между двумя парами выявленных четырех зон, т.е. в центре шкалы. *Нормальный размер* следует рассматривать как самостоятельную пятую зону шкалы (см. рис. 1). Интересно отметить, что *нормальный размер*, судя по среднему месту (15,31), воспринимается информантами в большей степени как "большой", чем как "маленький".

Анализ градуального ряда прилагательных, полученного в результате эксперимента, позволяет увидеть и четвертую градуальную шкалу — шкалу антонимических пар прилагательных. Наше понимание антонимов как отношения крайних членов градуальных оппозиций, симметрично удаленных от среднего, промежуточного члена (нормы), в целом соответствует классическому определению антонимов [29].

Статистическая обработка данных, полученных после выполнения второго задания нашего эксперимента, заключалась в вычислении вероятности отнесения той или иной пары прилагательных из исходного списка к числу антонимов. Вероятности вычислялись относительно общего

числа информантов, принимавших участие в эксперименте (103), принятого за 1. Целью нашего анализа здесь является экспериментальная верификация симметричного расположения антонимов относительно "нормы", вычисление антонимического расстояния между членами той или иной антонимической пары (разности средних мест прилагательных данной пары) и, на этой основе — дальнейший анализ устройства градуального эталона.

В табл. 1 приводятся двадцать две пары антонимов, имеющие вероятность не ниже 0,06, упорядоченные по нарастанию антонимического расстояния на градуальной шкале.

Т а б л и ц а 1

№	Антонимическая пара	Расстояние	Вероятность
1	<i>небольшой — немаленький</i>	2,81	0,25
2	<i>небольшой — большой</i>	5,14	0,12
3	<i>малый — немалый</i>	5,29	0,21
4	<i>маленький — немаленький</i>	5,98	0,10
5	<i>малый — большой</i>	6,49	0,17
6	<i>маленький — большой</i>	8,31	0,61
7	<i>мелкий — крупный</i>	10,08	0,51
8	<i>миниатюрный — крупный</i>	11,96	0,08
9	<i>миниатюрный — громоздкий</i>	14,39	0,10
10	<i>миниатюрный — здоровенный</i>	16,49	0,12
11	<i>махонький — здоровенный</i>	19,84	0,10
12	<i>малюсенький — здоровенный</i>	20,50	0,13
13	<i>крошечный — здоровенный</i>	20,92	0,07
14	<i>игрушечный — исполинский</i>	23,28	0,07
15	<i>крохотный — громадный</i>	23,80	0,06
16	<i>крошечный — громадный</i>	23,86	0,12
17	<i>карликовый — гигантский</i>	24,25	0,21
18	<i>карликовый — исполинский</i>	26,00	0,13
19	<i>карликовый — циклопический</i>	27,49	0,18
20	<i>микроскопический — неизмеримый</i>	31,41	0,20
21	<i>микроскопический — циклопический</i>	32,86	0,07
22	<i>микроскопический — чудовищного размера</i>	33,17	0,15

Минимальное градуальное антонимическое расстояние (2,81 шага) наблюдается между членами пары *небольшой — немаленький*, максимальное (33,17 шага) — между членами пары *микроскопический — чудовищного размера*. Между этими полярными парами располагается градуальный ряд антонимических пар, имеющих промежуточные значения антонимического расстояния.

Графически градуальную антонимию можно представить себе так (см. рис. 4):

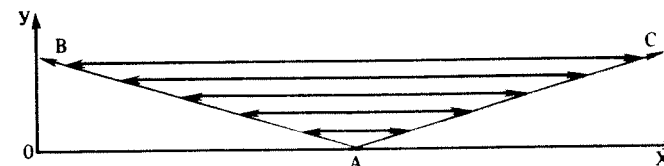

Рис. 4

Градуальная антонимия обозначается стрелками \leftrightarrow разного размера.

Анализ расположения антонимических пар на шкале показывает, что в 90,2% случаев противопоставление осуществляется испытуемыми в рамках выявленных выше четырех зон, а именно, прилагательные II зоны противопоставляются прилагательным III зоны, а прилагательные I зоны противопоставляются прилагательным IV зоны.

Понятно, что попарное противопоставление зон (I и II противопоставлены III и IV) основывается на переходе количества в качество, т.е. I и II зоны содержат степени "малого", а III и IV — степени "большого".

В чем же состоит противопоставление I зоны ко II и IV к III, задаваемые смещениями количественных характеристик на шкале и подтверждаемые антонимическими противопоставлениями?

Если прилагательные II и III зон представляют собой своеобразные компаративы относительно "нормального размера", то прилагательные I и IV зон представляют собой компаративы уже относительно II и III зон соответственно, а относительно нулевого "нормального размера" выступают в качестве суперлативов.

По-видимому, при переходе от II зоны к I и от III зоны к IV реализуется качественно-количественный скачок от компаратива к суперлативу, причем суперлатив является "компаративом к компаративу".

Единицы II зоны относительно III так же, как и единицы I зоны относительно IV выступают в качестве оппозитивов (антонимов), причем, мы не отметили ни одного случая фиксации информантами антонимических пар типа *небольшой — чудовищного размера*, противопоставляющих "минимальную компаративность" "максимальной суперлативности".

Таким образом, можно предположить, что смещения положения прилагательных на шкале фиксируют психологические переходы количества в качество.

Схематически общую структуру градуального эталона "размер" можно представить таким образом (см. рис. 5):

Рис. 5

Контрольный эксперимент с 68 информантами по той же методике был проведен на материале 37 прилагательных типа *хороший — пло-*

хой [30]. Приведем упорядоченную последовательность прилагательных с указанием среднего места каждого из них:

1) великолепный – 2,9	19) плохой – 19,4
2) идеальный – 4,1	20) худой – 20,0
3) превосходный – 4,1	21) дурной – 21,6
4) замечательный – 4,5	22) скверный – 23,0
5) прекрасный – 5,4	23) никудашный – 23,3
6) отличный – 5,9	24) дрянной – 24,0
7) распрекрасный – 7,3	25) невозможный – 24,2
8) мировой – 7,8	26) несносный – 25,1
9) отменный – 8,2	27) невыносимый – 25,6
10) славный – 10,0	28) нестерпимый – 25,8
11) добрый – 11,3	29) гадкий – 25,9
12) хороший – 12,2	30) паршивый – 30,1
13) ладный – 12,4	31) гнусный – 30,5
14) важный – 12,9	32) отвратительный – 30,7
15) неплохой – 14,1	33) мерзкий – 30,9
16) нормальный – 14,9	34) мерзостный – 32,2
17) нехороший – 17,9	35) пакостный – 32,7
18) аховый – 18,9	36) омерзительный – 33,3
	37) паскудный – 35,1

Анализ данного материала показывает, что градуальный ряд *великолепный – паскудный* полностью вписывается в общую структуру градуального эталона, разработанного на материале градуального ряда *микроскопический – чудовищного размера* (см. рис. 5).

Если характеристика *нормального размера* была смещена в сторону *большого*, то характеристика *нормальный* смещена в сторону *хорошего*.

Контрольный эксперимент не только подтвердил результаты анализа данных, полученных в основном эксперименте, но и создал предпосылки к выявлению более частных структур градуального эталона. Однако обсуждение этой проблемы требует значительно большего объема экспериментального материала и не входит здесь в наши задачи.

Поскольку вычисления по результатам экспериментов этого типа легко могут быть автоматизированы, появляется возможность создания "градуальных" словарей, представляющих практический интерес.

§ 9. ОБЪЕМНЫЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРИЗНАКИ

Вернемся теперь к понятию "объемный семантический признак". Анализ полученных в эксперименте данных показывает, что испытуемые помещают определенное прилагательное в некоторой конкретной зоне шкалы. При этом оказывается, что размерность самой зоны (количество шагов по шкале, на которые помещается испытуемыми данное прилагательное), или степень "точности" / "объемности" семантического признака у разных прилагательных различна. В качестве коэффициента объемности концептуального признака (*grosso modo*) может быть принято

число, вычисляемое по формуле $\mu = \frac{S}{t}$, где S – количество ненулевых слагаемых в сумме $n_i + n_j + \dots + n_k$ (см. формулу на с. 26), а t – общее количество испытуемых.

Наименее объемными признаками обладают (по данным основного эксперимента) прилагательные *микроскопический* (0,08), *небольшой* (0,10), *нормального размера* (0,12), *гигантский* (0,12), *маленький* (0,13), *немаленький* (0,14), *малый* (0,14), *мелкий* (0,14), *крошечный* (0,16), *исполинский* (0,16), *чудовищного размера* (0,16).

Наиболее объемными концептуальными признаками обладают прилагательные *миниатюрный* (0,25), *громоздкий* (0,25), *неохватный* (0,24), *карликовый* (0,24). Остальные прилагательные располагаются между этими полярными типами.

Чем объемнее концептуальный признак (чем большую зону шкалы покрывает данное прилагательное), тем меньшей точностью обладает несущая его лексема при обозначении конкретного размера объекта реального мира, но тем большее число размеров объектов реального мира в границах зоны можно обозначить при помощи данной номинации. (Понятно, что здесь не учитываются ограничения на сочетаемость лексических единиц в речи и коннотаты).

Обсуждение объемных семантических признаков было бы неполным, если бы мы не обратили внимание на степень их градуальной однозначности – неоднозначности. Если на графике вероятностное распределение для некоторого прилагательного близко к нормальному, т.е. все испытуемые помещают данное прилагательное в одной и той же зоне шкалы, то можно говорить о градуальной однозначности объемного признака. В случае же, если мнения испытуемых относительно места данного прилагательного на шкале разделились, скажем, поровну, и фиксируются в виде двух смежных зон на шкале, то на графике мы получим конфигурацию с двумя равными пиками. В этом случае следует говорить о градуальной неоднозначности.

Анализ графиков, построенных по результатам эксперимента, показал, что, если в качестве пиков рассматривать вероятностные характеристики прилагательного в рамках одной зоны, отличающиеся друг от друга не более, чем на треть, между которыми имеется относительно малая вероятностная характеристика (с величиной, не превышающей половинное значение большого пика), то к числу градуально многозначных мы должны будем отнести следующие прилагательные:

1. *малюсенький* (пики на 10, 14 и 8 шагах шкалы);
2. *грандиозный* (пики на 21 и 18,5 шагах шкалы);
3. *здоровый* (пики на 26, 29 и 31 шагах шкалы);
4. *неохватный* (пики на 16 и 20 шагах шкалы).

Остальные прилагательные при таких критериях должны быть отнесены к градуально однозначным.

Градуальная однозначность, по сути дела, представляет собой "вероятностное предпочтение" какого-либо одного шага в рамках зоны

шкалы, занимаемой данным прилагательным. Другими словами, при градуальной одиозначности можно говорить о своеобразном единичном вероятностном "ядре" объемного семантического признака. Градуальная многозначность, наоборот, свидетельствует о наличии некоторого количества разных "вероятностных предпосылок" в рамках одной зоны, или о множественном "ядре" объемного семантического признака.

При нормальном распределении вероятностей с одним пиком в рамках одной зоны можно говорить о том, что "ядро" объемного семантического признака находится в его центре, при смещении пика к одной из границ зоны — об объемном градуальном семантическом признаке со смещенным ядром. Ядро (ядра) объемного семантического признака — это точечный градуальный признак (признаки) в границах объемного семантического признака. Понятие ядра объемного семантического признака имеет важное значение для понимания вероятностной природы речевой деятельности на семантико-когнитивном уровне. Чем выше пик и чем короче зона его основания, тем более "плотным" является объемный семантический признак, тем он ближе к точечному семантическому признаку, тем более точным (градуально терминологичным) значением обладает лингвистическая единица, несущая данный признак. В речевой коммуникации такие единицы используются для "уменьшения объемности" признака других лингвистических единиц (ср.: ... *размером с двухкопеечную монету*, ... *с маковое зернышко*, ... *с булавочную головку* и т.п.) [31].

Можно ли получить в эксперименте количественные характеристики объемного признака некоторого динамического предметного концепта, т.е. его норму и пределы? Ведь в этом случае мы получим возможность убедиться в психологической реальности существования объемного семантического признака в его качественно-количественных границах.

Для ответа на данный вопрос мы провели психолингвистический эксперимент, в котором приняло участие 106 информантов. Они получили следующую инструкцию: "Представьте себе круглое яблоко нормального (среднего) размера и, пользуясь линейкой, оцените его диаметр в миллиметрах. Сделайте то же самое для яблока самого возможно малого размера и яблока самого возможно большого размера".

Информанты не испытывали никаких затруднений при "опредмечивании" данных качественно-количественных мер. Подавляющее большинство из них воспользовалось часто применяемым на практике кинестетическим способом фиксации и передачи метрической информации: установлением расстояния между большим и указательным пальцами руки или расстояния между параллельно расположенными ладонями.

Статистическая обработка полученных данных доказала психологическую реальность объемного признака и градуального эталона размера концепта "яблоко". Оказалось, что "яблоко нормального размера" описывается нормальным статистическим распределением. Диаметр такого "яблока" варьирует в пределах 5,5–8,5 см. Среднее место находится в точке 6,9 см. Такое "яблоко" представлено на рис. 6, В. "Минимальное яблоко" оказалось диаметром в 2,6 см (рис. 6, А), а "максимальное" —

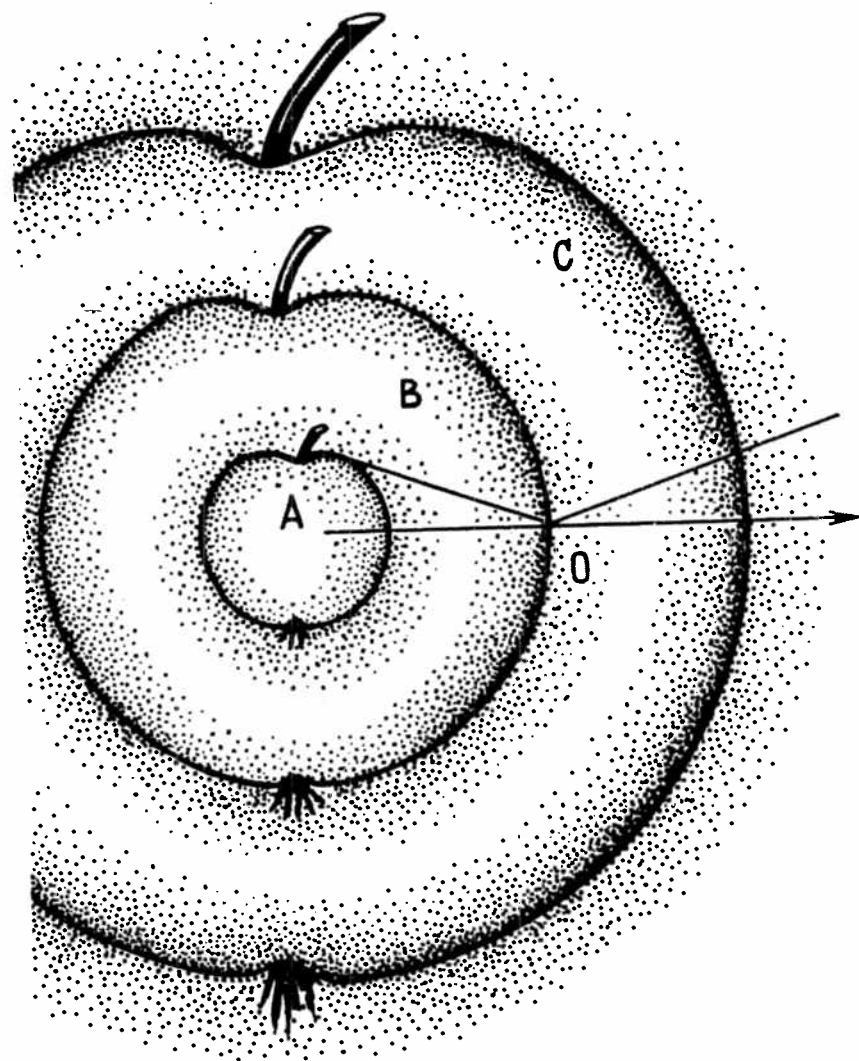

Рис. 6

12,3 см (рис. 6, С). Следует подчеркнуть, что наиболее "плотным" (наименее объемным) оказался нормальный размер "яблока" ($\mu = 0,07$), наименее — максимальный ($\mu = 0,19$); μ для минимального размера составляет 0,09.

Объемный признак размера концепта "яблоко" в целом составляет 9,7 см, т.е. размер яблок варьирует от 2,6 до 12,3 см.

Если представить теперь яблоко размером 2,6 см, растущее на ветке, то вплоть до достижения диаметра В (см. рис. 6) оно будет рассмат-

риваться как "маленькое", а преодолев зону этого диаметра, п р е в р а т и т с я в "большое". В то же время, ни один из испытуемых не считает "яблоком" объект диаметром в 1 см и меньше, лишь четверо из шести считают "яблоком" объект диаметром в 17 см и более.

Располагая теперь двумя градуальными эталонами (объемный признак размера концепта "яблоко" и универсальный признак размера), было интересно экспериментально совместить их (наложить друг на друга). Для этих целей 85 испытуемым были предложены:

а) графические изображения "нормального", "самого возможно большого" и "самого возможно малого" яблок в натуральную величину (изображения раздельные);

б) упорядоченный список прилагательных размера.

Изображения предъявлялись последовательно. Испытуемым предлагалось выбрать для каждого из изображений одно такое прилагательное из списка, которое бы, по их мнению, наиболее точно обозначало данный размер яблока.

Анализ результатов показал, что для обозначения яблока диаметром 6,9 см 61% испытуемых использует номинацию *нормального размера*, 23% называют такое яблоко *небольшим*, 11% — *немаленьким*, 5% используют иные номинации ($\mu = 0,06$). Распределение вероятностей близко к нормальному.

Для обозначения размера яблока диаметром 12,3 см наибольшее число испытуемых использует прилагательные *огромный* и *здоровенный* (33%), *здоровый* и *солидных размеров* (21%), *крупный* (11%) и др. (35%), $\mu = 0,19$.

Для обозначения размера яблока диаметром 2,6 см используются градуальные синонимы *крошечный*, *крохотный* и *малюсенький* (43%), *маленький* и *мелкий* (33%) и некоторые иные номинации (24%), $\mu = 0,16$.

Анализ вероятностных характеристик показывает, что указанные эталоны естественным путем совмещаются друг с другом. В то же время, такое совмещение является неполным. Эталон, описывающий значимости прилагательных размера, оказывается более протяженным, чем эталон размерности "яблока": для обозначения размера *A* ни один из испытуемых не использовал прилагательное *микроскопический*; для обозначения размера *C* ни один из испытуемых не использовал прилагательных *грандиозный*, *неохватный*, *неизмеримый*, *колоссальный*, *циклопический*, *чудовищного размера*. Данные факты могут, конечно, свидетельствовать об отсутствии нормативной лексической сочетаемости существительного "яблоко" с данными прилагательными. Но, поскольку речь идет не об одном, а о нескольких прилагательных и все они располагаются в зонах максимумов их градуального эталона, можно с уверенностью утверждать, что градуальный эталон размера, выступающий в качестве универсального "измерительного инструмента", исходно является относительно более протяженным, чем "измеряемый объект" (эталон размерности яблока). Дальнейшие эксперименты могут показать, является ли такое соотношение когнитивной универсалией.

Следует особо подчеркнуть чрезвычайно компактное и близкое к

нормальному распределению вероятностей, описывающее "нормальный размер" на обоих эталонах. Этот факт указывает на то, что "норма" обладает минимальной степенью объемности в сознании (стремится к точечному значению). Это дает основания утверждать, что норма является тем "когнитивным нулем", который лежит в основе компаративного формирования эталонов. Как норма, так и пределы градуальных эталонов являются производными от накопленного опыта (как экстралингвистического, так и лингвистического); происходит своеобразное "статистическое накопление", имеющее вид нормального распределения. Таким образом, градуальный эталон может здесь рассматриваться как когнитивная модель вероятностного опыта [32].

В то же время, вероятностный подход не исчерпывает, по-видимому, все механизмы формирования градуальных эталонов.

Понятие объемного семантического признака важно для осмысления качественных характеристик концепта. Являясь обобщением класса образов, концепт включает общие и существенные признаки всего класса. Отсюда следует, что **концепт описывается преимущественно объемными семантическими признаками**. Действительно, для концепта "яблоко" характерна не какая-либо одна стандартная форма, а некоторая шкала форм с заданными пределами, не один вес, а шкала весов с заданными пределами, не одна вкусовая характеристика, а шкала характеристик с заданными пределами, не один цвет, а шкала цветов с заданными пределами и т.д.

Не следует думать, что объемные признаки различных концептов качественно однородны. Если объемный признак размера (например, *огромный*) фиксирует относительную характеристику (ср.: *огромное яблоко* и *огромная тыква*), то объемный признак размера внутри концепта "яблоко" имеет абсолютную характеристику с фиксированным "минимумом", "нормой" и "максимумом". Данный объемный признак является неотъемлемым и базовым компонентом концепта "яблоко", наряду с объемными признаками формы, массы, цвета, запаха, "твердости" и т.п., также представляющих собой абсолютные объемные признаки. Если говорить о семантике лексемы "яблоко", эти же признаки следует считать семантическими.

По нашему мнению, градуальный эталон является общей моделью внутренней структуры объемного признака. Приведем пример. Глагол *передвигаться* в значении "перемещаться при помощи нижних конечностей" является номинацией объемного признака, описываемого градуальным эталоном типа *ползти — плестись — брести — тянуться — идти — трусить — бежать — нестись — мчаться — лететь*, фиксирующим скорость перемещения (норма — *идти*). В свою очередь, каждый из данных глаголов является номинацией объемного признака, описываемого градуальным эталоном. Так, концепт "бежать" в качестве нормы имеет среднестатистическую скорость этого способа перемещения, в сознании фиксируются и минимальная и максимальная скорости бега. Таким образом, концепты "передвигаться" и "бежать" описываются **объемными признаками разной величины**, представленными в виде градуальных эталонов.

Разнообъемные признаки могут быть описаны градуальным эталоном с пределами "общее" и "частное". В этом смысле большой интерес представляет понятие "бинарный тензор", введенное Г. Гийомом [33].

Главной отличительной чертой бинарного тензора является понятие двойного вектора, отражающего двойственный характер мыслительной операции: от частного к общему и наоборот. Графически бинарный тензор Гийома представлен на рис. 7:

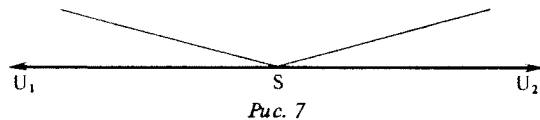

Рис. 7

где U_1 , U_2 – общее (universel), S – частное (singular).

Вектор $U_1 - S - U_2$ демонстрирует движение от общего к частному и далее вновь к общему. При этом возможна остановка движения на любом участке вектора. Гийом демонстрирует возможности бинарного тензора, в частности, на примере французских артиклей *un* и *le*, причем оказывается, что тензор позволяет не только дифференцировать частное и общее значения и, соответственно, формы *un* и *le*, но и анализировать контекстуальные модификации этих значений путем остановок движения на любом участке двойного вектора.

Градуальный эталон структурно напоминает бинарный тензор Гийома. Основные отличия мы усматриваем в том, что на градуальном эталоне в зоне S (см. рис. 7) фиксируется не "частное", но "и частное и общее", либо "ни частное ни общее", а в зонах U_1 и U_2 – "частное" и "общее". Кроме того, градуальный эталон выступает в качестве когнитивной модели, описывающей не только диалектику общего и частного, но целый комплекс когнитивных содержательных сущностей. Что же касается кинетики содержательных единиц, для фиксирования которой Гийом пользуется движением по векторам бинарного тензора, то такой подход мы переносим применительно к понятию "динамический признак".

Объемный и динамический признаки описываются одним и тем же базовым градуальным эталоном. В то же время, в отличие от объемного признака, основными характеристиками которого являются положение на градуальном эталоне и покрываемая им зона эталона, динамический признак характеризуется:

- направлением вектора в эталоне (ср. значения лексем *расти* и *уменьшаться*, *стареть* и *молодеть*, *разволноваться* и *успокоиться* и т.п.);
- наличием или отсутствием "внутриэталонных" пределов изменения, описываемых зонами или точками на градуальном эталоне (*расти* и *прорасти*, *подрасти*, *перерасти*, *вырасти*);
- связанной с пределами зоной изменения (например, на эталоне, описываемом упорядоченным рядом существительных типа *младенец* – *мальчик* – *юноша* – *мужчина* – *пожилой человек* – *старик* – *старец*, глагол *взрослеть* фиксирует изменение в "левой" половине эталона вплоть до нормы *мужчина*, а глагол *стареть* – в "правой").

Таким образом, градуальный эталон является когнитивно-семанти-

ческой моделью, которая позволяет перейти к новому качеству описания содержательных сущностей, поскольку она одновременно фиксирует объемные и динамические признаки, градуальную синонимию и антонимию как в дискретном, так и в континуальном аспектах. Ниже мы попытаемся показать, что градуальный эталон может использоваться при описании событийных единиц.

Мы далеки от мысли, что в результате проведенных экспериментов нам удалось полностью описать структуру градуального эталона. Сведения, полученные в экспериментах, являются относительными: место и зона некоторого прилагательного на эталоне оказываются в прямой зависимости от набора (количества и качества) исходных лексических единиц [34].

В то же время, основываясь на данных экспериментов, можно утверждать, что полученные упорядоченные наборы лингвистических единиц являются шкалирующими дискретизациями универсальных континуально-дискретных содержательных сущностей (градуальных эталонов). Языковая шкала относится к градуальному эталону примерно так же, как, например, шкалы Цельсия или Фаренгейта к температурному континууму (попутно заметим, что температурный континуум русский язык шкалирует "по-своему": в ряду *огнедышащий* – *горячий* – *теплый* – *нормальный* – *прохладный* – *холодный* – *ледяной* в качестве "нормальной" или "комнатной" выступает не 0 по Цельсию, а температура в зоне 18–20 градусов). При таком подходе континуально-дискретная структура градуального эталона не детерминируется шкалирующей дискретизацией того или иного естественного языка.

Следует предположить, что когнитивные сущности типа градуальных эталонов используются нами как при интерпретации перцептивно воспринимаемых сцен и образов, так и в процессах порождения и понимания речи.

ГЛАВА II

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 1. ВЫБОР ОБЪЕКТА ОПИСАНИЯ

Рассмотрев основные единицы и уровни фонового знания, необходимо определить, какие из них представляют наибольший интерес с точки зрения их функций в коммуникативных процессах, а также обсудить проблему исходного материала и исследовательских методов, которые следует использовать для моделирования избранных единиц.

Из четырех описанных выше единиц (сцена, событие, образ, концепт), располагающихся на двух уровнях (представлений и понятий), нас далее будет интересовать, прежде всего, событие и, отчасти, образ.

Чем это обусловлено? Событие фиксирует обобщенное тривиальное знание и включает общие и существенные признаки целых классов

сцен. Такие качественные характеристики предполагают универсальность события, его соотнесенность с социальным знанием. Поскольку нас интересуют наиболее общие закономерности взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов в речемыслительной деятельности, точнее, функции когнитивного компонента в речевых актах, то именно событие, причем событие максимальной степени обобщенности, должно быть описано в первую очередь.

Мы предполагаем, что именно наиболее глобальные событийные структуры служат универсальным когнитивным фундаментом для социальной кооперации в речевых актах; именно эти структуры, как правило, прямо не вербализуются в форме выражения текстов, ориентированных на массовую коммуникацию. Именно обобщенные событийные структуры представляют собой своеобразную когнитивную "тему" к семантике — "реме" любого осмысленного текста (дискурса). Более конкретные когнитивные единицы служат "темами" к коммуникативным "ремам" в частных случаях коммуникации (например, индивидуальная, профессиональная и др. случаи немассовой коммуникации).

Абстрактное событие и уникальную конкретную сцену мы считаем полярными максимумами гипотетического градуального эталона, описывающего диалектику единичного (уникального) и общего (универсального). При этом в межполюсной зоне такого градуального эталона должны располагаться когнитивные единицы, которые в равной степени располагают как качествами события, так и качествами сцены. Другими словами, такие единицы в равной степени принадлежат как к понятийному уровню, так и к уровню представлений.

Для того, чтобы наметить особенности функционирования единиц уровня представлений в речемыслительной деятельности, необходимо рассмотреть и какую-либо из двух единиц этого уровня. Сопоставляя сцену и образ, мы пришли к выводу, что более предпочтительным является экспериментальное исследование образа.

Можно предположить, что данные, полученные относительно события и образа, окажутся полезными и при интерпретации единиц, остающихся за рамками экспериментального исследования (сцена, концепт).

§ 2. ВЫБОР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Теперь нам необходимо обсудить вопрос об исходном материале и исследовательских методах, которые следует использовать для семантического моделирования избранных когнитивных единиц.

Если нам не удастся отыскать корректной процедуры моделирования таких единиц, то все теоретические рассуждения, изложенные в предыдущей главе, окажутся, в лучшем случае, непротиворечивой гипотезой.

Напомним в этой связи, что для лингвиста, строго говоря, существуют лишь такие содержательные явления, которые так или иначе дифференцируются в форме выражения формальными единицами разных уровней и объема.

Поскольку события и образы вербализуются текстами различного объема и структуры (от однословного предложения до многотомного литературного произведения), наиболее перспективным, на первый взгляд, является извлечение из текста или корпуса текстов, описывающих некоторую когнитивную единицу (единицы), набора релевантных семантических компонентов, которые и будут составлять когнитивную семантическую модель. Если в качестве материала исследования будет выступать некоторая последовательность предложений, то такое исследование будет примыкать к направлению, так называемого, контент-анализа; если же материалом послужит текст, состоящий из одного предложения, то исследование будет напоминать работу в области глубинного синтаксиса.

Существует ли принципиальный недостаток в использовании в качестве исходного материала (для семантического моделирования когнитивных единиц) готовых текстов на том или ином языке?

Как мы попытались показать выше, текст опирается на общие фоновые знания отправителя и получателя данного сообщения, служит своеобразной содержательной ремой к когнитивной теме, а потому, теоретически, не должен вербализовать ничего, или, точнее, почти ничего, что может быть известным обоим участникам коммуникации (в случае массовой коммуникации в качестве второго участника выступает социум). Другими словами, текст оказывается своеобразной "надстройкой" на когнитивной "базе", причем последняя имплицитно обоими участниками коммуникации к данному тексту, но обычно не эксплицитно в самом тексте. Именно "базу совместных знаний" нет нужды вербализовать в тексте, но, главным образом, именно к этой области принадлежат интересующие нас когнитивно-семантические единицы.

Лингвист, пытающийся извлечь из текста или корпуса текстов некоторые инвариантные содержательные единицы, относящиеся к фоновым знаниям, неизбежно "пропускает" текст "через себя" и использует собственные индивидуальные знания для их описания.

Отсюда следует, что использование некоторого текста (текстов) в качестве исходного материала при моделировании когнитивно-семантических единиц не дает оснований считать получаемые данные достаточно объективными в силу совпадения объекта и субъекта познания. Ведь фоновые знания содержатся не столько в тексте, сколько в сознании исследователя! Здесь уместно привести цитату из статьи Ю.Д. Апресяна, который, обсуждая трудности построения формальной модели языка, приходит к выводу, что "лингвисты должны не просто перевести накопленные в науке знания на формальный язык, а добыть большую часть этих знаний, особенно в области семантики. Сделать это непросто. Если верно, что язык — это живое мышление, то сейчас мы столкнулись с самой трудной из мыслимых в науке ситуаций — ситуацией, когда объект познания совпадает с его субъектом" [37].

Таким образом, обычные тексты не могут быть использованы в качестве адекватного исходного материала для моделирования единиц и уровней фонового знания. Необходимо отыскать, если это возможно,

такой лингвистический материал, который в эксплицитной форме описывал бы именно искомые содержательные единицы фонового бытового знания.

Самым сложным здесь является то обстоятельство, что искомые единицы обычно не вербализуются. Поэтому необходимо выработать такие экспериментальные приемы, которые позволили бы извлечь из сознания некоторого индивида или социума в вербальной форме хотя бы наиболее общие когнитивные структуры и единицы.

Исходный материал должен в явном виде, т.е. в форме выражения, фиксировать искомые когнитивные единицы, причем этот вербальный материал должен предоставлять возможность описывать не только индивидуальное, но, главным образом, социальное стандартное знание; он должен быть достоверным и пригодным для семантического анализа и вероятностно-статистической обработки.

Поиски такого материала привели нас к пониманию особой роли вопросов при анализе проблемы фоновых знаний. Действительно, естественной формой вербализации фонового знания, имеющегося у интерпретатора некоторой информации, является вопрос. Другими словами, любой осмысленный вопрос получателя сообщения свидетельствует о том, что он знает, или предполагает нечто, чего фактически не сказано в текстовом сообщении, но что содержится в фоновом знании получателя или выводится им из этого знания относительно данного текста.

Прежде чем обсуждать пути получения и способы обработки вопросов, необходимо, хотя бы вкратце, рассмотреть их лингвистические особенности.

§ 3. ВОПРОС

В вопросно-ответном диалоге реализуется естественный механизм "выравнивания" уровней до этих пор невербализованного знания участников коммуникации. В случаях неадекватной, с точки зрения слушающего, вербализации знаний говорящим, которая может заключаться в слишком общем или неполном освещении событий, нарушении их последовательности во времени, отсутствии вербализации связей между событиями, существенных деталей (признаков) событий и сцен, слушающий, как правило, превращается в говорящего и запрашивает недостающую ему информацию вплоть до получения такого уровня знаний, который может служить когнитивным фундаментом для кооперации в дальнейшей коммуникации.

Под вопросом обычно понимается некоторое высказывание, имеющее целью побудить слушающего сообщить нечто неизвестное говорящему или представляемое говорящим как требующее пояснения [36]. В то же время это "неизвестное говорящему" на самом деле не является ему полностью неизвестным. Он знает, "о чем спросить". Для того, чтобы задать осмысленный вопрос, говорящий несомненно пользуется собственными полученными ранее знаниями, на базе которых строятся предположения, имеющие вероятностную природу. Именно эти предположе-

ния (два и более) и оформляются в виде высказывания-вопроса. Другими словами, вопрос — это вербализация "знания о незнании".

Общие вопросы отражают множественность предположений и, соответственно, возможных ответов. Например, вопрос типа *Сколько человек интересуются функциями фоновых знаний в речемыслительной деятельности?* допускает большое число предположений и возможных ответов (от 1 до n).

Конкретные вопросы обычно фиксируют парные содержательно противопоставленные предположения и допускают два ответа (альтернативность), например:

Петр уже приехал или нет?

Следует предположить, что между предельно общими и предельно конкретными вопросами существует ряд вопросов, которые можно градуально упорядочить по степени конкретности / обобщенности, например:

Где ты был вчера вечером? > Был ли ты в городе вчера вечером? > Был ли ты в театре вчера вечером? > Сидел ли ты в партере? и т.п.

Учет степени конкретности / обобщенности вопроса позволит нам в дальнейшем дифференцировать различные степени градуальных признаков, например, места, времени, качества, количества и т.п.

Риторические, так же как и делиберативные и эмоциональные вопросы (например: *Ты еще здесь?*) не требуют ответа и не представляют серьезного интереса с позиций моделирования фоновых знаний.

Большое внимание вопросам уделяют специалисты в области логической семантики. В некоторых работах логика вопросов и ответов получила название "эротетической логики". Особенно бурно данная область стала развиваться в связи с нуждами компьютерных вопросно-ответных информационно-поисковых систем. Под значением вопроса здесь обычно понимается "совокупность ответов, допускаемых этим вопросом" [37].

В предисловии к цитируемой работе В.А.Смирнов и В.К.Финн пишут, что "формальная теория вопросов может имитировать логическими средствами лишь некоторые типы вопросов... примерами вопросов, имеющих формальные имитации, являются ли-вопросы, какой-вопросы, сколько-вопросы и почему-вопросы" [38].

Я.Хинтикка считает, что любая удовлетворительная теория вопросов и ответов должна основываться на хорошей теории знания и познания (Белнап и Стил идут от языка) и что "единственным реальным преимуществом логической записи является то, что ее семантика может получить объяснение без обращения к естественному языку в простом и ясном виде" [39].

Логико-семантическая типология вопросов имеет большое теоретическое и практическое значение, особенно при построении вопросно-ответных АИПС. В то же время с точки зрения стоящих перед нами задач, такая типология дает неоправданно схематизированную и контрастную картину.

Поскольку мы предполагаем использовать вопросы на естественном языке для семантического описания единиц знания, нам необходимо обсудить предпосылки к построению лингвистической семантической типологии вопросов.

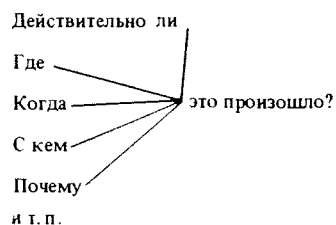
Прежде всего подчеркнем, что такая лингвистическая семантическая типология может быть построена только в результате содержательного анализа достаточно представительной выборки вопросительных предложений на естественном языке.

Еще до начала собственно анализа конкретных вопросительных предложений можно утверждать, что класс вопросов в целом выделяется по общему семантическому признаку "интеррогативность", который можно характеризовать как интенцию отправителя, направленную на получение (от получателя) информации определенного типа.

По типу запрашиваемой информации класс вопросов может быть подразделен на подклассы (семантические поля), выделяемые по таким семантическим признакам, как "темпоральность" (*когда?*, *с каких пор?*, *до каких пор?*, *в течение какого времени?* и т.п.), "локальность" (*где?*, *откуда?*, *куда?*, *на чем?*, *под чем?*, *за чем?*, *перед чем?*, *в чем?* и т.п.), "каузативность" (*почему?*, *зачем?*, *с какой целью?* и т.п.) и многие другие.

В рамках каждого подкласса может быть проведен детальный семантический анализ, направленный на выделение более частных семантических признаков и их связей.

Со структурной точки зрения вопросы состоят из двух частей. Это, прежде всего, вербализованная тема-утверждение: *...это произошло...* и интеррогативная рема:

Как тема, так и рема вопроса могут иметь различную степень детализации, коррелирующую с точностью и полнотой вопроса. Так, условие некоторой математической задачи, которое формально может состоять из нескольких предложений, целиком следует отнести к "теме".

Максимально детализированная "рема" вопроса вербализует весь набор альтернативных ответов, предполагаемых говорящим, и может состоять из нескольких предложений. Например, *Вы обычно проводите отпуск на Юге? Или в Прибалтике? Или на даче? Или вы путешествуете?* (Ср.: *Где вы обычно проводите отпуск?*).

При исследовании события наибольший интерес представляют вопросы с максимально обобщенной универсальной "темой" и разнообразными "ремами" различной степени детализации. Ведь именно "ремы" указывают на знания говорящего, коррелирующие с данной темой.

Будем рассматривать совокупность различных вопросов, которые способен сформулировать данный человек в связи с определенной темой ("расспрос") как один из способов вербализации его индивидуальных знаний по данной теме. Строго говоря, индивидуальные знания описываются как семантикой "темы", так и семантикой всей совокупности индивидуальных вопросов по данной теме.

Отсюда следует, что совокупность вопросов, соотносимая с некоторой заданной темой и сформулированная достаточно представительной группой людей (выборочной совокупностью социума), может рассматриваться как материал для семантического моделирования социального фонового знания (когнитивных структур) относительно данной темы.

В отличие от изолированных слов, вопросительные предложения, в основном, однозначны. Вопросительные предложения, выражающие общий вопрос, содержат единичный маркированный признак, являющийся основным содержанием ремы вопроса; такие признаки облегчают классификацию всей совокупности вопросов, поскольку являются классификационными и для более конкретных вопросов. (Ср.: *Где он находился, когда сделал это? и На какой улице это произошло?*).

В то же время могут встретиться и многозначные, "многоремные" вопросы с дифференциацией рем, типа *Когда, где и почему это произошло?*; при семантико-статистической обработке такой вопрос следует рассматривать как три различных вопроса.

Кроме того, встречаются вопросы с обобщенной множественной ремой типа *Что нужно для того, чтобы сделать это?*.

Вопросы подобного рода представляют большой интерес, поскольку обобщают в некоторые естественные таксоны маркированные признаки других классов вопросов, задавая "классы классов" вопросов.

§ 4. О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Семантические единицы не даны исследователю в прямом наблюдении. В связи с этим обстоятельством все известные методы их исследования прямо или опосредованно связаны с той или иной формой выражения.

Лингвистические методы предполагают в качестве исходного материала знаковые единицы и их комплексы (языковые, речевые), которые рассматриваются как факты реальности, условно существующие "сами по себе", вне сознания. Номинация (например, текст) наделяется собственными содержательными характеристиками. Происходит своеобразная "автономизация" формы выражения; оказываясь в фокусе исследовательского внимания, текст начинает жить "самостоятельной жизнью", а качественные и функциональные характеристики его создателей (говорящего и слушающего) оказываются "несущественными".

Тем не менее, лингвистические методы исследования семантики многообразны и продуктивны, отсутствие анализа характеристик сознания создателей текста (участников речевого акта) компенсируется самоанализом исследователя [40].

Если лингвистическую семантику интересует устройство и функционирование значений лингвистических единиц и языка в целом, то логическая семантика, ориентированная на решение общелогических проблем (исследование законов и форм мышления), в качестве объекта исследования имеет значения формализованных (искусственных) выражений и правила интерпретации логических исчислений. Формализованные выражения не выводятся из естественного языка. "Вместо этого мы раз и навсегда предположим, что как язык утверждений, так и язык вопросов являются формальными... Хотя нас, безусловно, интересует семантический анализ вопросов и ответов естественного языка, основная цель книги состоит скорее в том, чтобы построить удобную формальную систему записи и предложить ряд понятий, пригодных для рассуждений о вопросах и ответах" [41].

С других позиций исследуют семантику психологи и психолингвисты. Объектом исследования здесь выступает не текст на естественном языке или формализованное выражение (текст на искусственном языке), а сознание людей, пользующихся своим языком. С помощью специальных стимулов и инструкций исследователь достигает такой оформленной реакции испытуемого или группы испытуемых, которая, в зависимости от инструкций и стимулов, позволяет судить либо о вербальных или когнитивных структурах, либо об их комплексах.

Психолингвистические методы многократно описаны в литературе [42].

Большинство методов (метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, ассоциативный эксперимент, метод субъективного шкалирования, метод семантического радикала, метод подстановки, метод классификации) ориентированы на лексический уровень и дают лишь косвенные сведения о когнитивных структурах. В исследованиях в области когнитивной психологии нам также не удалось отыскать метод, который позволил бы экспериментально сконструировать такую единицу, как событие.

В связи с этим мы предприняли серию собственных психолингвистических экспериментов, направленных на получение и анализ когнитивно-семантических единиц и структур.

1. Суть эксперимента "Градуальный эталон," направленного на изучение градуального семантического признака, была описана в предыдущей главе. Напомним, что в качестве стимульного материала здесь выступает некоторая неупорядоченная группа слов, объединенная общим признаком, например, "размер", "эмоциональное отношение", "скорость", "время" и т. п., а в качестве инструкции — задание на упорядочение элементов внутри группы по нарастанию (снижению) степени данного признака.

2. Значительно более сложная форма знания фиксируется в событийных структурах. Для их исследования мы разработали психолингвистический эксперимент иного типа, который мы назвали "Событие". При его планировании использовались специфические характеристики вопроса (формально, — вопросительного предложения), в частности, тот факт,

что рема вопроса фиксирует знание человека относительно чего-то, о чем именно пока, собственно, и "речи не было".

Обычно в вопросно-ответной диалогической коммуникации каждый очередной вопрос детерминируется всей совокупностью уже полученной информации и, в частности, предшествующим ответом.

Однако существуют и специфические вопросные формы без "оперативной связи" (например, читатель — газета, радиослушатель — радио), имеющие вид некоторого набора вопросов. Данный набор вопросов ("расспрос") отражает как индивидуальное знание говорящего, так и его частные интересы. Если же представить себе, что набор вопросов формулирует не один человек, а некоторый социум, причем все вопросы объединены общей темой, то совокупность вопросов может рассматриваться как формальное отображение обобщенного социального фонового знания.

Суть серии экспериментов "Событие" состоит в том, что достаточно представительной группе информантов в качестве стимула предлагается некоторый осмысленный текст (теоретически — любого объема), обозначающий некоторое событие, а в качестве инструкции следующее задание: "Вам необходимо детально выяснить, что произошло у предполагаемого собеседника. Поставьте письменно любое количество таких точных вопросов, ответы на которые позволили бы вам полностью понять, что произошло. Учтите, что вопросительные слова многозначны, поэтому вопросы должны быть развернутыми". Время экспериментов не ограничивается.

В результате эксперимента мы получаем некоторое множество наборов номинаций-вопросов, связанных общей темой стимула, но сходных и различных по ремам; данные наборы могут быть подвергнуты лингвистическому анализу, поскольку фиксируют в форме выражения знание группы информантов в рамках заданной темы. При обработке массива вопросов может использоваться статистический аппарат, позволяющий оценить "семантический удельный вес" каждого из выделяемых содержательных компонентов. Для объективизации получаемых данных возможно привлечение информантов-классификаторов; в этом случае реализуется метод кластерного анализа, широко используемый психологами.

В результате анализа данных мы получаем когнитивно-семантическую модель в виде набора семантических признаков и их связей, причем такая модель фиксирует знание некоторого социума, являющееся фоновым относительно семантики текста-стимула. В связи с этим выбор текста-стимула приобретает первостепенное значение, и ниже мы остановимся на этом вопросе особо.

3. При анализе текстов-вопросов выяснилось, что они фиксируют динамику событий во времени. В то же время оказалось, что у классификаторов возникли затруднения с определением границ событий во времени. Действительно, с какого момента человек начинает, например, покупать себе шапку: с момента, когда он начинает искать ее в магазинах? Или когда находит нужный товар? Или когда примеряет ее? Или когда выписывает чек? Или еще позже?

Следующий тип экспериментов, "Границы события", заключается в том, что испытуемым предлагается текст-"хроника", детально описывающий последовательность поступков во времени, причем изложение начинается "задолго" до интуитивно предполагаемого начала события и заканчивается значительно позже предполагаемого окончания события. Все предложения, обозначающие отдельные поступки, пронумерованы. В задачу испытуемых входит определение начала и окончания некоторого события (обед, покупка, просмотр кинофильма и т.п.) путем фиксации номеров предложений, совпадающих, по их мнению, с началом и окончанием того или иного события. Полученные данные используются для проведения анализа массива вопросов (эксперимент "Событие"). Следует подчеркнуть, что эти данные представляют и самостоятельный теоретический интерес.

4. Полученные в результате анализа вопросов (эксперименты "Событие") наборы признаков представляют собой спаянные "конгломераты" разнородных, на первый взгляд, категорий. В то же время, опыт показывает, что в нашем знании отдельные категориальные признаки вероятно связаны между собой. Так, например, скорость протекания события во времени может быть вероятно связана с физическими качествами Агенса, а его физические качества — с его возрастом, качество Продукта — с Целью его производства и наоборот, и т.п. Эксперименты типа "Функция" направлены на выявление вероятностно-логической связи между семантическими компонентами события. Такие связи, называемые "функциями", имеют градуально-вероятностный характер и представляют собой зависимости типа: чем больше А, тем меньше В; чем лучше А, тем лучше В; чем хуже А, тем лучше В; и т.д.

Эксперименты "Функция" опираются на данные, полученные в экспериментах "Событие". Поиск функций состоит в следующем. В качестве стимула для группы информантов выступает незаконченное предложение типа "Он сделал это быстро потому, что...". Испытуемым предлагается дать осмысленное окончание предложения. Семантико-статистическая обработка окончаний для одного и того же стимула позволяет фиксировать набор функций и оценить степень вероятности той или иной функции для данного социума.

Другими словами, данные, получаемые в результате реализации эксперимента "Функция", позволяют выявить набор вероятностно-семантических связей, существующих между различными семантическими компонентами события, градуальные степени связанности, например, Скорости протекания события в психологическом времени (...сделал быстро) с такими признаками, как Возраст, Мотив, Инструмент, Опыт и т.д. Каждый такой стимул эксплицирует в эксперименте целый набор содержательных коммутаций каждого данного признака со всеми другими признаками события.

Набор функций, наложенный на семантико-статистическую модель, полученную по результатам экспериментов "Событие", дает этой модели новое качество, приближающее модель к оригиналу (знанию, "здоровому смыслу"). Ведь именно такое знание позволяет нам вероятно

прогнозировать, скажем, действия некоторого персонажа литературного произведения по его возрасту, одежде (*фрак/ватник*), месту (*Эрмитаж/землянка*) и т.п. Именно такая модель может дать ключ к пониманию вероятностной природы пресуппозиций.

5. Наиболее простым типом экспериментов являются эксперименты на свободную (естественную) вербализацию информантами конкретных случаев из их опыта, ограниченных тематическими рамками некоторого события (эксперименты "Сочинение"). В качестве стимула здесь выступает заглавие, дублирующее тему некоторого события (например, "*Как я покупал(а) шапку*"). Инструкции могут включать градуальную переменную на детальность вербализации (Изложить: максимально детально/конспективно/максимально сжато и т.п.).

Полученные в эксперименте сочинения используются в дальнейшем для сопоставления их формально-семантической структуры с когнитивной вероятностно-семантической моделью события.

6. Наше исследование, как уже упоминалось, ориентируется на анализ двух когнитивно-семантических единиц: события и образа. При исследовании образа основной задачей, которую мы перед собой ставим, является оценка градуальной степени вербализуемости в речи некоторого конкретного иконического образа предмета.

Эксперимент типа "Образ" состоит из двух взаимосвязанных частей.

Первая группа информантов в качестве стимула получает предмет реального мира (либо его фотографическое изображение). Инструкция предполагает максимально детальную и точную (фактографическую) свободную вербализацию образа данного предмета в виде письменного текста любого объема (эксперимент "Словесный портрет").

Полученные тексты подвергаются вероятностно-семантической обработке с целью объективизации вербальных характеристик и неоднозначности восприятий образа. В результате получается объективизированное и полное словесное описание образа предмета.

Вторая группа информантов в качестве стимула получает готовое объективизированное словесное описание образа предмета и совокупность изображений предметов данного класса (фотографий), включающих и предмет, послуживший стимулом для первой группы информантов. Инструкция предполагает нахождение образа предмета (фотографии) по его словесному описанию. Реакция испытуемых (название номера фотографии, наиболее соответствующей образу, сложившемуся в результате воздействия вербального описания) используется для вероятностно-семантического анализа и оценки "разрешающей способности" естественного языка при вербализации иконического образа.

Перечисленные типы экспериментов дополняют друг друга. Центральным среди них является "Событие". Именно этим обстоятельством объясняется большое количество различных частных экспериментов, которые мы проводим с 1980 г. с информантами, принадлежащими к различным социальным формациям и говорящими на различных языках. К экспериментам типа "Событие" привлекались, в частности, русскоязычные информанты — студенты-филологи (факультет иностранных

языков Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена) и англоязычные информанты – стажеры (американцы и канадцы), обучавшиеся на факультете русского языка как иностранного Ленинградского государственного университета в 1983–1987 гг. Все описываемые эксперименты других типов проводились с русскоязычными информантами.

§ 5. СОБЫТИЕ. ВЫБОР СТИМУЛОВ

В серии экспериментов "Событие" принципиальное значение имеет выбор вербальных стимулов. Тем не менее, качество и количество вопросительных предложений, получаемых в эксперименте, есть функция от многих переменных. Это и количество информантов, их возраст, пол, профессия и т.п., в существенной степени детерминирующие знания о мире, экстралингвистический опыт. Это и лингвистическая компетенция информантов, определяющая такие качества порождаемых вопросов, как их точность и однозначность. Это и качественные характеристики стимулов.

Дело здесь в том, что серия вопросов, которую формулирует каждый информант, есть функция от коммуникативной семантики стимула и когнитивных структур индивидуального фонового (относительно текста стимула) знания информанта. При этом, чем более эксплицитно и полно вербализовано некоторое событие в тексте стимула, тем более частными и специальными являются вопросы информантов к этой вербализации. Общая же структура событий оказывается в этом случае "спрятанной" в коммуникативной семантике текста. Справедлива и обратная зависимость: чем менее эксплицитно и полно вербализовано некоторое событие в тексте стимула, тем более общими и универсальными являются вопросы информантов. В этом случае эксплицируется глобальная структура события.

Если психолога может интересовать корреляция между качественными характеристиками получаемых вопросов и качественными характеристиками отдельных информантов и их гомогенных групп, то лингвиста-экспериментатора должна интересовать зависимость между лингвистическими характеристиками стимулов и аналогичными характеристиками групп реакций. Поскольку речь идет о построении когнитивно-семантических моделей событий, принадлежащих к области всеобщего бытового сознания, вопрос о качественных различиях отдельных информантов и их профессиональных, возрастных и т.п. групп может быть вынесен за рамки исследования.

Наибольший теоретический и практический интерес при исследовании когнитивной семантики представляют максимально общие, глобальные событийные структуры. Ведь теоретически такие структуры являются когнитивным фундаментом для все более конкретных событийных структур и так далее, вплоть до единичных сцен.

Для получения семантических моделей глобальных событийных структур необходимо отыскать такие стимулы-номинации, которые вер-

бализовали бы самый минимальный объем коммуникативной семантики и, соответственно, коррелировали бы с максимально глобальными когнитивными структурами.

Поиск таких событийных стимулов, которые по степени коммуникативной десемантизованности приближались бы к лексическим субститутам (например, местоимениям), показал, что предложения-субституты, замещающие целые классы предложений и являющиеся их обобщенными аналогами, в действительности существуют.

Это утвердительные предложения типа:

Это произошло (происходит, произойдет);

Он сделал это (она, они; делал, делает, сделает, будет делать).

Для исследования более конкретных когнитивно-семантических структур может осуществляться семантически дозированная конкретизация событийных стимулов.

Другими словами, экспериментатор имеет возможность задавать упорядоченную по градуальной степени конкретности-обобщенности последовательность событийных стимулов, вплоть до описания единичной "квазисцены", наблюдая за динамикой изменения качественных и вероятностных характеристик вопросов, порождаемых группами информантов.

В результате обработки наборов вопросительных предложений, получаемых в серии экспериментов, и сопоставления готовых данных, предположительно, появится возможность оценить качественную специфику различных уровней знания.

В то же время следует признать большую трудоемкость семантико-статистической обработки вопросов, получаемых в каждом массовом эксперименте на единичный стимул. Количество вопросительных предложений, получаемых в каждом таком эксперименте (например, с 90 информантами), приближается к тысяче.

Понятно, что использование вычислительной техники при семантической обработке массивов вопросительных предложений лишено смысла, и исследователь вынужден работать "вручную".

В связи с этим, для эксперимента "Событие" были отобраны четыре стимула:

1. "Он сделал это".
2. "Он сделал материальную вещь".
3. "He did it".
4. "He made it".

Соотнесенность отобранных стимулов с событиями, имевшими место в прошлом, обусловлена тем обстоятельством, что некоторое событие может в полной мере считаться фактом знания лишь будучи уже реализованным (ср. понятия: "свершившийся факт" и "план" или "гипотеза"). Именно факты, закрепленные в прошлом опыте, имеют известные структуры, которые служат когнитивной базой для предположений, гипотез, планов и т.п., реализуемых в текущем времени или планируе-

мых на будущее. В дальнейшем возможно сопоставление полученных структур со структурами, эксплицируемыми на стимулы в форме настоящего или будущего времени.

Развернутый анализ вопросительных предложений, полученных в данных четырех экспериментах, выливается в текст достаточно большого объема (см. главы III и IV). Поэтому мы не приводим здесь анализ массивов вопросов, полученных на другие стимулы. (В частности, оказалось, что массив вопросов, полученных на стимул "Это произошло", является менее информативным, поскольку в нем сравнительно слабо представлен "человеческий фактор", т.е. мотивы, план, оценки и т.д.).

В эксперименте со стимулом "Он сделал это" приняли участие 92 информанта. Получено 998 вопросительных предложений. Соответственно: "Он сделал материальную вещь" — 163 информанта и 1809 вопросительных предложений, "He did it" — 56 и 590, "He made it" — 56 и 559. Таким образом, общее число вопросительных предложений, полученных в данных экспериментах, приближается к четырем тысячам.

ГЛАВА III

ОБЩАЯ СТРУКТУРА СОБЫТИЯ. ПРЕДМЕТНЫЙ АСПЕКТ

§ 1. МАКРОСТРУКТУРА

Общей задачей глав III и IV является попытка экспериментального описания целиком такого сложного когнитивно-семантического единства, каким является событие. Материалом для семантического анализа служат массивы вопросов, полученные в результате экспериментов со стимулами "Он сделал это", "Он сделал материальную вещь", "He did it", "He made it", т.е. мы ориентируемся на описание общей структуры наиболее сложного типа событий, в который входят события с одушевленным Агенсом, осуществляющим физическое и/или умственное действие (поступок).

Все вопросы, полученные в разных экспериментах, были подвергнуты детальной семантической обработке с участием восьми информантов-классификаторов, осуществляющих предварительные свободные группировки вопросов "по смыслу".

Поскольку в содержание каждого вопроса с вероятностью единица входят семантические признаки стимула, которые составляют тему вопроса, эти признаки при анализе не учитывались; мы принимали во внимание только такие признаки, которые не дублируют содержание стимула и входят в тему вопроса.

Оказалось, что один и тот же вопрос может входить в такое количество семантических классов, какое количество семантических признаков содержит его рема; сходные факты хорошо известны специалистам в области лексической семантики. Это обстоятельство, на первый взгляд, очень затрудняет математически корректные вероятностные вычисле-

ния. Если высчитывать вероятность признака по количеству вопросов, в которых этот признак имеется, относительно общего числа вопросов, полученных к данному стимулу, то суммарная вероятность всегда будет больше единицы: ведь некоторый вопрос, имеющий в реме три признака, должен учитываться трижды. По сути дела, множество вопросов, полученных в эксперименте, следует рассматривать как сумму всех событий столько раз, сколько разных классификационных структур можно построить на данном множестве элементов. Отсюда следует, что вероятность некоторого признака может быть математически корректно вычислена на одном и том же множестве вопросов (элементов) относительно данной семантической структуры; сумма всех событий в рамках этой единичной структуры действительно будет равна единице. Отсюда же следует, что суммирование вероятностей событий, вычисленных относительно разных структур, — операция, являющаяся математически некорректной.

Понятно, что колебания вероятностей (признаков) в зависимости от социально-языковых характеристик той или иной группы информантов могут представить интерес с точки зрения социальной психологии, однако направленность данной работы оставляет за ее рамками содержательную интерпретацию подобных явлений. Именно это обстоятельство, а также нежелание перегружать текст цифровым материалом, побудило нас отказаться от приведения вероятностных характеристик по каждому отдельному вопросительному предложению, тем более, что мы цитируем их в таком объеме, какой нужен нам для семантического анализа. Упорядочение предложений в рамках того или иного семантического класса производится по содержательному критерию. Вместе с тем, в тексте приводятся вероятностные характеристики когнитивно-семантических классов; вопросительные предложения, имеющие существенную вероятность (выше 0,004), отмечены знаком*.

Приступим к анализу.

Все вопросительные предложения, полученные в экспериментах, с очевидностью распадаются на два больших семантических класса. К первому относятся вопросы, направленные на выяснение фактического положения дел (например, *Каким образом он сделал это?*; *How did he do it?*). Ко второму классу относятся вопросительные предложения, направленные на выяснение внутреннего рационального и/или эмоционального состояния людей-участников, свидетелей, окружающих, непосредственно или опосредованно связанных с данным событием. Например: *Что он испытывал, делая это? How did he feel about doing it?*

Данное противопоставление, выявленное путем анализа вопросительных предложений, соответствует хорошо известным в психологии категориям предметной (внешней, практической) и внутренней (умственной) деятельности [43]. Следует предположить, что массив вопросительных предложений, полученных на наши стимулы, имеет в виде "совокупного" означаемого событийную "клеточку" деятельности, отраженной в бытовом сознании; при этом в событии, как и в деятельности в целом, выявляются предметная и умственная стороны в их взаимосвязи и взаимопереходах.

Между классом вопросительных предложений, описывающих предметную сторону события, и классом, описывающим его умственную сторону, существует область пересечения, в которую входят, в частности, вопросительные предложения, запрашивающие информацию о коммуникативной деятельности людей, непосредственно или опосредованно связанных с событием. Ср.:

Обсуждал ли он предстоящую работу? Советовался ли он с кем-нибудь? Просил ли заранее, чтобы ему помогли? Кому он говорил, что собирается это сделать? Кто ему посоветовал сделать это? Кто его заставил сделать это? Просил ли он о помощи, когда делал это? Ждет ли он теперь отзыв о работе? Рассказывал ли потом о сделанном? Кто сообщил, что он сделал это? и т.п.

Did someone tell him to do it, or did he do it independently? When did he tell you this? Did he ask you not to tell anybody about it? What will his friends say?

Действительно, поскольку "язык выступает как система общезначимых форм и способов вещественно-предметного выражения идеальных явлений" [44], в рамках структуры события мы должны рассматривать коммуникативный компонент и в предметном и в умственном аспектах одновременно. Сходное взаимодействие предметного и умственного аспектов выражают и вопросительные предложения, описывающие непосредственное (т.е. не опосредованное речью) получение человеком информации о предметной деятельности. Ср.:

*Кто видел, что он это сделал? **

*Кто видел, как он это сделал? **

Много ли было свидетелей?

*Кто присутствовал при совершении данного действия?**

Was it in public?

*Who saw him do it? **

Did anyone notice?

Did anybody see?

Представил ли он это на рассмотрение окружающих?

Показал ли он это кому-нибудь?

Кому показывал свое произведение?

Will he show it to us?

Did he show it to anyone else?

В отличие от коммуникативного компонента события, предполагающего, в частности, "вербальное опредмечивание" единиц умственного уровня, получение человеком информации о предметной деятельности, наоборот, предусматривает перевод в умственную сферу предметного аспекта события.

В обоих случаях речь идет об информационном компоненте события, который, в свою очередь, подразделяется на коммуникативный и (ус-

ловно назовем его) некоммунитивный варианты. Помимо этого, существует класс вопросов, в форме выражения которых невозможно дифференцировать предметный, умственный и информационный аспекты. К их числу, в частности, относятся вопросы, содержащие семантический признак "подготовка" (препаратив):

*Готовился ли он к тому, чтобы сделать это? **

Как он готовился к тому, чтобы сделать это?

Был ли он готов к этому?

*Долго ли он готовился?**

Как долго он готовился к этому? и т.п.

Действительно, подготовка (и это отражено в большом количестве других вопросов) может включать умственный (*Было ли у него заранее действие*), предметный (*Он что-нибудь приобрел, чтобы сделать это?*; *Где он достал материалы?*) и коммуникативный (*Советовался ли он предварительно с кем-нибудь?*) компоненты.

Сходным образом обстоит дело и с классом вопросов, содержащих признак "Причина". Вопросы типа: *Почему он сделал это?*; *По какой причине он это сделал?* и т.д. не дифференцируют умственный (*Он сделал это по своему желанию?*), предметный (*Его обстоятельства вынудили сделать это?*) и коммуникативный (*Просили ли его сделать это?**) компоненты. Аналогичные факты отмечаются и в других классах вопросов. В связи с этими фактами мы выделяем вопросы, не эксплицирующие анализируемые признаки в форме выражения, в отдельный класс. Вероятностные характеристики вопросов в рамках описанной структуры представлены в табл. 2.

Таблица 2

№№	Стимул	Предметный аспект	Умственный аспект	Информацион- ный аспект	Недиффер.
1	"Он сделал это"	0,51	0,37	0,05	0,07
2	"Он сделал материальную вещь"	0,64	0,27	0,02	0,07
3	"He did it"	0,55	0,29	0,07	0,09
4	"He made it"	0,60	0,29	0,05	0,06

Анализ числовых данных показывает, что наибольший удельный вес имеют вопросы, ориентированные на предметный аспект события, которые в среднем обладают вдвое большей вероятностью, чем вопросы, ориентированные на умственный аспект. Удельный вес вопросов, ориентированных на информационный аспект события, относительно невелик и составляет всего (0,02—0,07), однако вероятности достаточно стабильны во всех рассматриваемых структурах.

Следует подчеркнуть, что предметный, умственный и информационный аспекты события представляют собой когнитивные универсалии, что соответствует данным деятельностной психологии и теории речевой дея-

тельности. В то же время следует отметить, что вопросы по предметному аспекту события имеют больший удельный вес в событиях, связываемых с материальным производственным процессом ("Он сделал материальную вещь", "He made it") по сравнению со смешанным ("Он сделал это") и непроизводственными ("He did it") событиями в рамках одной и той же социально-языковой группы. Кроме того, следует отметить больший удельный вес умственного компонента (в 1,2–1,3 раза) в "непроизводственных" событиях в рамках одной и той же социально-языковой группы.

Не следует проводить прямых сопоставлений между вероятностными характеристиками "Он сделал это" и "He did it", поскольку значимости глаголов "делать" и "do" не могут считаться эквивалентными; в частности, "делать" в значительной степени покрывает как "do", так и "make".

§ 2. ЭКЗОСТРУКТУРА СОБЫТИЯ

Наиболее отчетливо Экзоструктура события прослеживается в предметном его аспекте, хотя, как мы убедимся ниже, она проявляется и в умственном и информационном аспектах. Ср., например, следующие вопросительные предложения (см. табл. 3):

Т а б л и ц а 3

№№	Пресобытие	Эндособытие	Постсобытие
1	Что он делал перед этим?	Что произошло?	Что за этим последовало?
2	Делал ли он это раньше?	Сколько раз он сделал это?	Будет ли делать еще?
3	Где он доставал материалы?	Из чего он это сделал?	Долго ли прослужит эта вещь?
4	Where did he get the materials?	With what materials did he make it?	What will he do with it?
5	Has he made it before?	On his first try?	Will he make it again some time in the future?
6	Has he often done it before?	Did he fail first?	Is he going to do it again?

ВРЕМЯ

Вся совокупность вопросов, ориентированных на предметный аспект события, распадается на три больших класса. Это:

- 1) Эндособытие, т.е. собственно маркированное событие, о котором идет речь, с его собственной внутренней структурой в рамках его темпоральных границ;

- 2) Пресобытие, т.е. событие, предшествующее во времени Эндособытию и связанное с ним;
- 3) Постсобытие, или событие, следующее во времени за Эндособытием и связанное с ним.

Будем называть триаду Пресобытие-Эндособытие-Постсобытие, разворачивающуюся во времени, Экзоструктурой события.

В рамках Экзоструктуры события фиксируются разнообразные (причинно-следственные, временные, пространственные и др.) упорядочения и связи, существующие между данным маркированным Эндособытием и его событийным "контекстом" в линейном времени. Приведем вероятностные данные (в рамках предметного аспекта):

Т а б л и ц а 4

Стимул	Пресобытие	Эндособытие	Постсобытие	Недифференцированно
"Он сделал это"	0,05	0,40	0,05	0,01
"Он сделал материальную вещь"	0,05	0,51	0,07	0,01
"He did it"	0,06	0,42	0,06	0,01
"He made it"	0,04	0,51	0,04	0,01

Обращает на себя внимание высокий вероятностный вес Эндособытия в рамках предметного аспекта, который многократно превышает аналогичные показатели Пресобытия и Постсобытия. Это свидетельствует о том, что в сознании испытуемых предметная деятельность ассоциируется, главным образом, с Эндособытием, а умственная и информационная — с Пресобытием и Постсобытием. Ниже мы покажем, что умственная и информационная деятельность связывается информантами с Пресобытием и Постсобытием неслучайно: и выработка цели, и интеллектуальное прогнозирование будущего Эндособытия, и его оценки и обсуждения постфактум, как и многие другие "непредметные" аспекты Экзоструктуры явно выводятся информантами за рамки Эндособытия независимо от их языковых и социальных особенностей.

В целом, следует предположить, что триединая Экзоструктура события является когнитивно-семантической универсалией. Она реализуется вне зависимости от протяженности масштаба Экзоструктуры во времени. Так, в качестве Эндособытия может выступать как геологическая эпоха в "контексте" связанных с ней предшествующей и последующей эпох, так и, скажем, взрыв бомбы, размерность которого во времени исчисляется мгновениями, но, который, как и геологическая эпоха, связывается нашим сознанием с собственным Пресобытием и Постсобытием.

Наметив общую структуру события, целесообразно детально рассмотреть Эндособытие, а затем вновь вернуться к Пресобытию и Постсобытию.

§ 3. СТРУКТУРА ЭНДОСОБЫТИЯ (ПРЕДМЕТНЫЙ АСПЕКТ)

Будем понимать под структурой Эндособытия упорядоченную совокупность объемных семантических признаков и их связей, описывающих внутреннюю структуру события в его предметном аспекте с позиции Внешнего интерпретатора. Другими словами, содержательная интерпретация предметной деятельности участника (участников) события производится не ими самими, а внешним по отношению к событию интерпретатором. Понятие "Внешний интерпретатор" отличается от понятия "Наблюдатель". Отличие заключается в том, что Внешний интерпретатор не связан с Эндособытием непосредственно, т.е. может находиться в любом пространстве и времени, а Наблюдатель получает информацию об Эндособытии путем непосредственного наблюдения за предметными изменениями, находясь в том же времени и пространстве, что и участник (и) Эндособытия, но, одновременно, не являясь его участником. Наблюдатель может превращаться в Участника, в то время как Внешний интерпретатор — нет. Ниже, обсуждая информационный аспект события, мы попытаемся показать, что, судя по нашим данным, степень участия некоторого homo sapiens в данном событии описывается на когнитивно-семантическом уровне градуальным эталоном с пределами.

Эндособытие имеет собственные темпоральные границы, отделяющие его от Пресобытия и Постсобытия и задающие собственную протяженность этого события во времени.

Ниже мы вернемся к рассмотрению вопроса о границах Эндособытия на базе экспериментальных данных.

Анализ вопросительных предложений позволяет описать общую предметную структуру Эндособытия, разворачивающегося во времени.

Оказывается, что множество вопросительных предложений, включенных в класс "Эндособытие", распадается на три подкласса.

К первому подклассу, который мы назвали Потенциал Эндособытия, относятся вопросы, фиксирующие предметные компоненты, необходимые для реализации данного Эндособытия. К их числу относятся необходимые материалы, инструменты, средства, приспособления, детали, физические данные Агенса (Агенсов), предметные условия и т.п. Например:

Что было нужно для его работы?

Что было необходимо для того, чтобы сделать это?

*Из какого материала он это сделал?**

*Какие инструменты были необходимы для его работы?**

Какие предпосылки были к тому, чтобы он это сделал?

Нужны ли были дефицитные материалы?

Был ли у него какой-то образец или нет?

Была ли у него схема, руководство?

What did he need to make it?

Did this making demand advanced technology?

What did he make it out of?

Out of what did he make it?

What materials went into the item? и т.п.

Ко второму подклассу, называемому Реализация Эндособытия, относятся вопросы, фиксирующие динамическое преобразование Потенциала в Результат. Ср.:

Какие части его тела находились в движении при работе?

Быстро ли он передвигался?

*Что он при этом применял?**

Какой инструмент он использовал сначала?

Над чем производил свою работу?

*Did he make it with his own hands? **

Did he make it on his first try?

What did he use to make it?

Did he fail first?

Did he completely do it?

*With what did he do it? * и т.п.*

Наконец, к третьему подклассу, который мы назвали Результат, относятся вопросы типа:

*Что он получил в результате работы?**

*Какой предмет он сделал?**

Были ли отходы в итоге его работы?

Много ли неиспользованного материала осталось?

*What is it? **

How many did he make?

Was he tired?

Если Реализация динамична и разворачивается во времени, то как Потенциал, так и Результат представляют собой своеобразные "остановки", т.е. "положения вещей" в объективной реальности. Следует, однако, подчеркнуть, что такие "остановки" могут и не иметь никакой протяженности в объективном времени и представлять собой лишь фиксацию внимания Внешнего интерпретатора в его психологическом времени. Другими словами, здесь мы снова сталкиваемся с диалектическим континуально-дискретным способом нашего отражения. Можно утверждать также, что Реализация есть градуальная трансформация Потенциала в Результат во времени и пространстве (см. ниже).

Корпус вопросов, который описывает Эндособытие, классифицированный выше на Потенциал-Реализацию-Результат, содержит семантические основания и для другой классификации на том же множестве вопросительных предложений.

Как уже говорилось, под Деятелем понимается отражение в сознании некоторого единичного или множественного объекта материального мира, изменяющегося в пространстве и времени. Другими словами, говоря о Деятеле, мы имеем в виду все выделимые сознанием предметные компоненты события и их характеристики (функции, свойства, качества и т.п.). Компоненты Деятеля могут быть как Одушевленными, так и Неодушевленными; ведущим критерием для их выделения является существенность тех или иных компонентов при Реализации того или иного типа события с позиций Внешнего интерпретатора. Поскольку, как мы полагаем, вопросы, сформулированные информантами, как раз и отражают позицию социализированного Внешнего интерпретатора, вероятностные характеристики вопросов, вербализующих компоненты Деятеля, могут служить показателем их существенности для некоторого данного типа события.

Перечислим полученные в результате анализа вопросительных предложений компоненты Деятеля. Это : Агенса, Коллаборанта, Интерагенса, Объект, Материал, Инструмент, Средство, Приспособление, Продукт, Отходы (Остатки).

Прежде чем анализировать вероятностные характеристики данных компонентов Деятеля для разных типов Эндособытий, целесообразно дать их содержательную интерпретацию. Для того, чтобы сделать это, следует ввести ряд психосемантических критериев, полученных нами в результате анализа вопросительных предложений, входящих в класс Эндособытия.

1. Градуальный эталон с полярными максимумами Активность — Пассивность представляет собой первый критерий. В центре эталона располагается область промежуточного значения; компонент Эндособытия, имеющий такую характеристику, в одинаковой степени производит и испытывает на себе физическое действие на протяжении Эндособытия во времени. Субъект Эндособытия обладает той или иной степенью Активности; Объект Эндособытия обладает той или иной степенью Пассивности. Действие Субъекта (Агенса) направлено на объект, например:

*Кто сделал это?*и*

Над кем (или над чем) он это проделал?

Агенса может считаться таковым в том и только в том случае, если степень его Активности превышает аналогичную степень Объекта (ср.: *Петр пожал руку Ивану*).

Агенса и Объект могут рефлексивно совмещаться в одном компоненте Деятеля (ср.: *Он бреется*).

В случае, если в Эндособытии имеется два или более Агенса, совершающих одно и то же Действие с одинаковой степенью Активности, причем последняя направлена на Объект, эти Агенса считаются Коллаборантами, ср.:

Вместе с кем он это сделал?

Он сделал это самостоятельно?

Он сделал это один, или с другими людьми?

В случае, если в Эндособытии имеется два или более Агенса, совершающих одно и то же Действие, которое не направлено друг на друга, причем каждый из Агенов обладает различной степенью Активности, мы выделяем градуальный ряд Коллаборантов. Например (по убыванию степени Активности): Агенса > Помощник (ср.: "правая рука") > Подручный > Пособник... и т.д. [45]. Ср.:

*Ему кто-нибудь помогал, или он сам?**

*Кто ему помогал?**

Имел ли он сообщников?

Была ли помощь посторонних?

2. В случае, если в Эндособытии имеется, по крайней мере, два компонента, находящиеся между собой в субъектно-объектном отношении, то при равной степени их Активности — Пассивности (центральная зона эталона) такие компоненты следует рассматривать в качестве Интерагенов (ср.: *А и В дерутся; А и В целуются*). С позиции Внешнего интерпретатора действия каждого из них могут рассматриваться как благоприятные (Pro) и неблагоприятные (Contra). Понятно, что речь здесь идет о в т о р о м оценочном эталоне с максимальными значениями Pro и Contra и нулевой зоной (отсутствием оценки, либо смешанной положительно-отрицательной оценкой) в средней зоне эталона. Более детальное описание эталона "Оценка" будет дано при анализе умственного аспекта события. Отметим здесь, что данный эталон используется для оценки деятельности не только Интерагенса, но и Коллаборанта (ср.: "сотрудничать" → "помогать" → "не помогать и не мешать" ≈ "и помогать и мешать" → "мешать" → "препятствовать").

Другими словами, эталон "Оценка" позволяет дифференцировать в рамках категории Коллаборант, по крайней мере, Проагенса и Контрагенса. Интересно отметить, что Оценка и Активность/Пассивность совмещаются (координируются) в нашем сознании. Действительно, Проагенса по степени Активности может варьировать от максимума (Коллаборант) до нуля; Контрагенса по степени Активности варьирует от максимума ("Контрлаборант"; ср.: "Враг") до нуля. В вопросительных предложениях этот факт также находит свое отражение, например:

Были ли у него враги в этом деле?

Мешал ли ему кто-нибудь?

Кто ему мешал? и т.п.

Таким образом, два градуальных эталона позволяют наметить разницу между такими концептуальными единицами, как Агенса, Объект, Коллаборант (проактивный, контрактивный) и Интерагенса (проактивный, контрактивный).

3. Для того, чтобы произвести аналогичные операции для концептов Материал, Инструмент, Средство, Приспособление, Продукт, Отходы наряду с уже двумя выделенными градуальными эталонами (Активность—Пассивность и Оценка) необходимы дополнительные параметры.

Ю.Д.Апресян, различая Инструмент и Средство, пишет, что "исполь-

зование средства приводит к его расходованию, "связыванию" (его все меньше остается в свободном состоянии), в то время как применение инструмента оставляет его в несвязанном состоянии" [46]. По сути дела, Ю.Д. Апресян дает дифференциальный признак "расходование/нерасходование" и различает на его основе Средство и Инструмент. Но ведь и Материал расходует, его все меньше остается в свободном состоянии. Чем же тогда Средство отличается от Материала, а Материал от Объекта?

Введем третий градуальный эталон "Нетрансформируемость — Трансформируемость". В центральной части такого эталона находится зона промежуточного значения (равная степень Нетрансформируемости — Трансформируемости). Под Трансформируемостью понимается способность некоторого компонента Деятеля градуально изменять свои концептуальные (сущностные) признаки под воздействием другого компонента Деятеля. При этом последний не изменяет (или несущественно изменяет) свои концептуальные признаки, т.е. обладает той или иной степенью Нетрансформируемости.

Нельзя отождествлять эталон "Активность—Пассивность" с эталоном "Нетрансформируемость — Трансформируемость". Образное выражение *капля камень точит* предполагает в качестве Агенса *каплю*, а в качестве Объекта — *камень*, который трансформируется под воздействием капли. Очевидно, однако, что степень Трансформируемости отдельной капли многократно превышает аналогичную степень отдельного камня и имеет место взаимная трансформация множества капель и камня во времени. Таким образом, множество капель в данном случае является Агенсиом с высокой степенью Трансформируемости, а камень — Объектом с низкой степенью Трансформируемости.

Подчеркнем, однако, что обычно в бытовом сознании концепты Агенса, Инструмента, Приспособления, Средства, Материала соотносятся с Интенциональным компонентом, который мы будем рассматривать ниже, анализируя умственный аспект события. При этом Агенси, Инструмент и Приспособление наделяются высокой степенью Нетрансформируемости (минимальной степенью Трансформируемости), а Материал и Средство — наоборот, высокой степенью Трансформируемости. При полной Трансформируемости материала и Средства в Продукт отсутствуют такие компоненты Эндособытия, как Отходы и Остатки, при относительной — они присутствуют.

Инструмент является таковым в том и только в том случае, если степень его трансформируемости ниже аналогичной характеристики Объекта (нельзя проколоть булжжик соломинкой).

Средство является таковым в том и только в том случае, если степень его Активности выше аналогичной характеристики Объекта (ср.: *протравливать поверхность детали кислотой*).

Вопросительные предложения содержат как обобщенный запрос о комплексе неагентивных компонентов Эндособытия, например:

*Какие вещи ему понадобились для этого?
Что нужно было для его работы?*

What did he use to make it?,

так и указание на Материал:

Из чего он это сделал?

*Из каких материалов он это сделал?**

With what materials did he make it?

What materials went into the item?,

на Средство:

Чем он скрепил детали?

С помощью каких средств он это сделал?,

На Инструмент:

*Какими орудиями труда он пользовался?**

*Какими инструментами он пользовался?**

What tools did he use?

With what tools did he make it?;

на Приспособление:

Делал ли он это на станке?

Какими приспособлениями он пользовался?,

на Продукт:

*Какой именно предмет он сделал?**

К какому роду изделий принадлежит изготовленный предмет?

*What is it? **

Made what?,

на Отходы:

Были ли отходы в итоге его работы?,

на Остатки:

Много ли неиспользованного материала осталось? и др.

4. В чем же Агенси отличается от Инструмента и Приспособления, которые так же, как и он, обладают в целом большей Активностью и Нетрансформируемостью, чем Объект?

С точки зрения способа взаимодействия Агенса и Объекта можно выделить два основных типа: непосредственное воздействие Агенса на Объект и воздействие, опосредованное Инструментом, Средством, Приспособлением и др. При этом, количество разных неагентивных активных компонентов Эндособытия может быть различным. Отсюда следует, что мы можем выделить четвёртый, градуальный эталон с пределами "Непосредственность—Опосредованность". В центральной зоне такого эталона, которая, по-видимому, смещена в сторону Непосредственности, находится зона смешанного непосредственно-опосредованно-

го воздействия. [Например: *Каменщик держит кирпич рукой* (непосредственное воздействие) и *раскалывает его при помощи молотка* (опосредованное воздействие)].

С функционально-семантической точки зрения молоток становится Инструментом только в случае использования его Агенсом для воздействия на некоторый Объект. В случае же, если Агенса взял молоток и положил его обратно, этот молоток выступает в функции непосредственного Объекта. Если Агенса использует молоток и зубило для трансформирования детали, то в функции Объекта выступает деталь, в функции Инструмента – зубило, а молоток становится Активным Приспособлением.

Под Активным Приспособлением понимается предметный компонент Эндособытия, используемый Агенсом для воздействия на Инструмент. К числу Активных Приспособлений относятся такие предметы, как например, электродрель, токарный станок и др., которые не воздействуют непосредственно на Объект, а передают Активность Инструменту, который и воздействует на Объект. Переходя на еще более детальный уровень анализа, можно утверждать, что между Агенсом и Объектом может существовать целая цепь Приспособлений с Инструментом "в конце", причем вся эта цепь (включая Инструмент и Объект) в каждом своем звене последовательно во времени реализует субъектно-объектное отношение (см. эталон "Активность-Пассивность"). В то же время Агенса является непосредственно отправным пунктом Активности, а Объект – непосредственно конечным пунктом, т.е. последним во времени и пространстве, пассивно получающим переданную через опосредующие Приспособления и Инструмент (и, возможно, усиленную ими) активность Агенса. Количество звеньев, или степень Опосредованности, может рассматриваться как градуальная величина (ср.: *режущая кромка, резец, суппорт, станок, обрабатывающий центр, гибкое автоматизированное производство* и т.п.).

Можно выделить и другой тип Приспособлений, отличающийся от первого высокой степенью Пассивности. К числу Пассивных Приспособлений следует отнести, например, наковальню, которая, обладая той же степенью Нетрансформируемости, что и молот, отличается от него высокой степенью Пассивности (ср. концепты: *тарелка, ванна, стол* и т.п.). Интересным компонентом Эндособытия является Средство. Оно напоминает Объект высокой степенью Трансформируемости в Продукт (Отходы), но отличается от него Активностью (Средство, как и Инструмент, активно воздействует на пассивный Объект).

5. Для различения концептов Продукт, Отходы, Остатки мы вновь обратимся к градуальному эталону Оценка (с позиции Внешнего интерпретатора). Эталон используется для оценки практической ценности (вредности) компонентов Результата Эндособытия. Высокой положительной оценкой обладает концепт Продукт, отрицательной – концепт Отходы. В действительности, в результате, например, процесса крекинга нефти образуется целая гамма продуктов с разной степенью положительной и отрицательной Оценки (включая нейтральную), ср. понятие: "Вредные отходы".

Вернемся теперь к выявленному ранее градуальному противопоставлению Потенциал – Реализация – Результат и подчеркнем, что концепт Материал относится только к области Потенциала. Материал в Реализации – это Объект, который градуально во времени трансформируется в Продукт (Отходы), причем последний относится уже к области Результата. Все остальные компоненты Деятеля Эндособытия также градуально переходят из Потенциала в Результат, в той или иной степени трансформируясь в Реализации. Вопросительные предложения типа:

Он устал? Он вспотел? Он что-нибудь сломал, когда делал это? Затупил ли инструменты?

показывают, что информанты (Внешний интерпретатор) фиксируют внимание и на итоговом Агенсе, и на итоговых Приспособлениях и Инструменте и т.п. (см. табл. 5).

Попытаемся суммировать категории Эндособытия в таблице, учитывая их динамический характер (см. табл. 5).

Таблица 5

ВРЕМЯ		
Потенциал	Реализация	Результат
Потенциальный Агенса	Реальный Агенса	Итоговый Агенса
Материал	Объект	Продукт
Потенциальное Средство	Средство	Отходы Остатки
Потенциальный Инструмент	Реальный Инструмент	Итоговый Инструмент
Потенциальное Активное Приспособление	Реальное Активное Приспособление	Итоговое Активное Приспособление
Потенциальное Пассивное Приспособление	Реальное Пассивное Приспособление	Итоговое Пассивное Приспособление
Потенциальный Коллаборант	Реальный Коллаборант (Pro/Contra)	Итоговый Коллаборант
Потенциальный Интерагенса	Реальный Интерагенса (Pro/Contra)	Итоговый Интерагенса

В анализируемой динамической структуре все компоненты, за исключением Интерагенса, могут принимать участие в Реализации "производственного" события. Поскольку наличие в структуре Эндособытия Интерагенса предполагает, что Реальный Агенса также является Интерагеном, в этом случае мы имеем дело с иной структурой Эндособытия, которая проявляется в семантике вопросительных предложений, полученных на стимул "He did it" (см. ниже).

Интересно отметить, что такой, например, компонент, как Материал, градуально во времени трансформируется в Реализации (т.е., выступая в качестве Объекта) в Продукт (Отходы, Остатки), причем в центральной зоне градуального эталона "Реализация" Объект в равной степени обладает как существенными признаками Материала, так и существенными признаками Продукта (ср.: *полуфабрикат, незавершенное строительство, заготовка, деталь, полудетей, полураздетый* и т.п.).

Следует подчеркнуть, что градуальный эталон "Реализация", по нашему мнению, принципиально отличается от эталонов "Активность-Пассивность", "Нетрансформируемость-Трансформируемость", "Непосредственность-Опосредованность" и "Оценка" тем, что Реализация является глобальной когнитивно-семантической категорией, фиксирующей любое изменение во времени и пространстве некоторого фрагмента отражаемого мира; другие же рассмотренные эталоны являются более частными когнитивно-семантическими координатами сознания, своеобразной когнитивной "разверткой", партикуляризацией компонентов Эндособытия (об эталоне "Генерализация-Партикуляризация" см. ниже).

Образно комплексную модель взаимодействия выделенных когнитивно-семантических градуальных эталонов, формирующих концептуальные единицы типа Агенса, Объекта, Инструмента, Интерагенса и т.п., можно представить как область (области) пересечения зон универсальных линейных градуальных эталонов (координат), т.е. как некоторую область в многомерном пространстве, образуемую линейными градуальными когнитивно-семантическими эталонами.

Приведем пример. Представим графически упрощенные схемы таких категориальных концептов, как Агенса, Материала, Объекта, Продукта.

Категория Материала может быть представлена следующим образом (см. рис. 8):

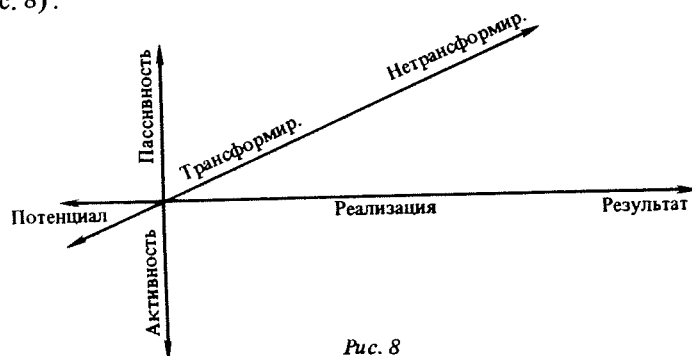

Рис. 8

Если мысленно сместить эталоны "Активность-Пассивность и Трансформируемость-Нетрансформируемость" вправо, в зону Реализации (при этом эталон "Активность-Пассивность" смещается вниз), мы получим концепт Объект; если сместить их вплоть до Результата — мы получим Продукт (Отходы).

Вернем эталоны в положение "Реализация" и мысленно сместим эталон "Активность-Пассивность" вверх вплоть до значения "Активность". Мы получим концепт Средство. Если теперь еще продвинуть вперед и эталон "Трансформируемость-Нетрансформируемость" вплоть до значения "Нетрансформируемость", мы получим концепты типа Агенса, Инструмента, Активное Приспособление (напомним, что для их различения необходимо ввести в схему еще один эталон — "Непосредственность-Опосредованность").

Можно полагать, что при необходимости формального описания когнитивной семантики с использованием градуальных эталонов будет достаточно нанести на эталоны символную градуировку с необходимым шагом; "взаимоперемещение" градуированных эталонов в когнитивно-семантическом "пространстве" даст конечное число областей их пересечения (концептуальных единиц); "разрешающая способность" такой модели будет зависеть от размерности шага градуировки.

Сопоставим теперь вероятностные характеристики некоторых из описанных категориальных концептов для наборов вопросов, полученных на различные стимулы (см. табл. 6).

Таблица 6

№	Категория	Стимул "Он сделал это"	"Он сделал материальную вещь"	"He did it"	"He made it"
1	Агенса	0,079	0,068	0,036	0,047
2	Интерагенса	0,004	φ	0,079	φ
3	Коллаборант	0,049	0,055	0,005	0,050
4	Объект	0,003	0,003	0,010	0,001
5	Материал	0,004	0,024	φ	0,023
6	Инструмент	0,014	0,047	0,005	0,022
7	Средство	0,003	0,002	φ	φ
8	Приспособление	0,002	0,004	φ	0,002

№	Стимул Категория	"Он сделал это"	"Он сделал материаль- ную вещь"	"He did it"	"He made it"
9	Продукт	0,025	0,071	φ	0,071
10	Отходы	0,001	0,003	φ	0,001
	Итого:	0,184	0,277	0,135	0,217

Из таблицы становится ясно, что между событиями, связываемыми информантами со стимулами "He did it" и "He made it" существуют вероятностно-контрастные категории. Это Интерагенс (0,079 и φ), Коллаборант (0,005 и 0,050), Материал (φ и 0,023), Инструмент (0,005 и 0,022) и Продукт (φ и 0,071). Между событиями, связываемыми со стимулами "Он сделал это" и "Он сделал материальную вещь" контраст менее велик. Это объясняется тем, что событие типа "Он сделал это" включает в себя и событие типа "Он сделал материальную вещь", т.е. обобщает "производственный" и "непроизводственный" аспекты. Тем не менее, и здесь достаточно контрастны категории Материал (0,004 и 0,024), Инструмент (0,014 и 0,047) и Продукт (0,025 и 0,071).

Интересно отметить, что "производственный" тип события, вне зависимости от социально-языковых различий групп информантов, дает нулевые значения Интерагенса (чего и следовало ожидать) и сравнительно высокие вероятностные показатели Коллаборанта, Материала, Инструмента и Продукта. Именно эти категории и следует считать релевантными для данного типа событий. Предваряя общие выводы, уже сейчас можно утверждать, что вероятностная типология событий на основе предлагаемого психолингвистического эксперимента, принципиально возможна и перспективна.

§ 4. МЕСТО ЭНДОСОБЫТИЯ

Анализ вопросительных предложений, содержащих категориальный признак "Место", показал, что вопросы этого класса содержат во всех четырех массивах анализируемого фактического материала одну и ту же когнитивно-семантическую структуру. Ср. следующие вопросительные предложения:

- А. 1. *Где он это сделал?**
2. *Это происходило на Земле или какой-нибудь другой планете?*
3. *Это было в городе или в сельской местности?*
4. *В каком городе он сделал это?*
5. *Где он делал это (улица, дом)?*
6. *Это происходило в доме или на улице?**

7. *В какой обстановке он делал это?**
8. *В каких это было обстоятельствах?*
9. *Что там было вокруг?*
10. *Там было темно или светло?*
11. *Все ли было под рукой?*
12. *Был ли необходимый материал под рукой?*
13. *В каком положении (сидя, стоя) он делал это?*
14. *Он делал это сидя или стоя?*
15. *Он делал это сидя за столом?*
16. *В какой позе он это делал? и т.п.*

- Б. 1. *Where did he do it? **
2. *Where was he at the time?*
3. *Was it made in Korea?*
4. *Was he out of town at the time?*
5. *Was he inside or outside when he did it?*
6. *Did he do it on a piece of furniture?*
7. *With what style did he do it?*

Чрезвычайно важным представляется подчеркнуть контраст между вопросами типа *Где он сделал это?* (№ 1 – 6, А; № 1 – 5, В) и вопросами типа *Что там было вокруг?* (№ 7 – 12, А; № 5 – 6, В) и *В какой позе он делал это?* (№ 13 – 16, А; № 7 – 8, Б).

Последовательный анализ вопросов с № 1 до № 16 (А) и с № 1 до № 8 (Б) можно сравнить с "напльвом" кинокамеры на некоторый объект, который, будучи на большом расстоянии, представляется в виде точки в некотором пространстве, затем точка увеличивается в размерах и выглядит некоторым объемом в пространстве, и наконец, оказывается, что внутри этого объема существует собственное пространство.

Если вопросы первого типа фиксируют Эндособытие в виде точки, не имеющей собственного объема в пространстве, и соотносят эту точку с некоторым пространственным объемом (ограниченным пространством), то в вопросах второго типа с очевидностью фиксируется собственный пространственный объем события.

В первом случае Эндособытие оказывается в фокусе внимания Внешнего интерпретатора "снаружи", во втором – этот интерпретатор мысленно рассматривает пространство "изнутри" Эндособытия.

Будем называть внешнее пространство события Экзопространством, а внутреннее его пространство – Эндопространством события.

Понятно, что чем более крупной является единица пространственного объема, в которой имело место Эндособытие, тем меньше соотносительная собственная размерность Эндособытия в пространстве. При этом оказывается, что Эндособытие-точка не имеет в большом объеме фиксированного Места (ср.: *Он живет в Сибири*). С другой стороны, чем менее крупной является единица пространственного объема, тем более очевидным становится соотносительный собственный пространственный объем Эндособытия, его собственная размерность в пространстве. Так, если в качестве ответа на вопрос *Он сделал это в помещении или на улице?* дать

утверждение *Он сделал это на кухне*, собственные пространственные границы Эндособытия, в случае, если Агенсом является человек, приобретают вполне ощутимые размеры, тем более ощутимые, чем меньше объем кухни и больше собственный пространственный объем Агенса и амплитуда (размерность) его физических Действий в пространстве.

Под внутренним пространством Эндособытия понимается пространство, ограниченное размерностью Деятели в Потенциале, Реализации и в Результате. Другими словами, внутреннее пространство Эндособытия может быть описано в случае, если будет дана статическая локализация и ориентация друг относительно друга потенциальных Агенса, Коллаборанта, Материала, Средства, Инструмента(ов), Приспособления и др.; затем данные компоненты Деятели получают динамические векторные значения и, наконец, они (за исключением Материала и Средства, замещенных Продуктом и Отходами) вновь окажутся статически размещенными и ориентированными в пространстве Результата [47].

Данное внутреннее пространство Эндособытия может быть локализовано в некотором внешнем пространстве (Экзопространстве), которое по объему не может быть меньше внутреннего пространства Эндособытия, (т.е. его Эндопространства). Внешнее пространство Эндособытия может быть представлено сколь угодно большим объемом, однако здесь мы можем впервые наблюдать действие принципа соразмерности масштабов. Он заключается в том, что масштабы градуальных эталонов (степени генерализации—партикуляризации) коррелируют между собой (например, высказывание типа *Он заточивает карандаш в кабинете* является "нормальным", а высказывание **Он заточивает карандаш в Сибири* нарушает принцип координации масштабов).

В целом категория Место в общем виде может быть представлена в виде градуального эталона, изображенного на рис. 9:

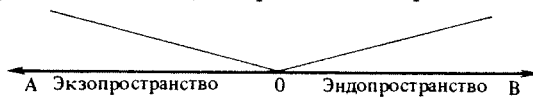

Рис. 9

В центральной зоне эталона *O* располагается граница Эндопространства события. Вектор *OA* демонстрирует увеличение объема Экзопространства, в котором локализовано Эндопространство в целом. Чем дальше мы удаляемся в направлении данного вектора, тем большим объемом представлено Экзопространство и тем относительно меньшим оказывается собственный объем Эндопространства (он стремится к точке).

При движении по эталону в обратном направлении объем Экзопространства, в котором находится Эндопространство, наоборот, градуально уменьшается, а относительный объем Эндопространства — увеличивается вплоть до зоны *O*. При движении в этом направлении далее мы оказываемся внутри Эндопространства события. Дальнейшее движение по вектору *OB* дает все более дифференцированное представление о внутреннем пространстве события. Детализация Эндопространства может идти через локализацию и ориентацию предметных компонентов Эндосо-

бытия к последовательной локализации, ориентации частей этих компонентов. Ср., например: *Это произошло в Ленинграде. Петр сидел за столом на кухне своей квартиры, что находится на улице Марата в доме номер тридцать, на третьем этаже. Он засунул руку в левый карман пиджака, где в бумажнике вместе с документами он хранил это письмо в потрепанном конверте...* На схеме (см. рис. 10) локативный компонент описываемого события может быть представлен следующим образом:

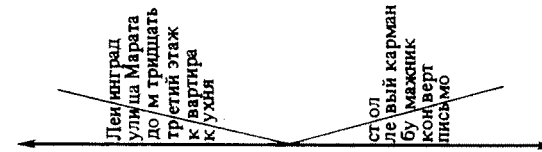

Рис. 10

Интересно отметить, что в центральной зоне градуального эталона находится область перехода от Экзопространства к Эндопространству. Вопросы типа *Что там было вокруг?* фиксируют эту область, которую мы назвали "Предметное окружение Эндопространства".

Под Предметным окружением Эндопространства подразумевается совокупность локализованных и ориентированных в трехмерном пространстве статичных или динамичных предметов, находящихся в непосредственном контакте с границей объема Эндопространства, но не входящих в его объем, т.е. не выполняющих никакой функции в данном Эндособытии.

Опираясь на только что рассмотренный пример, можно предположить, что на кухне, где за столом сидит Петр, имеется и другая мебель, осветительные приборы и т.п. В случае, если их функция в Эндособытии равна нулю, все эти предметы не входят в объем Эндопространства данного события, но непосредственно граничат с ним, т.е. должны быть отнесены к Предметному окружению.

Вероятностные характеристики категории Место достаточно релевантны и составляют в четырех анализируемых массивах вопросительных предложений:

"Он сделал это" — 0,042; "Он сделал материальную вещь" — 0,056; "He did it" — 0,061; "He made it" — 0,036.

§ 5. ВРЕМЯ ЭНДОСОБЫТИЯ

Вопросительные предложения, выделенные по категориальному признаку "Время", позволяющие выявить когнитивно-семантическую структуру, весьма сходную со структурой категории "Место". Ср. следующие предложения:

- А. 1. *Когда он это сделал?**
2. *В какой исторический период это происходило?*
3. *В каком году он это сделал?*
4. *В какое время года он это сделал?**

5. Был ли он в отпуске, когда делал это?
6. Какова конкретная дата, когда он сделал?
7. В какой день недели он это сделал?
8. В какое время суток он сделал это?
9. Какое было время дня?
10. В какой час дня он сделал это?
11. В котором часу это произошло?
12. Сколько времени ему потребовалось на это?*
13. Сколько времени заняло это дело?*
14. Сколько месяцев продолжалась работа?
15. Сколько недель длилась работа?
16. Сколько дней (часов) он делал это?
17. Когда он начал это делать?*
18. Когда он закончил это делать?*
19. Как давно он это сделал?*

- Б.
1. When did he do (make) it? *
 2. When exactly did he do it?
 3. On what day did he do it?
 4. What day did he do it on?
 5. At what time did he do it?
 6. How long did it take? *
 7. How long did it take him to make it? *
 8. How long did he work on it? *
 9. How much time did he spend doing it?
 10. How quickly did he do it?
 11. When did he begin it? *
 12. When did he finish it? *

Семантика вопросительных предложений, содержащих категориальный признак "Время", позволяет выявить два противоположных типа таких предложений. Это предложения, запрашивающие информацию о месте Эндособытия в некотором крупном отрезке времени, или Экзовремя Эндособытия, и предложения, ориентированные на установление собственных темпоральных границ Эндособытия "изнутри", или Эндовремя события [ср. вопросы № 1 – 11 и 12 – 18 (А); № 1 – 5 и 6 – 12 (Б)].

С очень малой вероятностью (0,001) и всего в одном из четырех массивов представлен и третий тип вопросов: *Давно ли он сделал это?*, фиксирующий фокус внимания Внешнего интерпретатора на градуальном расстоянии во времени между Эндособытием и Коммуникативным событием (моментом вербализации вопроса Внешним интерпретатором), причем оба данных события представляются в виде точек на линейном однонаправленном векторе Времени. Хотя в полученных массивах вопросов не содержится достаточно материала для построения градуального эталона "Расстояние во времени", можно предположить, что градуальный ряд типа *...в незапамятные времена > очень давно > давно > недавно > только что > сейчас > сразу же после > вскоре > через некоторое вре-*

72

мя > через много лет > в отдаленном будущем ..., повторяющий общую структуру эталона "Размер", принципиально может быть получен в эксперименте.

Массивы вопросительных предложений, которыми мы располагаем, позволяют выявить градуальный эталон "Время Эндособытия", который сходен с эталоном "Место Эндособытия".

Действительно, вопросительные предложения задают градуальный ряд экзовременных отрезков, в которых размещается Эндособытие: *исторический период > год > время года > отпуск > дата > день недели > время суток > время дня > час дня*. Далее мы "проникаем" в Эндовремя события, которое, по мнению информантов, может быть представлено отрезками, исчисляемыми *месяцами > неделями > днями > часами* (см. список вопросов А). При дальнейшей детализации Эндовремени события возможна темпоральная дифференциация отдельных фрагментов (отрезков) Реализации Эндособытия на уровне Микрособытия (см. ниже), или операций с участием Агенса, Инструмента, Средства, Коллаборанта и др. Графически эталон "Время Эндособытия" представлен на рис. 11.

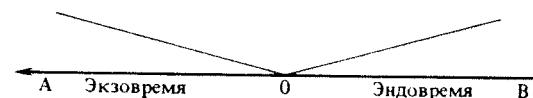

Рис. 11

Так же как и в случае с Местом Эндособытия, Время Эндособытия соотносит протяженность Эндовремени с протяженностью Экзовремени. Чем более крупным оказывается отрезок Экзовремени относительно отрезка Эндовремени, тем более точечным выглядит Эндовремя события. Ср.: *Он родился вечером* и *Он родился в девятнадцатом веке*. В центральной зоне эталона располагается область "равноразмерности" Эндовремени и Экзовремени, например, *Он весь вечер смотрел телевизор* (ср.: *Вечером он полчаса посмотрел телевизор*). В этой же зоне происходит переход от Эндовремени к Экзовремени и наоборот, т.е. проходит граница объема Эндовремени. Интересно отметить, что вопросы типа

- Когда он начал это делать?**
*Когда он закончил это делать?**
- When did he begin it? **
*When did he finish it? **

фиксируют каждую из двух границ Эндовремени отдельно и соотносят их не с экзовременным объемом, а с точками (зонами) на одномерном темпоральном векторе, (ср.: *Начал в девять часов сорок минут, а кончил в одиннадцать тридцать. Начал в тридцатые годы, а закончил в пятидесятые*).

Рассмотрим теперь еще один тип вопросительных предложений, связанных с категорией *Время*:

*Быстро ли он это сделал?**
*Долго ли он это делал?**
Он всегда тратит на это столько времени?
Did he try for a long time to do it?
Did he do it quickly?
How quickly did he do it?

Данные вопросы свидетельствуют о наличии в нашем сознании еще одного темпорального эталона, который можно назвать "Оценка Эндовремени события". В центральной зоне такого эталона располагается область частотной "нормы" протяженности данного Эндособытия во времени, т.е. область, в которой протяженность данного Эндособытия рассматривается как "нормальная", т.е. не "быстрая" и не "долгая" (см. рис. 12).

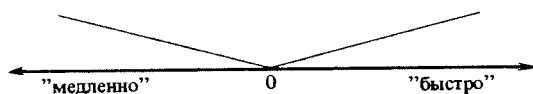

Рис. 12

Движение от *O* в сторону любого вектора указывает на необычную протяженность Эндособытия во времени. Следует подчеркнуть, что нормальная протяженность некоторого Эндособытия во времени есть факт наших знаний о мире, поддающийся экспериментальному описанию [48]. Именно знания подобного типа, аналогичные знаниям о размерах "нормального" яблока, дают нам возможность фиксировать темпоральные несоответствия в таких предложениях, как: *Он позавтракал за месяц (норма \approx за пятнадцать минут); *Он выучил китайский язык за тридцать минут.

Анализируемый эталон позволяет дать более содержательное объяснение принципа соразмерности масштабов (см. § 3); по-видимому, в нашем сознании существует некоторая мера, за пределами которой координация Эндовремени (нормального) и Экзовремени становится невозможной. Так, предложения типа *Мария выстирала рубашку утром (вчера, на прошлой неделе)* не выходят за эту меру, а предложения типа **Мария выстирала рубашку в XX веке* содержат соотношение Эндовремени и Экзовремени, выходящее за пределы меры. Понятно также, что мерой являются и пределы размерности Эндособытия во времени; предложение: **Он выучил китайский язык за тридцать минут* также выводит на за эту меру.

Вероятностные характеристики категории *Время* оказываются, в целом, более релевантными, чем характеристики *Места*. Ср.:

"Он сделал это" — 0,080; "Он сделал материальную вещь" — 0,098; "He did it" — 0,104; "He made it" — 0,097.

§ 6. ПРЕДМЕТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЭНДОСОБЫТИЯ АГЕНС

Высокие вероятностные характеристики Агенса во всех четырех рассматриваемых массивах вопросительных предложений (см. табл. на с. 67) требуют более детального анализа этой категории. Выше мы пришли к заключению, что Агенса — это одушевленный или неодушевленный предметный компонент события, обладающий высокой степенью Активности и Нетрансформируемости (другими словами, Агенса сохраняет все свои существенные признаки на всех этапах Реализации), а также Непосредственным характером воздействия на Объект (Инструмент), Приспособление и т.п.

Анализ вопросительных предложений, входящих в класс Агенса, показал, что во всех четырех случаях информанты наделяют его признаком "Одушевленность". Кроме того, вопросительные предложения показали интересную закономерность: запрашиваемые информантами признаки Агенса представляют собой спектр — от максимально общих его характеристик до максимально частных. Ср. следующие вопросительные предложения:

- А. 1. *Кто это сделал?**
 2. *Какова его профессия?**
 3. *Как его зовут?**
 4. *Как он выглядит?*
 5. *Кем он работает?**
 6. *Где он живет?*
 7. *Что он из себя представляет?*
 8. *Знаком ли он мне?**
 9. *Во что он был одет, когда делал это?**
 10. *Как он при этом выглядел?*
 11. *Что у него было на ногах?*
 12. *Он был в перчатках?*
 13. *Благодаря каким качествам ему удалось сделать это?**
 14. *Какие части тела находились в движении при работе?*
 15. *Мог ли он во время работы заниматься еще чем-нибудь?*
 16. *Он испачкался во время работы?*
 17. *Устал ли он?*
 18. *Он вспотел?*
- Б. 1. *Who's he? **
 2. *Who made the item?*
 3. *Is he young or old?*
 4. *Is manufacturing such items his work or hobby?*
 5. *Is it characteristic to a certain age?*
 6. *Can I make one too? **
 7. *Why didn't she make it?*
 8. *Was he injured in the process?*
 9. *Did he have a hard time making it? **
 10. *Was it hard to make it? **

Анализируемые вопросы распадаются на два класса. В первый входят вопросы, в реме которых содержится указание на существенные признаки Агенса, не ограничиваемые темпоральными рамками Эндособытия (см. вопросы № 1 — 8, А; № 1 — 7, Б). Во втором классе находятся вопросы, запрашивающие информацию о таких признаках Агенса, которые характеризуют его в темпоральных границах Эндособытия.

Таким образом, мы можем выделить Экзособытийный и Эндособытийный аспекты Агенса. Градуальный характер этого противопоставления менее эксплицирован на уровне вопросительных предложений, чем аналогичная характеристика категорий Места и Времени. Тем не менее, если мы согласимся с тем, что как Эндособытийные, так и Экзособытийные признаки образа Агенса являются динамическими, т.е. могут изменяться в определенных рамках в пределах того или иного отрезка времени, то Агенс как концептуальная единица должен быть представлен в виде совокупности объемных признаков разного объема.

Степень объемности некоторого концептуального признака зависит от времени его существования в рамках данного концепта относительно времени существования других объемных признаков этого же концепта. Например, градуальный признак цвета глаз некоторого человека является, в целом, значительно более стабильным во времени (объемным), чем градуальный признак его веса; оба эти признака существуют во времени, как правило, дольше, чем градуальные признаки длины волос или ногтей этого человека и т.п.

Очевидно, что Агенс как концептуальная единица включает совокупность признаков разного объема; часть из них, время существования которых превышает Эндовремя события, должна быть отнесена к Экзособытийным (ср.: *Как он выглядит?*); другая часть признаков, также различающихся по объему (ср.: *Как он при этом выглядел?* и *Он испачкался в процессе работы?*), должна быть отнесена к Эндособытийным признакам Агенса. Понятно, что Экзособытийные признаки Агенса сохраняются и в Эндособытии; Эндособытийные же признаки Агенса не могут, очевидно, рассматриваться как сущностные (существенные) его признаки вообще ("всегда").

Если представить себе Агенса в виде совокупности разнообъемных признаков, то можно вновь использовать понятие градуального эталона (см. рис. 13):

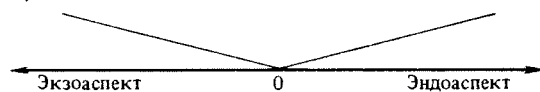

Рис. 13

В центральной зоне *O* такого эталона Агенс представлен объемными признаками, размерность которых во времени примерно совпадает с размерностью Эндовремени события (ср.: *Во что он был одет, когда делал это?*). Другими словами, в этой зоне в фокусе внимания Внешнего интерпретатора оказываются такие признаки Агенса, которые он сохраняет на протяжении всего Эндовремени события.

При движении от *O* в сторону Экзоаспекта в фокусе внимания оказываются все более и более объемные признаки, вплоть до признаков, присущих данному объекту (Агенсу) на всем протяжении его физического существования; при движении от *O* в сторону Эндоаспекта объемность признаков уменьшается вплоть до "точечных" признаков Агенса в каждый данный момент времени в рамках Эндособытия.

Строго говоря, Агенс является таковым (т.е. обладает известными степенями Активности, Нетрансформируемости и т.п.) только в пределах данного Эндособытия; в некотором ином событии он может выступать в функции Коллаборанта, Инструмента и др. Тем самым мы хотим подчеркнуть условность обозначения "Агенс" для Экзособытийного коррелята Агенса Эндособытия.

Не приводя анализа категорий Интерагенс, Коллаборант, Инструмент и Приспособление, обладающих (как и Агенс) высокой степенью Нетрансформируемости, отметим, что концептуальные признаки этих событийных категорий сходны с признаками Агенса, т.е. в рамках соответствующих классов вопросительных предложений можно выделить Экзо- и Эндоаспекты этих предметных компонентов Эндособытия.

Что же касается компонентов, обладающих высокой степенью Трансформируемости (Материал, Средство, Объект, Результат), которые в пределах Эндособытия изменяют свои существенные признаки, то здесь дело обстоит иначе. Так, в рамках класса вопросов Продукт, обладающего высокими вероятностными характеристиками в "производственных" событиях, не дифференцируется ни Эндособытийный, ни Экзособытийный аспекты. Вопросы этого класса задают структуру, весьма напоминающую развернутую дефиницию. Они соотносят Продукт с genus proximum (*Какому роду изделий принадлежит изготовленный предмет?*) и перечисляют основные признаки differentia specifica. Это: форма, цвет, размер, вес, количество, твердость-мягкость, компонентный состав (*Из каких частей (деталей) состоит вещь?*), функция, время службы, стоимость и др. Нетрудно показать, что большинство из перечисленных признаков differentia specifica принципиально описывается при помощи градуальных эталонов и что в самой структуре дефиниции признаки дифференцируются по градуальному эталону типа "Общее-Частное-Индивидуальное". Однако данная тема нуждается в специальном анализе, который не входит здесь в наши планы, поскольку увел бы от основной задачи — анализа структуры события.

Тот факт, что, например, Продукт как концептуальная единица отличается по структуре от большинства других предметных компонентов Эндособытия, по-видимому, может объясняться спецификой категории Продукт. Дело в том, что Продукт не имеет Экзособытийных признаков, поскольку он не существует до Эндособытия и после него; он лишен и Эндособытийных признаков, поскольку с его появлением Эндособытие заканчивается, а до этого Продукт в той или иной степени обладал признаками Объекта.

Что касается предметных компонентов Эндособытия, характеризующихся высокой степенью Нетрансформируемости, то они могут быть

представлены как сложные когнитивно-семантические единицы, включающие взаимосвязанные объемные признаки, по крайней мере, трех типов:

1. Эндособытийные функциональные признаки, описываемые в координатах эталонов Активность—Пассивность, Нетрансформируемость—Трансформируемость, Непосредственность—Опосредованность и др.; эти признаки выступают в Эндособытии в качестве категориальных;

2. Эндособытийные концептуальные признаки малого объема, непосредственно связанные с категориальными и релевантные только в рамках Эндособытия; ср. вопросительные предложения, входящие в класс Агенс: *Старательно ли он работал? Добросовестно ли он делал это? Все ли делал правильно? Умело ли делал? Рационально ли работал? Эффективно ли работал? Быстро ли передвигался?* и т.п. [49].

3. Экзособытийные концептуальные признаки (большого объема), присущие некоторому предметному компоненту как в темпоральных рамках Эндособытия, так и за их пределами; Экзособытийные признаки могут быть как "событийно релевантными" (например, физические характеристики Агенса-человека в "спортивном" событии), так и нерелевантными (например, цвет его же глаз).

§ 7. РЕАЛИЗАЦИЯ КАК ОРГАНИЗОВАННАЯ СОВОКУПНОСТЬ МИКРОСОБЫТИЙ

Реализация Эндособытия как градуальный процесс перехода от Потенциала к Результату может быть представлена двояко:

а) как цельный континуальный (недискретный) процесс во времени;

б) как дискретная последовательность операций с участием Агенса, Инструмента, Коллаборанта, Средства и т.п.

Возможность дискретизации Реализации Эндособытия на определенные части, разворачивающиеся в Эндовремени события, зафиксирована в массивах вопросов, полученных на все четыре стимула. При этом в рамках разрабатываемой концепции каждая часть Реализации, имеющая собственную протяженность во времени, должна быть признана событием, имеющим индивидуальный Потенциал, Реализацию и Результат, которые мы будем называть "Микрособытием".

- Ср.: А. 1. *Какие операции он совершал, чтобы сделать это?*
 2. *Как называются действия, которые он совершал, чтобы сделать это?*
 3. *С чего он начал?*
 4. *Он красил то, что сделал?*
 5. *Сразу ли получилось?*
 6. *Приходилось ли переделывать что-нибудь?*
 7. *Как он сделал это?**
 8. *В чем заключалась его деятельность?*
 9. *Каким способом он это сделал?**

10. *Можно ли было сделать по-другому?*
 11. *Сделал ли все сразу или по частям?**
 12. *Делал ли сразу или с перерывами?*
 13. *Сколько раз он сделал это? ... и т.п.*

- Б. 1. *Is there anything he hasn't done?*
 2. *Did he completely do it?*
 3. *Did he fail first?*
 4. *On his first try?*
 5. *Did he do it all at once or in intervals?*
 6. *How did he do (make) it? **
 7. *Well, how was it?*
 8. *How did he make it (what way)?*
 9. *Did he do it once or a lot?*
 10. *How many times did he do it? и т.п.*

Однако имеется ряд вопросительных предложений, которые соотносят Эндособытие в целом с некоторым более крупным (протяженным во времени) событием; другими словами, Эндособытие, в свою очередь, может рассматриваться в роли Микрособытия. Ср.:

*Является ли его работа частью общей работы?
 Связана ли его работа с производством?*

Хотя вероятность вопросов такого типа невелика, у нас имеются основания утверждать, что относительная размерность (масштаб) события во времени может быть описана градуальным эталоном. В центральной зоне такого эталона располагается область "нормальной" размерности некоторого Эндособытия (см. рис. 14).

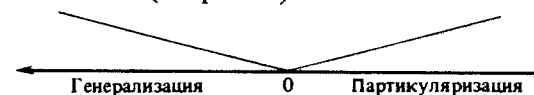

Рис. 14

При движении от *O* в сторону Генерализации Эндособытие трансформируется в Микрособытие, являющееся частью некоторого более общего события, которое, в свою очередь, входит в еще более общее (объемное) событие и т.п. [50].

При движении от *O* в сторону Партикуляризации Эндособытие расширяется вначале на наиболее объемные и немногочисленные Микрособытия, которые далее последовательно членятся на все более частные и менее продолжительные во времени Микрособытия, вплоть до Микрособытий, которые далее в рамках предметного аспекта не членятся (ср.: *Он протянул руку*).

Судя по содержанию вопросов, описывающих уровень Микрособытий в Реализации Эндособытия, последовательность Микрособытий имеет общие качественные особенности:

1. **Порядок.** Анализ вопросительных предложений типа *Каким способом он это сделал?, Можно ли было сделать по-другому?, Все ли делал*

правильно?, Рационально ли он работал?, Насколько удачны были его действия?, Соблюдал ли технику безопасности?, показывает, что в фокусе внимания Внешнего интерпретатора оказывается, в частности, порядок следования Микрособытий в Эндособытии и его оценка (правильно – неправильно, рационально – нерационально, удачно – неудачно).

Порядок линейного расположения Микрособытий в Реализации Эндособытия описывается градуальным эталоном с максимумами "Строгий" "Произвольный". В центральной зоне данного эталона располагается такая область упорядоченности Микрособытий в линейном Эндовремени события, которой в равной степени присущи как строгий, так и произвольный порядок. Другими словами, Эндособытия, имеющие такой "Полустрогий" – "Полупроизвольный" порядок, могут быть представлены в виде цепочки Микрособытий, допускающей перестановки лишь отдельных пар звеньев, либо не допускающей перестановки пар звеньев, но допускающей перестановки целых отрезков цепи и т.д.

Так, например, человек, готовящий яичницу, имеет возможность инвертировать Микрособытия *ставлю сковороду на плиту и кладу масло* (можно *кладу масло и ставлю сковороду на плиту*). В то же время, строгий порядок задан для пары Микрособытий "разбиваю яйцо" и "выливаю содержимое яйца на сковороду" (невозможно вылить содержимое целого яйца и лишь потом разбить его).

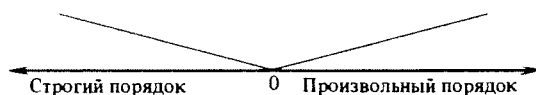

Рис. 15

При движении от *O* в сторону "строгого порядка" (см. рис. 15) удельный вес неинвертируемых звеньев и отрезков цепи Микрособытий градуально возрастает вплоть до абсолютно Строгого порядка; наоборот, при движении от *O* в сторону Произвольного порядка, удельный вес свободно инвертируемых звеньев и отрезков цепи градуально возрастает вплоть до абсолютно Произвольного порядка.

2. **Цикличность.** В случае, если в Реализации Эндособытия последовательно повторяется одно и то же Микрособытие, отрезок цепи Микрособытий или вся Реализация целиком, мы имеем право говорить о циклическом характере Эндособытия. Ср.:

1. *Сколько раз он сделал это?**
2. *Сразу ли получилось?*
3. *Приходилось ли переделывать работу?*
4. *Did he do it once or a lot?*
5. *He did it only once?*
6. *How many times did he do it? **
7. *Did he fail first?*
8. *On his first try?*

Если Реализация Эндособытия включает лишь одно циклически повторяющееся Микрособытие, то снимается вопрос о Порядке, поскольку каждое Микрособытие полностью эквивалентно любому другому; ср., например, Микрособытие – вывязывание единичной петли в Эндособытии – вязание ряда петель; если же в качестве Эндособытия рассматривать вывязывание некоторой детали одежды, где ряды петель обладают различной длиной (включают разное количество единичных петель), то Микрособытия – вывязывание ряда петель – не являются взаимозаменяемыми циклами, и задается Строгий порядок следования рядов петель. Таким образом, о Цикличности в чистом виде мы имеем право говорить лишь в том случае, когда все Микрособытия полностью эквивалентны.

Цикличность всегда задает Свободный порядок, однако Свободный порядок, по-видимому, не всегда циклический.

Вопросы типа *Приходилось ли переделывать работу?* фиксируют внимание на Цикличности иного вида, связанной с возвратом по цепочке Микрособытий "назад" до определенного пункта и их реализации в новом Порядке, или с иной Скоростью, или Интенсивностью и т.п. Здесь интересно отметить, что разные типы Эндособытий обладают разной степенью "обратимости", т.е. возможности возвратов (ср. значения слов *разобрать* и *перебрать*, *распутить* и *перевязать*) с обратной Трансформацией Объекта (Продукта) в Материал. В случае отрицательной обратной Трансформируемости "некачественный" Продукт целиком переходит в Отходы, и Эндособытие реализуется с новым Материалом (нельзя испечь новый торт, "разобрав" неудавшийся до исходных продуктов, т.е. Материала); имеются также случаи, когда некоторый тип Эндособытия допускает возможность неполного возврата, когда часть Продукта переходит в Отходы, а часть вновь участвует в Реализации. Другими словами, мы предполагаем, что различные события могут быть размещены на градуальном эталоне по степени Обратимости–Необратимости, и данный эталон, наряду с другими, играет существенную роль на когнитивно-семантическом уровне, фиксируя наши знания о мире.

3. **Интервал.** Вопросы типа *Сделал ли он это сразу, или по частям?*/Делал сразу, или с перерывами?/Отдыхал ли в процессе работы?*, – указывают на возможность Реализации Эндособытия без временных разрывов между Микрособытиями (отрезками цепи Микрособытий), т.е. случай, когда между любой парой Микрособытий в Реализации Эндособытия отсутствует темпоральный интервал, и Результат некоторого Микрособытия *A* непосредственно во времени переходит в Потенциал Микрособытия *B*. Полярный случай – такая Реализация Эндособытия, когда между любой парой Микрособытий имеется интервал той или иной протяженности во времени. "Удельный вес" интервалов в Реализации Эндособытия – градуальная величина, связанная с такими градуальными эталонами, как Скорость Эндособытия (быстро – нормально – медленно), Качества Агенса (например: сильный – нормальный – слабый), Качества Инструмента, Приспособления, Коллаборанта и т.п.

Помимо оценок Скорости Эндособытия, вопросительные предложения содержат также указание на оценку с позиции Внешнего интерпрета-

тора степеней кропотливости, тяжести, интенсивности, законности (на-пример: *Карается ли это по закону? Was a crime committed?*) и др. Все данные типы Оценок также могут быть представлены в виде градуальных эталонов.

Общие вероятностные характеристики Реализации как организованной совокупности Микрособытий и ее оценочных характеристик достаточны релевантны, ср.:

"Он сделал это" — 0,093; "Он сделал материальную вещь" — 0,081;
"He did it" — 0,120; "He made it" — 0,160.

§ 8. ПРЕСОБЫТИЕ. ПРЕДМЕТНЫЙ АСПЕКТ

Как было показано в § 1 данной главы, событийная структура может рассматриваться в Предметном, Умственном и Информационном аспектах, причем Эндособытие выступает в окружении Пресобытия и Постсобытия. Рассмотрим вопросительные предложения, содержание которых ориентировано на Предметный аспект Пресобытия.

1. **Пререпетитив.** Под Пререпетитивом понимается событие, полностью повторяющее Эндособытие, но имеющее место в прошлом, на некотором расстоянии от Эндособытия:

- А. 1. *Делал ли он это раньше?**
2. *Он делал это впервые или делал раньше?*
3. *Делал ли когда-нибудь подобное?*
4. *Участвовал ли когда-нибудь раньше в подобных мероприятиях?*
5. *Часто ли он делал это раньше?*
6. *Как часто он делал это раньше?*
7. *Много ли делал этих вещей раньше?*
8. *Давно ли умеет это делать?*
9. *Делал ли до него кто-нибудь?*
- Б. 1. *Did he do it before? **
2. *Is this the first time he did it?*
3. *Is this the first time he's done it?*
4. *Has he often done it before?*
5. *How many times did he do it before?*
6. *Did he do it often, sometimes, or just once?*
7. *Besides this time, when was the last time he did it?*
8. *Has he made it before? **
9. *Has he ever made anything like this before? **
10. *Is it the first one he's ever made?*
11. *Has anyone else ever done it?*

2. **Препаратив. Предметный аспект.** Здесь мы будем анализировать вопросительные предложения, которые фиксируют Предметный аспект событий, предшествующих Эндособытию, и расцениваются Внешним интерпретатором в качестве подготовительных к Эндособытию. Ум-

ственный и Информационный аспекты Препаратива будут рассмотрены ниже. Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

- А. 1. *Как проходила подготовка к задуманному делу?*
2. *Что он делал перед этим?*
3. *Что он приобрел, чтобы сделать это?*
4. *Откуда он взял материалы?*
5. *Где он достал материалы?*
6. *Как он доставал материалы?*
7. *Где он взял материал и инструменты, чтобы сделать это?*
8. *Кто помогал ему доставать материалы?*
9. *Как он расплачивался за материал?*
10. *Сам ли делал чертежи?*
11. *Он надел очки перед началом работы?*
- Б. 1. *Where did he get the materials?*
2. *Where did he get the materials to make it?*
3. *Where did he get tools to make it?*
4. *Did he design it himself?*

Анализ перечисленных вопросов показывает, что все они описывают интересный тип событий, предшествующих во времени Эндособытию, причем Результат (или совокупность Результатов) этого типа событий эквивалентен Потенциалу Эндособытия вне зависимости от того, имеется ли временной интервал между Эндособытием и анализируемыми Пресобытиями, или его нет [51].

Будем называть предшествующее событие, формирующее Потенциал Эндособытия, Препаративным событием. Потенциал выступает в качестве следствия, а Препаратив — его причины.

Препаративное событие, так же, как и Эндособытие, имеет собственные Потенциал, Реализацию и Результат, собственное Эндопространство, Эндовремя, может иметь Коллаборанта (ср.: *Кто ему помогал доставать материалы?, Сам ли делал чертежи?*) и др. Другими словами, Препаративное событие обладает всеми характеристиками, которые были выделены для Эндособытия. Вероятностные характеристики Препаративного события, в котором наибольший удельный вес имеют Умственный и Информационный аспекты, составляют:

"Он сделал это" — 0,041; "Он сделал материальную вещь" — 0,037;
"He did it" — 0,036; "He made it" — 0,044.

3. **Каузатив. Предметный аспект.** Под Каузативным событием понимается событие, предшествующее во времени Эндособытию и рассматриваемое Внешним интерпретатором как причина Реализации Эндособытия; поскольку информанты наделили Агенса одушевленностью, разумом и волей, рассмотрение данной категории целесообразно провести при анализе Умственного и Информационного аспектов Пресобытия.

§ 9. ПОСТСОБЫТИЕ. ПРЕДМЕТНЫЙ АСПЕКТ

Рассмотрим теперь Предметный аспект Постсобытия, т.е. события, следующего во времени за Результатом Эндособытия на определенном расстоянии и связанного с Эндособытием содержательной связью.

Своеобразие вопросительных предложений, которые входят в класс "Постсобытие", по сравнению с вопросами, входящими в классы "Эндособытие" и "Пресобытие", состоит в том, что здесь информанты используют различные глагольные формы, соотносящие время вопроса не только с прошедшим, но и с настоящим и будущим временем (Ср.: *Это пошло ему на пользу?; Что ему это дает?; Заплатят ли ему за это? и Was this person punished for his action?; Is he punished for it?; Will they punish him for it?*). Такое разнообразие глагольных времен наблюдается как у русских, так и у американцев, т.е. во всех четырех массивах вопросительных предложений.

Этому факту может быть дано следующее содержательное объяснение. Каждый информант устанавливает собственное расстояние во времени между точечным временем Эндособытия в прошлом и настоящим временем, т.е., в подобном случае, временем его участия в эксперименте. Указанное расстояние может быть описано градуальным эталоном с максимальными значениями типа "давно" и "недавно". В центральной зоне такого эталона располагается область промежуточного значения.

В рамках Постсобытия можно выделить следующие типы событий:

1. **Пострепетитив.** Под Пострепетитивом понимается событие, полностью совпадающее с Эндособытием по структуре, но реализующееся после него во времени. Рассмотрим, например, вопросительные предложения:

- А. 1. *Будет ли он еще это делать?**
 2. *Повторится его работа еще раз?*
 3. *Будет ли он делать это еще когда-нибудь?*
 4. *Долго ли он будет продолжать делать это?*
- Б. 1. *Will there ever be a next time?*
 2. *Was it the last time or will he do it again?*
 3. *Is he going to do it again?*
 4. *Will he do it again? **
 5. *Will he make more? **
 6. *Will he make it again?*
 7. *Will he make another one?*
 8. *Will he make it again some time in the future?*
 9. *Is he going to make another one anytime soon?*

Если Пререпетитив связан с Опытом Агенса в Эндособытии, то повторение события, полностью дублирующего Эндособытие, можно связать с мотивационно-эмоциональной сферой Агенса, его обязанностями, желаниями, целями, собственными оценками Результата Эндособытия, Последствий и др. (см. главу IV).

Пострепетитивное событие не имеет фиксированного положения во времени; единственным его темпоральным ориентиром является Эндособытие (как, впрочем, и у Пререпетитива).

Нам остается вспомнить, что в рамках Эндособытия была выделена такая его характеристика, как Цикличность (см. § 6). Если принять во внимание, что и Пререпетитив, и Пострепетитив в сущности также являются проявлениями Цикличности в Экзоструктуре события, то можно прийти к выводу об универсальности данной когнитивно-семантической характеристики событийной структуры.

Сопоставим теперь вероятностные характеристики Цикличности (см. табл. 8):

Т а б л и ц а 8

№	Стимул	Пререпетитив	Цикличность	Пострепетитив
1	"Он сделал это"	0,016	0,003	0,018
2	"Он сделал материальную вещь"	0,011	0,001	0,012
3	"He did it"	0,039	0,008	0,042 [52]
4	"He made it"	0,037	0,001	0,028

2. **Консекутив.** Под Консекутивным событием понимается некоторое событие, следующее во времени за Эндособытием и являющееся его следствием. В зависимости от масштаба анализа, в качестве причины может выступать как Эндособытие в целом, так и отдельные его компоненты. Ср. вопросы:

1. *К чему привело то, что он сделал это?*
 2. *Что за этим последовало?*
 3. *Что он сделал после выполнения работы?*
 4. *Убрал ли он за собой?*
 5. *Ему потом пришлось вымыться?*
 6. *Он стал отдыхать после работы?*
 7. *Куда он дел то, что сделал?*

С позиции Внешнего интерпретатора Консекутивные события могут быть связаны с Эндособытием как глобальной, так и частными каузативными связями. Например, вопрос № 4 в качестве причины предполагает наличие в Результате Отходов, № 7 — Продукта, № 5 и 6 — специфические признаки Результативного Агенса. Это значит, что в качестве одного из оснований для классификации вопросительных предложений, входящих в класс "Консекутивность", могут быть использованы категориальные и концептуальные признаки Эндособытия.

Консекutive события по ряду параметров сходны с Каузативными. Однако для того, чтобы анализировать эти категории, нам необходимо перейти к Умственному аспекту событийной структуры (см. § 2 гл. IV).

§ 10. МАСШТАБ

Анализ вопросительных предложений, описывающих предметный аспект событийной структуры, позволил выявить функциональные категории, присущие внутренней структуре события. Эти категории могут быть описаны с помощью градуальных эталонов:

- 1) "Активность – Пассивность"
- 2) "Нетрансформируемость – Трансформируемость"
- 3) "Непосредственность – Опосредованность"
- 4) "Потенциал – Реализация – Результат"
- 5) "Одушевленность – Неодушевленность"
- 6) "Оценки (Про и Контра)" и др.

Областями пространства, образуемого данными эталонами, являются категории Агенса (Потенциального, Реального и Результативного), Материала, Объекта и Продукта, Инструмента (Потенциального, Реального и Результативного), Коллаборанта и др. Данные категории, по сути дела, фиксируют те функциональные роли, которые приписываются внутренним предметным компонентам некоторого события Внешним интерпретатором.

Помимо этого, вопросительные предложения, полученные в экспериментах, позволили выявить ряд характеристик событийной структуры, обладающих сходными параметрами. Эти характеристики описываются областями пространства, образуемого градуальными эталонами:

- 1) "Эндпространство–Экзпространство"
- 2) "Эндвремя–Экзвремя"
- 3) "Эндоаспект–Экзоаспект" предметных нетрансформируемых компонентов (Агенса, Инструмента, Коллаборанта) и т.п.
- 4) "Партикуляризация–Генерализация событийной структуры".

Сопоставление перечисленных градуальных эталонов показывает, что все они подчиняются общей закономерности: эти эталоны в совокупности задают различные степени общего Масштаба событийной структуры в рамках объема внимания.

Каждый из этих эталонов, рассматриваемый по отдельности, описывает единственный аспект (пространственный, временной, предметный, действительный) данного общего Масштаба.

При этом, мы предполагаем, что при различных степенях Масштаба объем внимания остается постоянным. Другими словами, вне зависимости от того, осуществляем ли мы ментальный "наплыв" на рассматриваемый "событийный объект", или, наоборот, "удаляем" его, формат объема внимания остается постоянной величиной [53].

Будем теперь использовать термины "Партикуляризация"–"Генерализация" для обозначения градуального эталона общего Масштаба событийной структуры. В центральной зоне такого эталона располагается область единичного Эндособытия с его темпоральными, локативными, предметными и т.п. параметрами. Движение в сторону Партикуляризации ("наплыв") приводит к последовательной градуальной смене как общего Масштаба, так и его частных параметров: в объеме внимания оказываются, в целом, все более мелкие (менее протяженные во времени и пространстве, менее сложные по компонентному составу) событийные единицы.

Поскольку этот эталон включает взаимосвязанные частные – локативный, темпоральный, предметный и событийный – эталоны, следует предположить, что градуальное изменение общего Масштаба обязательно влечет синхронное и координированное изменение степеней всех частных взаимосвязанных эталонов. Действительно, Эндособытие типа "Она приготовила обед" по сравнению с Микрособытием типа "Она поставила кастрюлю на плиту", входящим в это Эндособытие, обладает более объемным Эндовременем и Эндпространством, большим числом предметных компонентов, большим числом Микрособытий и, соответственно, более сложным их Порядком и т.п. При этом оказывается, что любое Эндособытие характеризуется нормальной и предельными степенями зон каждого из частных эталонов, описывающих его.

Здесь мы вновь обратимся к нашему примеру с яблоком, имеющим как среднестатистический нормальный размер, так и предельные значения "большого" и "маленького". Некоторое Эндособытие также имеет среднестатистическое "нормальное" Эндвремя и предельные значения своей темпоральной зоны, "нормальное" Эндпространство и предельные значения локативного объема, "нормальный" набор Микрособытий и предельные значения их минимума и максимума и т.п., причем как "нормы", так и зоны необходимо коррелируют между собой. Это позволяет дать когнитивно-семантическое объяснение явлению, обычно называемому "здравый смысл". Принцип соразмерности масштабов является одним из проявлений общей закономерности: корреляции масштабов частных эталонов в рамках общего Масштаба Генерализации–Партикуляризации. Эта закономерность – одна из наиболее существенных характеристик событийного компонента фоновых знаний.

В изложенной главе мы рассмотрели лишь часть вопросительных предложений, полученных в экспериментах, а именно – предложения, актуализирующие Предметный аспект события с позиции Внешнего интерпретатора. Перейдем теперь к анализу Умственного и Информационного аспектов.

УМСТВЕННЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ СОБЫТИЯ

§ 1. ОБЩАЯ СТРУКТУРА

Рассматривая Макроструктуру события (см. § 1 гл. III), мы пришли к выводу, что наряду с предметным аспектом, имеющим наибольшие вероятностные показатели, информантов интересуют и Умственный и Информационный аспекты события (см. табл. 2).

1. У м с т в е н н ы й аспект события предполагает фокусирование внимания Внешнего интерпретатора на рациональной и эмоциональной деятельности всех одушевленных предметных компонентов (людей) в связи с данным событием; указанная психическая деятельность может протекать как в темпоральных рамках Эндособытия параллельно с Реализацией, так и во времени Пресобытия и Постсобытия. Что касается "носителей" данного вида деятельности, то к их числу, судя по вопросительным предложениям, принадлежит не только Агенс, Коллаборант, Интерагенс, одушевленный Объект, Инструмент и т.п., т.е. одушевленные предметные компоненты Эндособытия, но и одушевленные Экзособытийные компоненты, в той или иной мере связанные с Эндособытием. Ср. следующие вопросительные предложения:

- А. 1. *Думал ли он о последствиях, когда делал это?*
 2. *Как присутствующие относились к этому?*
 3. *Он сделал это тайно, или все знали, что он собирается это делать?*
 4. *Знали ли о его намерениях друзья?*
 5. *Положительно ли сказались результаты его работы на настроении окружающих?*
 6. *Как его работа отразилась на нервах соседей?*
 7. *Знает ли жена, что он это сделал?*
 8. *Что думают об этом родители?*
 9. *Карается ли это по закону?*
- Б. 1. *Did he enjoy making it? **
 2. *Is he proud of himself, or is he embarrassed? **
 3. *Does anyone else know that he did it?*
 4. *Do his friends know about it?*
 5. *Does his wife know about this?*
 6. *What does his wife think about it?*
 7. *Were people pleased or displeased that he did it?*
 8. *What will the neighbours think?*
 9. *Was a crime committed?*

Отсюда следует, что помимо одушевленных предметных компонентов Эндособытия, "носителями" умственной деятельности выступают не входящие в объем Эндособытия Наблюдатель, находящийся в Экзопро-

странстве события, Близкий (друг, сосед, жена, родители) и Социум (все люди, закон как всеобщий социальный институт и т.п.). Помимо этого, вопросительные предложения типа:

1. *Плохо это или хорошо с нашей точки зрения?*
2. *Изменилось ли наше отношение к нему теперь?*
3. *Можно ли было от него ожидать, что он это сделает?*
4. *Могу ли я оценить эту вещь?*
5. *Am I supposed to know?*
6. *Is it OK that I know about it?*
7. *Does it concern me?*
8. *Why should I care?*
9. *Great, but is it good?*

дают основание полагать, что информанты фиксируют собственную умственную деятельность, т.е. вычлениют наряду с Наблюдателем, Близким и Социумом еще и Внешнего интерпретатора как носителя умственной деятельности.

Следует подчеркнуть, что с вероятностных позиций наибольший удельный вес имеют вопросительные предложения, фокусирующие внимание Внешнего интерпретатора на умственной деятельности Агенса в Пресобытии, Эндособытии и Постсобытии.

2. И н ф о р м а ц и о н н ы й аспект события предполагает и психическую и физическую (т.е. предметную) деятельность как всех перечисленных выше одушевленных компонентов Эндособытия (Агенс, Коллаборант, Интерагенс и т.п.), так и Экзособытийных одушевленных предметных компонентов (Наблюдатель, Близкий, Социум, Внешний интерпретатор). При этом, предметный компонент информационного аспекта не совпадает с предметным аспектом Эндособытия, его Реализацией. Например, спортивный комментатор, вербально описывающий событие, происходящее на футбольном поле во время телевизионной трансляции, реализует физическую (предметную) деятельность информационного аспекта данного события дважды: физически воспринимая это предметное событие (1) и физически артикулируя свой комментарий (2). При этом и физическое восприятие (перцепция), и физическая артикуляция (фонация) качественно отличаются от физической Реализации собственно Эндособытия, т.е. некоторых действий определенного футболиста на поле, хотя и, несомненно, содержательно связаны с ними.

Следует предположить, что в информационном аспекте событие распадается на целый ряд частных информационных событий, каждое из которых представляет собой двуединство Деятеля (в данном случае Агенса-отправителя или -получателя информации) и Действия (в данном случае — перцепции, аудирования или говорения). Информационное событие, также как и анализируемое нами предметное событие, имеет, таким образом, Предметный и Умственный аспекты. Информационное событие по способу получения информации может дифференцироваться на Перцептивное и Коммуникативное. Перцептивное информацион-

ное событие предполагает извлечение информации непосредственно из, например, визуально наблюдаемой Реализации некоторого Эндособытия; Коммуникативное информационное событие предусматривает извлечение информации об Эндособытии из некоторого знакового комплекса, в той или иной степени замещающего данное событие.

Как Эндособытие "производственного" типа, включающее такие предметные компоненты, как Агенса, Материал, Инструмент, Объект, Средство, Продукт, Отходы и др., так и Эндособытие Коммуникативного типа, включающее в качестве предметных компонентов Агенса (Адресант), Текст и Адресат, могут рассматриваться и в Предметном, и в Умственном аспектах. Понятно, что удельный вес предметного аспекта в Коммуникативном Эндособытии ниже аналогичного удельного веса в "производственном" Эндособытии. Нетрудно себе представить градуальный эталон с максимальными значениями Предметный аспект и Умственный аспект. В Центральной зоне такого эталона располагается область таких событий, которые предполагают примерно равный удельный вес Умственного и Предметного аспектов (см. рис. 16):

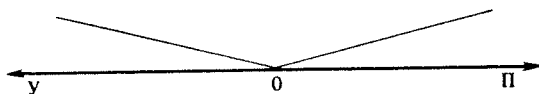

Рис. 16

Движение от *О* к *П* указывает на уменьшение удельного веса Умственного аспекта в некотором Эндособытии с параллельным увеличением удельного веса его Предметного аспекта вплоть до событий типа "Петр заболел". Движение от *О* к *У* предполагает нарастание обратного соотношения аспектов вплоть до событий типа "Петр создал новую теорию", где преобладание Умственного аспекта над Предметным очевидно. Экспериментальное психолингвистическое ранжирование номинаций некоторого набора событий по методике, разработанной нами для ранжирования прилагательных размера, может дать числовые коэффициенты соотношения аспектов в том или ином типе события.

Прежде чем переходить к анализу вопросительных предложений, описывающих Умственный аспект события, нам необходимо ответить еще на один вопрос, касающийся единиц описания этого аспекта. Если для Предметного аспекта Эндособытия и Информационного события, имеющих эксплицитную предметную Реализацию, основной единицей описания является событие же (Микрособытие), причем вопросительные предложения прямо указывают на членимость Реализации Эндособытия в сознании Внешнего интерпретатора на Микрособытия, то этого нельзя сказать о вопросительных предложениях, описывающих Умственный аспект. Наши вопросы не содержат указаний на событийную структурированность Умственного аспекта в сознании Внешнего интерпретатора. В то же время имеются многочисленные факты "пересечения" Предметного и Умственного аспектов как в вопросах, касающихся действий Агенса в Пресобытии, Эндособытии и Постсобытии, так и в вопросах, ориентированных на Информационные события в Экзоструктуре, например:

1. Учился ли он делать это раньше?
2. Видел ли он, как это делают?
3. Рационально ли он работал?
4. Творчески ли он работал?
5. Добросовестно ли он делал это?
6. Все ли делал правильно?
7. Стоило ли это больших умственных усилий?
8. Кто посоветовал ему сделать это?
9. Ему приказали сделать это или он сам?
10. Он ничего не ждет от сделанной работы?
11. Ему нравится показывать сделанную работу? и т.д.
12. Did he have to take lessons to make it?
13. Did he design it himself?
14. Did he have a hard time making it?
15. Did he do it correctly?
16. Did he do it well?
17. Did he do it sloppily?
18. Did he do it with class?
19. What is he planning on doing with it now?
20. What did she say about this?

Факты взаимодействия Предметного и Умственного аспектов в сознании Внешнего интерпретатора позволили предположить, что по времени актуализации компонентов Умственного аспекта в сознании Агенса и других одушевленных участников Эндособытия и его Экзоструктуры эти компоненты могут быть соотнесены с Пресобытием, Эндособытием или Постсобытием. Анализ вопросительных предложений показал, что, в целом, умственные действия вписываются в эту триаду Предметного аспекта, обладая существенной спецификой, которая будет показана ниже при анализе конкретных категорий Умственного аспекта.

Поскольку Информационные и, в частности, Коммуникативные события обычно выступают в качестве предметных проявлений умственной деятельности, вопросительные предложения, фиксирующие Коммуникативные события, мы будем использовать дважды: при описании Умственного и при описании Информационного аспектов событийной структуры. Отметим, что "закрепленность" элементов Умственного аспекта в предметной событийной структуре Информационных событий позволяет достаточно точно соотносить время актуализации определенных элементов Умственного аспекта с участком линейного времени предметной событийной структуры. Так, вопрос типа *Советовался ли он с кем-нибудь, прежде чем взяться за работу?* предполагает, с одной стороны, наличие Коммуникативного события в Пресобытии, а с другой — формирование Намерения (см. ниже) в сознании Агенса, по времени соотносимого с Пресобытием.

Анализ вопросительных предложений, описывающих Умственный аспект события, удобно начать с Пресобытия, последовательно переходя далее к Эндособытию и Постсобытию.

§ 2. ПОБУЖДЕНИЕ

В связи с тем, что нас интересует когнитивно-семантическая модель события в бытовом сознании, последовательно построенная на базе экспериментальных данных (вопросительных предложений), даже если она, возможно, окажется более "наивной" по сравнению с научной теорией, описывающей тот же объект, попытаемся дать описание "внутреннего мира" Агенса, исходя из принятой нами методики исследования.

Под Побуждением понимается обобщенная категория, описывающая весь комплекс психических переменных, приводящих Агенса к предметной активности, или действию в Эндособытии. К числу таких переменных мы относим как внешнюю причину (Каузативное пресобытие), так и внутренние мотивы. Термином "Мотивы" обычно обозначаются различные психические явления и состояния, вызывающие активность субъекта (Агенса): потребности, инстинкты, влечения, эмоции, установки и идеалы.

1. **Каузативное пресобытие.** Под Каузативным пресобытием понимается Информационное событие, которое расценивается Агеном или Внешним интерпретатором как внешняя причина, побудившая Агенса к совершению поступка-Эндособытия; в этом случае Эндособытие выступает в качестве следствия Каузативного пресобытия. Каузативное пресобытие противопоставлено в сознании Внешнего интерпретатора Внутренним мотивам, о чем свидетельствуют следующие альтернативные вопросы:

- А. 1. *Он сделал это сам, или его принудили?*
2. *Он сам решил это сделать, или его заставили?*
3. *Он сделал это по собственной воле или по просьбе (приказанию) кого-то?*
4. *Он сделал это по просьбе или по собственной инициативе?*
5. *Его обстоятельства вынудили сделать это, или он сделал по собственному желанию?*
6. *Его заставили это сделать, или он сам?*
7. *Ему приказали это сделать, или он сам?*
- Б. 1. *Did someone tell him to do it or did he do it independently?*
2. *Did he want to do it or was he forced by circumstances?*

Внешнее Каузативное пресобытие описывается большим количеством разнообразных вопросительных предложений, каждое из которых обладает малой вероятностью (частотные вопросительные предложения типа *Почему он сделал это? / Why did he do (make) it?** не дифференцируют Каузативное пресобытие и собственное "волеизъявление" Агенса. Перечислим набор вопросительных предложений, описывающих именно Каузативное пресобытие, организуя их в семантические классы. Начнем с Каузативного пресобытия с одушевленным Агеном:

- А. 1. *Кто подсказал ему это?*
2. *Кто подал ему такую идею?*
3. *Кто его надоумил?*

4. *Кто его вдохновил сделать это?*
5. *Под чьим влиянием он сделал это?*
6. *Кому пришла в голову мысль о необходимости его работы?*
7. *Чья была идея это сделать?*
8. *Кто ему предложил сделать это?*
9. *Ему посоветовали сделать это?*
10. *Кто ему посоветовал сделать это?*
11. *Просили ли его сделать это?*
12. *Кто его просил сделать это?*
13. *По чьей просьбе он сделал это?*
14. *Долго ли его уговаривали сделать это?*
15. *Обещал ли он сделать это?*
16. *Не связано ли его действие с какими-либо его обязательствами?*
17. *Он сделал это по чьему-то заказу?*
18. *Ему поручили это дело?*
19. *Кто ему это поручил?*
20. *Почему поручили именно ему?*
21. *С каких пор ему поручали делать это?*
22. *Не принуждали ли его сделать это?*
23. *Давил ли на него кто-нибудь, чтобы он сделал это?*
24. *Оказывал ли на него кто-нибудь психологическое давление?*
25. *Его заставили это делать?*
26. *Кто его заставил это сделать?*
27. *Заставлял ли его кто-нибудь это сделать?*
28. *Ему приказали сделать это?*
29. *Кто приказал ему сделать это?*
30. *Отговаривал ли его кто-нибудь делать это?*
31. *Запрещали ли ему делать это?*
- Б. 1. *Did someone tell him to do it?*
2. *Did someone pay him to do it?*
3. *How much did they pay him to do it?*
4. *Who asked him to do it?*
5. *Was he told to do it?*

Анализ данных вопросительных предложений с очевидностью свидетельствует о наличии в нашем сознании градуального эталона, который отражает степень обязательности выполнения (невыполнения) Агеном данного Эндособытия. Будем называть данный эталон "Облигативом". Облигатив фиксирует оценку Агеном Эндособытия степени Императива, исходящего от Агенса Каузативного пресобытия. По сути дела, речь идет о едином императивно-облигативном эталоне, который рассматривается с двух позиций: Агенса Каузативного пресобытия как Императив и Агенса Эндособытия как Облигатив.

Анализируемый эталон имеет максимумы типа "приказать" – "запретить", в центральной зоне такого эталона располагается область, значением которой является "не оказывать никакого влияния".

Семантика глаголов в анализируемых предложениях хорошо демонстрирует градуальность от центральной зоны эталона до максимума "приказывать": *подсказать* → *подать идею* → *надоумить* → *вдохновить* → *предложить* → *советовать* → *просить* → *заказывать* → *по-ручать* → *принуждать* → "давить" → *заставлять* → *приказывать*.

Вторая половина эталона описывается в вопросительных предложениях всего двумя глаголами: *отговаривать* → *запрещать*.

Кроме того, семантика данных глаголов дает все основания утверждать, что при одушевленном Агенсе Облигативного пресобития, в предметном аспекте это событие носит, как правило, коммуникативный характер.

Вопросительные предложения фиксируют и такое Облигативное пресобитие, в котором в качестве Агенса выступает неодушевленный предмет (явление). Однако данные предложения сравнительно немногочисленны и неоднозначны; некоторые из них смешивают внутреннюю мотивацию Агенса с рассматриваемым видом Облигативного пресобития (см. ниже):

- А. 1. *Что его натолкнуло на это?*
 2. *Под влиянием чего он сделал это?*
 3. *Что его побудило сделать это?*
 4. *Что послужило толчком к работе?*
 5. *Что его вынудило сделать это?*
 6. *Что его заставило сделать это?*
- Б. 1. *What made him do this?*
 2. *What made him decide to make it?*
 3. *Was he forced by circumstances?*

Все данные предложения предполагают как некоторое Облигативное пресобитие с неодушевленным Агенсом, так и, скажем, идею, мысль, воспоминание и т.п. проявления ментальной активности субъекта.

Нетрудно заметить, что и в случае неодушевленного Агенса Облигативного пресобития степень обязательности Реализации Эндособытия нашим Агенсом различна. Ср. глаголы: *натолкнуть* → *повлиять* → *побудить* → *послужить толчком* → *вынудить* → *заставить*.

Несмотря на то, что Облигативное пресобитие с неодушевленным Агенсом может иметь различные наборы предметных компонентов и структур Реализации, с позиции Агенса Эндособытия оно имеет форму Перцептивного события и вместе с только что рассмотренным Коммуникативным событием входит в класс Информационных событий.

Внутренняя оценка степени Облигативности фиксируется следующими вопросительными предложениями:

- А. 1. *Мог ли он не делать этого?**
 2. *Можно было этого не делать?*
 3. *Неужели нельзя было обойтись без этого?*
 4. *Можно ли было без этого обойтись?*

5. *Может быть, этого можно было и не делать?*
 6. *Надо было сделать именно это?*
 7. *Нужно ли было это делать?*
 8. *Должен ли он был это делать?*
 9. *Ему необходимо было это сделать?*
 10. *Была ли у него острая необходимость это делать?*
 11. *Обязательно ли ему было это делать?*

- Б. 1. *Did he have to do it? **
 2. *Did he feel that he absolutely had to do it?*
 3. *Was he forced to do it?*
 4. *Did he have to make it?*

Перечисленные три серии вопросительных предложений дают основания для выделения общего когнитивно-семантического эталона "Облигатив", фиксирующего степень необходимости Реализации одушевленным Агенсом данного Эндособытия как с позиций самого Агенса, так и с позиций Внешнего интерпретатора [54]. Такой эталон (см. рис. 17) имеет два максимума; "Необходимость" и "Свобода". В центральной зоне эталона находится область "равноденствия" указанных градуальных величин (O), т.е. степень необходимости эквивалентна степени свободы: субъекту настолько же необходимо (запрещено) делать нечто, насколько он свободен в своем волеизъявлении.

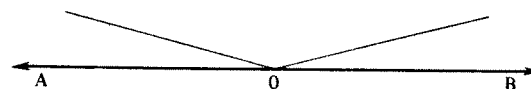

Рис. 17

При движении от O в сторону A степень "необходимости" нарастает с параллельным уменьшением степени "свободы"; при движении от O к B — соотношение меняется в обратной пропорции.

Как же соотносится данный эталон с описанным выше эталоном, имеющим полярные максимумы типа "заставить" — "запретить"? Поскольку и "заставить", и "запретить" фиксируют одни и те же степени "необходимости" и "свободы", но с "обратным знаком" (Pro и Contra), данные эталоны координированы в нашем сознании (см. рис. 18).

На рис. 18 А изображено исходное соотношение двух эталонов, описывающее максимум "свободы". При перемещении эталона "заставить" — "запретить" вправо, в сторону "необходимости", этот эталон может смещаться от своего O либо вверх (нарастание "необходимости" со знаком "запретить"), либо вниз (то же, но со знаком "заставить").

На рис. 18 Б представлено соотношение эталонов, описывающих максимум "необходимости" в сочетании со значением "заставить". Наоборот, при перемещении эталона "заставить" — "запретить" влево, этот эталон стремится к своему нулевому значению, т.е. принимает относительно эталона "свобода" — "необходимость" значение своей центральной зоны. По нашему мнению, два данных эталона хорошо демонстрируют воз-

возможность "жесткого" типа межэталонного взаимодействия, когда изменения градуального значения одного из эталонов необходимо и строго коррелирует с изменением градуального значения другого.

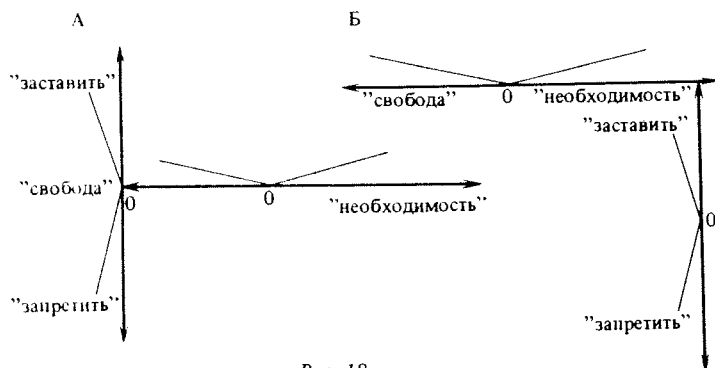

Рис. 18

Экспериментальная работа с вербальными средствами шкалирования данных эталонов в том или ином естественном языке может представить значительный интерес с точки зрения эксплицированности — имплицитованности тех или иных степеней данных эталонов в речи, по-видимому, коррелирующих со степенью осознанности — интуитивности.

В заключение описания Облигатива как функции от Каузативного пресобытия отметим еще раз, что с позиций Агенса Эндособытия, который в Каузативном пресобытии выступает в функции Адресата или Объекта, само Каузативное пресобытие одновременно выступает в качестве Информационного пресобытия. Другими словами, одно и то же событие, в зависимости от аспекта рассмотрения, может получать различную функциональную интерпретацию (некоторое событие может рассматриваться и как "простое" Предметное, и как Информационное, в частности, Коммуникативное, и как Каузативное, меняющее градуальное значение Облигатива в сознании Агенса Эндособытия).

Общие вероятностные характеристики Каузативного пресобытия вместе с внутренней оценкой Облигатива составляют для разных стимулов:

"Он сделал это" — 0,097; "Он сделал материальную вещь" — 0,067; "He did it" — 0,102; "He make it" — 0,075.

При релевантности и стабильности характеристик отметим сравнительно невысокую вероятность описываемой категории для стимулов, задающих "производственный" тип Эндособытия, что может быть обусловлено большей стандартизованностью причинно-следственных связей данного типа событий.

2. **Внутренняя каузация.** При анализе Каузативного пресобытия мы уже приводили примеры альтернативных вопросов типа *Он сделал это сам, или его принудили?*, противопоставляющих внешнюю каузацию внутренним мотивам Агенса Эндособытия до его начала.

Приступая вплотную к анализу "внутреннего мира" Агенса, заметим, что по определению события, которое было сформулировано выше, оно, в частности, представляет собой отражение в сознании некоторого явления объективной реальности. Описывая внутреннюю Каузацию, мы впервые встретились со случаем, когда моделируемым объектом (отражаемым в модели) служит не сама референтная ситуация, а ее отражение в сознании, то есть отражаемым в модели явлением объективной реальности является собственно отражение. Другими словами, речь идет о "двойном отражении". (Многочасное отражение вербализуется, например, в шуточных фразах типа "Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю...").

Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

- А. 1. *Это было заманчиво?*
 2. *Он был заинтересован сделать это?*
 3. *Ему хотелось сделать это?*
 4. *Он хотел сделать это?*
 5. *Он мечтал сделать это?*
 6. *Он сделал то, о чем мечтал?*
- Б. 1. *Did he want to do it?*
 2. *Has he always wanted to make such a thing?*

Все данные вопросы в качестве ответов предполагают как утверждение, так и отрицание. Кроме того, очевидно, что интенсивность (степень) желания (нежелания) представляют собой градуальную величину; это просматривается и в семантике глаголов и глагольных конструкций в русском наборе вопросов. Таким образом, мы получаем основания для выделения градуального эталона "Эмотив" с максимальными полярными значениями типа "очень хотеть" и "очень не хотеть". В центральной зоне такого эталона (см. рис. 19) находится зона "эмотивного покоя", которую можно обозначить выражением *ему все равно*.

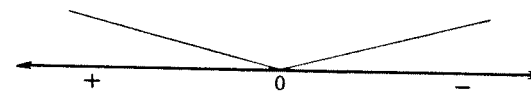

Рис. 19

При движении от 0 в сторону (+) степень "желания" постоянно нарастает вплоть до максимума типа "нечеловеческое желание"; при движении от 0 в сторону (-) нарастает степень "нежелания" вплоть до "максимального нежелания". Мы пока не можем предложить удовлетворительного объяснения тому, что в вопросительных предложениях представлена только положительная половина эталона "Эмотив"; возможно, в дальнейшем, работая с отрицательными стимулами типа "Он не сделал этого", нам удастся получить экспериментальное объяснение данного феномена.

Как уже говорилось, внутренняя мотивация Агенса координируется в сознании Внешнего интерпретатора с Каузативным пресобытием. Это

значит, что градуальный эталон "Эмотив" взаимодействует с эталонами "Облигатив" и "Необходимость". Три данных эталона образуют общее трехмерное когнитивно-семантическое пространство, области которого описывают "внутреннее состояние" Агенса в Пресобытнии и, отчасти, Эндособытнии (см. ниже).

Чрезвычайно интересно моделировать области когнитивно-семантического пространства, перемещая выявленные градуальные эталоны друг относительно друга и определяя случаи, когда новое значение одного из эталонов необходимо ведет к изменению значений других эталонов, а когда этих необходимых взаимоизменений не происходит. Выше мы показали случай, при котором смещение эталона "Облигатив" с его центральной зоны в сторону "заставить" или "запретить" необходимо ведет к изменению значения внутренней оценки Необходимости, т.е. "жесткий" тип межэталонной связи.

Эталон "Эмотив" также координируется с эталоном "Необходимость" (см. рис. 20):

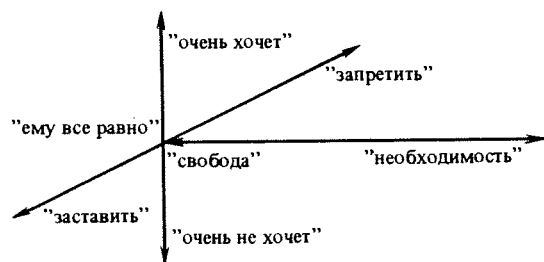

Рис. 20

Здесь при перемещении эталона "Эмотив" вверх или вниз может быть реализована как "жесткая", так и "мягкая" зависимость: субъект "очень хочет" и поэтому данное событие он рассматривает как "необходимое"; versus — субъект рассматривает данное событие как "необходимое" и поэтому "очень хочет"; субъект "очень не хочет", но рассматривает предстоящее событие как "необходимое"; versus — он рассматривает событие как "необходимое", но "очень не хочет". С другой стороны, при изменениях значений эталона "Эмотив" может не происходить координированных изменений эталона "Необходимость", т.е. все значения эталона "Эмотив" будут реализовываться в зоне "свободы".

При включении в анализ эталона "Облигатив" становится возможным описание интереснейших координаций зон всех трех эталонов, например, случаев, когда субъекту "запрещено" реализовывать событие, но он "очень хочет" и происходит "внутренняя борьба", связанная с выбором значения на эталоне "Необходимость", которая может привести к выбору любого участка этого эталона, т.е. "преодолению" жесткой связи между Внешней каузацией и Облигативом, что реализуется, в частности, в разного рода криминальных событиях.

В этом смысле интересен вопрос *Хорошо ли он спал перед работой?*,

встретившийся всего один раз. Этот вопрос предполагает фокусировку внимания на психофизическом состоянии Агенса до начала Эндособытия; "плохой сон" связан с волнением по поводу предстоящего Эндособытия; степень волнения-спокойствия может быть описана градуальным эталоном (см. ниже, § 3).

Если нанести на каждый из трех анализируемых градуальных эталонов даже самую "грубую" пятиградусную шкалу, то число возможных областей взаимодействия эталонов в этом трехмерном когнитивно-семантическом пространстве, или количество "душевных состояний" субъекта, принимающего решение о Реализации Эндособытия составит более ста сложных единиц. Для психологов могут представить интерес экспериментальные исследования, направленные на выявление наиболее вероятностных областей пересечения эталонов в том или ином социуме, профессиональной группе, у отдельного субъекта; для лингвистов, по-видимому, интересной может оказаться работа со стандартными областями для определения степени фактической их вербализованности в тексте и объема пресуппозиции на основе "жестких" и "мягких" межэталонных связей. Другими словами, здесь намечается подход к построению вероятностно-семантической модели понимания текста.

3. **Интенция.** Эталоны "Облигатив", "Эмотив" и "Необходимость" не исчерпывают психических состояний и переживаний субъекта-Агенса в пресобытийном и эндособытийном времени. Вопросительные предложения содержат предпосылки к выделению еще одного ряда эталонов. Одним из таких эталонов является "Интенция". Рассмотрим, прежде всего, следующие вопросы:

- А. 1. *Специально или нечаянно он это сделал?*
 2. *Зачем он сделал это: преследуя какую-либо цель или от нечего делать?*
 3. *Он случайно это сделал?*
 4. *Это входило в его намерения, или он сделал это неожиданно?*
 5. *Он сделал это необдуманно?*
- Б. 1. *Had he ever thought of doing it before?*
 2. *Did he intend to do it?*

Данные вопросы позволяют предположить наличие полярных значений "спонтанность"—"интенциональность" (сделал случайно, необдуманно и сделал специально, преднамеренно) с промежуточным значением, в области которого степени интенциональности и спонтанности равны. Действительно, большинство наших поступков включает как интенциональный, так и спонтанный компоненты в различной пропорции (ср. вопрос: *Все ли было учтено?*). Это дает основания для выделения эталона "Интенция" с полярными значениями типа "преднамеренность"—"случайность". В центральной зоне такого эталона располагается область частичной "преднамеренности" (ср. вопрос: *Он сделал это необдуманно?*). Эталон Интенция следует отличать от эталона

"Эмотив", поскольку субъект может "не хотеть", но совершить поступок "преднамеренно" и "продуманно" в связи с "необходимостью"; он же может "хотеть", но сознавать отрицательное значение эталона "Необходимость" (т.е. "запрещено") и "случайно", "непреднамеренно" совершить данный поступок и т.п. Сложнейшие формы взаимодействия Интенции и Эмотива входят в сферу интересов психологов; желание может рождать то или иное намерение, но и наоборот, рациональная, продуманная "Интенция" может приводить к выработке положительного, отрицательного или нейтрального "Эмотива"; нетрудно себе представить и циклическую форму параллельного взаимодействия данных эталонов.

Эталон "Интенция" фактически отражает степени сформированности намерения Агенса-субъекта к началу Реализации Эндособытия и входит в Потенциал Эндособытия в качестве умственного компонента. Одновременно следует подчеркнуть, что любая положительная степень эталона "Интенция" (т.е. "преднамеренность") является результатом умственной деятельности субъекта-Агенса Эндособытия во времени, предшествующем Эндособытию, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные вопросительные предложения.

Под "Интенцией" понимается глобальный умственный проект (ментальная модель) будущего Эндособытия и связанных с ним Пресобытий и Постсобытий-следствий (последствий) той или иной степени полноты ("продуманности"). Интенция является результатом сложной умственной "интенциональной" деятельности, включающей выработку цели, плана ее достижения, предварительных оценок результата, следствий и последствий, реакции окружающих, опасности и посильности работы, выбора места и времени для ее Реализации, принятия окончательного решения и т.д.

1. Цель фиксируется большим числом разнооформленных вопросительных предложений:

- А. 1. *Зачем он сделал это?*
 2. *Для чего он сделал это?**
 3. *С какой целью он это сделал?**
 4. *Ради чего он это сделал?*
 5. *Что было его целью?*
 6. *Чего он хотел этим добиться?*
 7. *Была ли у него определенная цель?*
 8. *Какова была конечная цель его работы?*
 9. *Как он хотел использовать результат (какую цель преследовал)?*
 10. *Преследовал ли он корыстные цели?**
 11. *Преследовал ли он личную выгоду?*
 12. *Он делал это бескорыстно?*
 13. *Надеялся на то, что это будет приносить пользу?*
 14. *Делал ли он это из благородных побуждений?*
 15. *Хотел ли с помощью этого возвыситься?*

16. *Он хотел, чтобы люди узнали об этом?*
 17. *Было ли это в подарок?*
 18. *Может он это делал кому-нибудь назло?*
 19. *Хотел сделать назло?*
 20. *Он хотел отомстить кому-то?*
 21. *Может быть, он хотел пошутить?*

- Б. 1. *What for? **
 2. *Did he do it on purpose? **
 3. *For what purpose did he do it?*
 4. *What did he make it for?*
 5. *What was he trying to prove?*
 6. *For what purpose?*
 7. *For ideological reasons?*

Чрезвычайно интересным представляется тот факт, что в сознании информантов (т.е. Внешнего интерпретатора) понятие "цель" связывается не столько с Эндособытием и, в частности, с его Продуктом, сколько с некоторым Постсобытием, для которого Эндособытие выступает в качестве причины. С другой стороны, Эндособытие может рассматриваться и как интенциональный способ достижения целевого Постсобытия. Так, вопрос *Как он хотел использовать результат (какую цель преследовал)?* в явной форме указывает на то, что результат (в наших терминах — Продукт) предполагается использовать в последующем целевом событии. На это же указывают и вопросы о корыстных и бескорыстных, благородных и "низменных" целях, а также номинации конкретных целевых событий. Например, вопрос *Было ли это в подарок?* предполагает, что Продукт будет далее использоваться в целевом событии типа "Преподнесение подарка" [55].

Конечная цель (см. вопрос № 9, А) представляет собой определенное, преднамеренно планируемое событие, следующее за Эндособытием, для которого Эндособытие выступает в качестве как причины, так и способа достижения конечной цели. Планируемый результат (Продукт) Эндособытия в этом случае выступает в качестве Непосредственной ("неконечной") цели [56]; совокупность планируемых результатов Микрособытий Реализации Эндособытия — в качестве субцелей; совокупность планируемых Результатов Пресобытий, связанных с целенаправленным формированием Потенциала Эндособытия (т.е. Препаративных событий) можно рассматривать в качестве "суб-субцелей" и т.п.

Отсюда следует, что набор целей дублирует на умственном уровне описанную в предыдущей главе структуру события в ее предметном аспекте. Мы предполагаем, что все цели принципиально могут быть градуально упорядочены по степени их "важности", т.е. прагматической ценности. Ведь в речи мы "понимаем" такие выражения, как "конечная цель", "основная цель", "главная цель", "сопутствующая цель", "промежуточная цель", "подчиненная цель" и т.п.

Следует предположить, что между прагматической ценностью той или иной цели и ее местом в структуре планируемого события (и его

времени) существует зависимость. Действительно, цели Препаративных событий, направленных на формирование Потенциала Эндособытия, как правило, являются вспомогательными, а не основными; цели Микрособытий Эндособытия несколько более "весомы", цель самого Эндособытия — тем более и т.п. Работа с информантами, упорядочивающими номинации целей некоторого события друг относительно друга, или приписывающими каждой из номинаций цифровой индекс "важности" в рамках некоторой заданной шкалы, в дальнейшем может позволить экспериментально проверить гипотетическую корреляцию между градуальной прагматической ценностью той или иной цели и ее местом в планируемой субъектом структуре события.

2. **Целевой Адресат.** Планируемое Агенсом-субъектом Целевое событие, судя по вопросительным предложениям, в качестве предполагаемого предметного компонента включает Целевого Адресата, т.е. субъекта, для / против которого направлено Целевое событие; например:

- А. 1. *Для кого он это делал?**
2. *Для кого он это сделал?**
3. *Он делал это для себя, или для друзей (окружающих, семьи, государства и т.п.)?**
4. *Он делал это для друга, или для врага? (См. также вопросы № 16 — 21, А предыдущего списка)*
- Б. 1. *Did he do it for himself, or for someone else? **
2. *Assuming that he did not do it for purely selfish reasons, for whom then did he do it?*
3. *For whom did he make it? **
4. *Who did he make it for? **
5. *Whom did he make it?*
6. *To whom did he make it?*
7. *Who's it for?*
8. *Is it for himself? **
9. *Did he make it for himself, or someone else? **

Целевой Адресат входит в планируемое Целевое событие в качестве одушевленного компонента; этим компонентом субъект-Агенс Эндособытия может планировать как самого себя, так и другого субъекта, или класс субъектов любого объема вплоть до социума в целом (см. вопрос № 3, А). Целевое событие связано спонятием possessивности и ее изменения (ср. глагол "дарить" и выделяемый в работах по глубинному синтаксису падежный концепт "бенефактив").

3. **Целевой Продукт.** Рассмотрим, например, такие вопросительные предложения:

1. *Что он собирался сделать?*
2. *Что он хотел сделать?*
3. *Какой результат он хотел получить?*
4. *Предвидел ли он результат?*

5. *Каким он представлял себе результат?*
6. *Что он хотел сделать, какой продукт?*

В отличие от Целевого события и Целевого Адресата, Целевой Продукт коррелирует с категориями Эндособытия, в частности, с его Продуктом. Кроме Целевого Продукта вопросы фиксируют также следующие категории:

4. Целевое Время:

1. *К какому сроку он хотел это сделать?*
2. *За какое время он предполагал это сделать?*
3. *К какому сроку ему нужно было это сделать?*

5. Целевое Место:

1. *Где он хотел это сделать?*
2. *Чем он руководствовался для выбора места работы?*
3. *Он сделал это там, где и предполагал?*

6. Целевая Реализация. План:

- А. 1. *Обдумал ли он все детали плана?*
2. *Он обдумал, как это сделать заранее, или сделал в определенной ситуации?*
3. *Имел ли он какой-либо обдуманный план, прежде чем совершить данное действие?*
4. *Давно ли он это замыслил?*
5. *Долго ли вынашивал решение?*
6. *Долго ли думал, прежде чем сделать это?**
7. *Долго ли он собирался это сделать?*
8. *Как долго вынашивал замысел?*
9. *Долго ли размышлял, прежде чем приступить к работе?*
- Б. 1. *Had he ever thought of doing it before?*
2. *How did he decide to do it?*
3. *Has he wanted to do that for a long time?*
4. *Did he think about it before making it?*
5. *Where did he get the idea to make it? **

Интересно отметить, что большинство данных вопросительных предложений соотносит процесс выработки "Интенции" с темпоральными характеристиками. В то же время, у нас нет серьезных оснований для упорядочения интеллектуальных действий друг относительно друга во времени выработки Интенции, если не считать вероятного предшествования "прихода идеи" "выработке плана".

К этому же классу вопросов следует отнести и вопросительные предложения, описывающие оценочные рассуждения Агенса интенционально-го типа, которые мы назвали Консидерацией:

- А. 1. *Знал ли он заранее, к какому результату это приведет?*

2. *Знал ли он результат своей работы заранее?*
3. *Предвидел ли он реакцию окружающих?*
4. *Думал ли заранее о применении продукта?*
5. *Предвидел ли он результат?*
6. *Каким он представлял себе результат?*

Понятно, что Конечная Цель детерминирует Целевой Продукт проектируемого Эндособытия, План его Реализации, Целевые Место и Время и т.п. Другими словами, можно предположить, что умственное проектирование предметного аспекта события может разворачиваться в порядке, обратном реальному порядку следования событий во времени. Другими словами, Целевое постсобытие может детерминировать Целевой Результат Эндособытия, последний – детерминировать Плановый набор Компонентов Потенциала Эндособытия и плановую структуру его Реализации; Плановый набор компонентов Потенциала, в свою очередь, детерминирует различные планируемые подготовительные события или Препаративные пресобытия, формирующие указанный Плановый Потенциал Эндособытия. Последовательность же событий во времени, как мы помним, описывается стандартной триадой Пресобытие → Эндособытие → Постсобытие, разворачивающейся во времени. Однако, какой бы ни была последовательность умственных операций по выработке "Интенции", наиболее важным для нас является тот факт, что сформированная Интенция представляет собой умственный "слепок" будущей событийной структуры той или иной степени соответствия, поскольку включает целевые и плановые аналоги всех основных компонентов Пресобытия – Эндособытия – Постсобытия в предметном аспекте.

Вопросительные предложения фиксируют внимание и на процессе выработки Интенции Агенсом во времени:

- A. 1. *Когда пришла идея о том, чтобы это сделать?*
2. *Когда созрел план действий?*
3. *Когда он задумал это сделать?*
4. *Он случайно это сделал или давно собирался сделать?*
5. *Думал ли он, что сможет это сделать?*
6. *Казалось ли ему это выполнимым?*
7. *Он не боялся последствий?*
8. *Думал ли о том, что о нем могут плохо подумать?*
9. *Были ли у него какие-то сомнения, стоит ли это делать, или нет, будет ли это благородно?*
10. *Был ли он уверен в необходимости делать это?*
11. *Шел ли он на риск?*
12. *Как он решился это сделать?*
13. *Насколько важно для него было сделать это?*
14. *Почему он не одумался заранее?*
- B. 1. *Wasn't he afraid to do that?*
2. *Was he afraid he wouldn't do it?*
3. *Didn't he know it was illegal?*
4. *Didn't he know that's illegal?*

5. *Did he feel that he absolutely had to do it?*
6. *Do you think he should have?*

Данные вопросительные предложения отражают, по нашему мнению, важнейший этап формирования интенционального решения Агенса-субъекта, характеризующийся сопоставлением оценок градуальных степеней собственного желания сделать это (Эмотива), возможной опасности, качества предполагаемого результата (Продукта), возможной последующей положительной или отрицательной реакции окружающих, выполнимости Эндособытия с физическими (интеллектуальными) данными Агенса, соответствия его предполагаемого поступка моральным и этическим нормам, законности поступка и т.п.

Информанты предполагают возможное противоречивое (контрадикторное) соотношение данных градуальных оценок, их *в з в е ш и в а н и е* и принятие Агенсом "окончательного" интенционального решения.

Выработка Интенции может "опредмечиваться" в Информационных пресобытиях:

- A. 1. *Ему подсказали, как сделать это, или он сам придумал?*
2. *Обсуждал ли он предварительно свое дело, советовался ли?*
3. *Советовался ли он предварительно с кем-нибудь?*
4. *Кто ему подал эту идею?*
5. *Как он узнал, как это делается?*
6. *Видел ли он, как это делали другие?*
7. *Учился ли он делать это раньше?*
8. *Кто научил его, как это делать?*
9. *Где он учился это делать?*
10. *Долго ли он учился это делать?*
11. *Читал ли он специальную литературу?*
- B. 1. *Did someone teach him how to make it?*
2. *Where did he learn how?*
3. *Did he have to take lessons to make it?*
4. *How did he learn to make the item?*

Данные вопросы показывают, что существует такой тип Информационных пресобытий, которые могут планироваться Агенсом Эндособытия целенаправленно и реализовываться им для более полного формирования "Интенции" же. Однако обсуждение, обучение, чтение литературы, наблюдение за действиями других людей могут происходить еще до того, как у Агенса-субъекта "возникла идея" самому сделать нечто.

Здесь интересен факт взаимодействия Умственного и Информационного аспектов события с "обратной связью", поскольку, например, вопрос *Советовался ли он предварительно с кем-нибудь?* предполагает интенционально реализованное Коммуникативное пресобытие, направленное на более полное формирование окончательной Интенции.

Возвращаясь к процессу выработки "окончательного" интенционального решения, следует подчеркнуть, что "персональные" оценки степеней

Облигатива и Эмотива, степени способностей и подготовленности Агенса versus выполнимости задач, степени соответствия поступка социальным нормам versus степени возможных про или конта последствий и т.п. принципиально могут быть достаточно полно описаны при помощи градуальных эталонов, что позволит построить экспериментальную когнитивно-семантическую вероятностную модель рационально-эмоциональной интеллектуальной деятельности субъекта. Данные для такой модели могут быть получены в массовом когнитивно-семантическом эксперименте, связанном со шкалированием градуальных оценок по каждому из намеченных выше эталонов. Подобная модель может представить интерес как формализуемая, но вероятностно "мягкая" динамическая система, "принимающая решение" на основе суммирующего градуального эталона с пределами и нейтральной зоной типа "следует делать" – "стоит делать" – "можно делать / можно не делать" – "не стоит делать" – "не следует делать" [57]. Понятно, что такой суммирующий эталон должен вырабатываться путем сопоставления степеней всех других частных градуальных эталонов с учетом значимости (заданного приоритета) каждого из эталонов относительно всех остальных. Другими словами, приоритеты эталонов также описываются при помощи специального градуального эталона, который, в свою очередь, может быть получен в когнитивно-семантическом эксперименте, скажем, путем упорядочения информантами развернутых номинаций эталонов по убыванию – нарастанию их "важности" с позиции каждого из информантов для данного типа событий.

Указанный выше суммирующий эталон с пределами "следует делать" – "не следует делать" мы рассматриваем как глобальное обобщение совокупности частных эталонов. Этот эталон, по нашему мнению, и отражает степени Внутренней каузации субъекта-Агенса.

Совокупная вероятностная характеристика Внутренней каузации для различных стимулов составляет (включая Информационное пресобытие):

"Он сделал это" – 0,110; "Он сделал материальную вещь" – 0,088; "He did it" – 0,059; "He made it" – 0,075.

В табл. 9 показаны вероятности эталонных категорий, входящих в класс "Внутренняя каузация".

Т а б л и ц а 9

№	Эталон	Стимул	"Он сделал это"	"Он сделал материальную вещь"	"He did it"	"He made it"
1	Эмотив		0,008	0,007	0,016	0,006
2	Цель конечная		0,054	0,046	0,016	0,013
3	Адресат целевой		0,014	0,017	0,006	0,037
4	Продукт целевой		0,003	0,002	φ	0,001
5	Время целевое		0,003	φ	φ	φ

Продолжение таблицы 9

№	Эталон	Стимул	"Он сделал это"	"Он сделал материальную вещь"	"He did it"	"He made it"
6	Место целевое		0,001	0,001	φ	φ
7	План		0,009	0,003	φ	φ
8	Консидерация		0,014	0,004	0,019	0,004
9	Информационное пресобытие		0,004	0,008	0,002	0,014
	Внутренняя каузация		0,110	0,088	0,059	0,075

Колебания вероятностных показателей отражают как событийно-типологические факторы, так и этносоциальную обусловленность. Можно отметить, что Информационное пресобытие в событиях "производственного типа" имеет большую вероятность, чем в "непроизводственных" или смешанных, что показатель Целевого Адресата выше в событиях "производственного типа", что американских информантов в целом в меньшей степени интересует Конечная цель и т.п.

§ 3. УМСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЭНДОСОБЫТИЯ

Выше уже говорилось о том, что Интенция, как правило, формируется до начала Реализации Эндособытия, но сохраняется в сознании Агенса-субъекта предположительно вплоть до достижения Конечной цели.

1. Э м о т и в в Реализации описывается следующими вопросительными предложениями:

1. *Охотно ли он делал это?*
2. *Ему хотелось это делать, или он делал это неохотно?*
3. *Он делал это старательно или нет?*
4. *Он работал аккуратно или небрежно?*
5. *Добросовестно ли он делал это?*
6. *Эффективно ли он работал?*
7. *Как он сам относился к своей работе?*

Данные вопросы возвращают нас к уже выявленному градуальному эталону "Эмотив" (см. с. 97). Этот эталон был получен при анализе Умственного аспекта в Пресобытии; теперь речь идет о том же эталоне в темпоральных границах Реализации, т.е. о его "опредмечивании" в практической деятельности субъекта. Данный эталон в Реализации приобретает специфические свойства: он становится, судя по вопросам, динамичным, т.е. может менять градуальное значение вплоть до полярного:

1. *С каким настроением он начал работать?*
2. *Жалел ли он о начале?*
3. *Хотел ли бросить дело неоконченным?*

Таким образом, в силу объективных или субъективных причин градуальные значения эталона "Эмотив" во времени Пресобытия и Эндособытия могут либо быть эквивалентными (*он мечтал это сделать и сделал охотно*), либо различаться вплоть до полярных значений (*он мечтал это сделать, но сделал неохотно; он испытывал отвращение от одной мысли о том, что ему предстоит делать это, но сделал с большой охотой*).

Следует подчеркнуть, что возможность изменения градуального значения эталона "Эмотив" во времени Реализации соответствует фактам градуальных изменений предметных компонентов Эндособытия в процессе Реализации; в то же время, если градуальное изменение предметных компонентов происходит в обязательном порядке и, в целом, необратимо, значение Эмотива может оставаться константным вплоть до достижения Результата или градуально "плавать" в пределах эталона или его зоны на протяжении всей Реализации.

2. Термин "Эмотив" мы использовали для обозначения эмоционального отношения субъекта к предстоящей / реализуемой деятельности. В то же время, судя по вопросительным предложениям, эмоции и "самооценки" субъекта не исчерпываются отношением к деятельности. Рассмотрим следующие вопросы:

- А.
1. *Что он испытывал, делая это?**
 2. *Какие чувства он испытывал, делая это?**
 3. *Он был взволнован или сохранял спокойствие, когда делал это?*
 4. *Волновался ли он?*
 5. *Не волновался ли он?*
 6. *Он сделал это хладнокровно?*
 7. *Ему было страшно, когда он делал это?*
 8. *Боялся ли он чего-нибудь, когда делал это?*
 9. *Ему было боязно, когда он делал это?*
 10. *Нервничал ли он, когда делал это?*
 11. *Приятно ли ему было делать это?*
 12. *Нравилось ли ему делать это?*
 13. *Ему было весело, когда он делал это?*
 14. *Ему было смешно, когда он делал это?*
 15. *Трудно ли ему было это делать?**
 16. *Легко ли ему было?*
 17. *Тяжело ли ему было?*
 18. *Трудно ему было или легко?*
 19. *Было ли ему трудно, сложно или опасно делать это?*
 20. *Изменял ли он своим убеждениям, когда делал это?*
 21. *Испытывал ли он при этом угрызения совести?*
- Б.
1. *Did he enjoy it? **
 2. *Did he have fun?*
 3. *Was it funny?*
 4. *Was it pleasurable (enjoyable)?*
 5. *Did he like it?*

6. *Was it good for him?*
7. *Did he enjoy making it?*
8. *Was it difficult for him?*
9. *Was the action difficult?*
10. *How hard was it for him to do it?*
11. *Was it hard to make? **
12. *Was it difficult to make?*
13. *Did he have a hard time making it?*

Данные вопросительные предложения, в целом, описывают оценку эмоционального состояния самого субъекта, а не его отношения к деятельности, т.е. в фокусе внимания здесь оказывается отношение субъекта к собственному эмоциональному состоянию и ощущениям, а не своей предметной деятельности. Как ясно видно из вопросов, эмоции и ощущения могут быть описаны при помощи градуальных эталонов:

- а) "волнение" – "спокойствие";
- б) "боязнь" – "смелость";
- в) "грусть" – "веселье";
- г) "опасность" – "безопасность";
- д) "приятность" – "неприятность" и др.

Сопоставляя данные эталоны между собой, можно заключить, что "волнение", "боязнь", "грусть", "трудность", "опасность", "неприятность" принадлежат к отрицательным эмоциональным значениям некоторого обобщающего градуального эталона, а "спокойствие", "смелость", "веселье", "легкость", "безопасность", "приятность" – к положительным. Однако устойчивые выражения типа *приятное волнение, светлая грусть* указывают на необходимость дополнительного экспериментального исследования данного вопроса. Эксперимент может заключаться в упорядочении группой информантов номинаций эмоциональных состояний по степени "приятности/неприятности"; обработка данных по методике, описанной применительно к прилагательным размера, даст возможность ранжировать эталоны относительно друг друга, т.е. построить шкалу эталонов. В центральных зонах обсуждаемых эталонов находятся области промежуточных значений, являющиеся качественной мерой градуального изменения степени признака.

Интересно отметить, что номинации типа *успокоиться и разволноваться, испугаться и осмелеть, войти во вкус и охладеть, устать и отдохнуть* и т.п. указывают на динамический характер данных эталонов во времени; переход от одного состояния к другому представляет собой явление того же порядка, что и "рост яблока" от *малюсенького* до *огромного* через *нормальный размер*.

Этот факт отражается и в вопросах, описывающих динамику Эмотива во времени:

1. *Хотел ли он бросить дело неоконченным?*
2. *Жалел ли он о начатом?*
3. *Надолго ли хватило терпения?*

Данные вопросы дают основания полагать, что, например, нарастание степени "усталости" / "испуга" / "волиения" и т.п. могут изменять в процессе Реализации значение эталона "Эмотив" с положительного на отрицательное, с "желания" на "нежелание". Представляется очевидным, что между градуальными значениями всех описанных эталонов, включая "Эмотив", существуют и градуальные зависимости. Например, всем известны связи между испугом и волнением, усталостью и нежеланием работать и т.п. Однако конкретные проявления градуальных межэталонных зависимостей нуждаются в специальных исследованиях (см. ниже гл. V).

3. Еще одна группа вопросов описывает психофизиологическое состояние субъекта-Агенса в пределах Реализации. Это:

1. Как он себя чувствовал, когда делал это?
2. В каком он был состоянии, когда делал это?
3. В каком состоянии он делал это?
4. Он сделал это, когда был в шоке?
5. Он сделал это в состоянии аффекта?
6. Он был в своем уме, когда делал это?
7. Осознавал ли он, что он делает?
8. Была ли в его действиях логика?
9. Он делал это осмысленно?

По сути дела, данный набор вопросов показывает, что информанты противопоставляют рациональность поступков субъекта-Агенса нерациональности, осмысленности — бессмысленности, причем ставят их в зависимость от психофизиологического его состояния. Так, например, если субъект находится в "шоке" или "не в своем уме", или "в состоянии аффекта", вероятность "нелогичных", "бессмысленных" поступков возрастает. Другими словами, речь здесь идет о двух взаимосвязанных градуальных эталонах типа "спокойствие" — "аффект" и "осмысленность" — "бессмысленность". Между полярными значениями первого эталона находится область промежуточного значения типа "раздражение", а второго — "необдуманность". Понятно, что и эти эталоны связаны с описанными выше эмоциональными состояниями и их сменой и фиксирующими их эталонами.

4. При положительном значении эталона "осмысленность" — "бессмысленность" субъект в процессе Реализации "думает", т.е. совершает некоторые мыслительные операции. Обратим внимание на следующие вопросительные предложения:

1. О чем он думал, когда делал это?*
2. Что он думал, когда делал это?
3. Делал ли он это по плану?
4. Творчески ли он это делал?
5. Какими соображениями он руководствовался, делая это?
6. На что он надеялся, делая это?
7. Думал ли он о последствиях, когда делал это?

8. Думал ли он о своих близких в этот момент?
9. Много ли он думал во время выполнения работы?

Если оставить "за скобками" анализа возможность обдумывания субъектом чего-то, никак не связанного с реализуемыми им действиями (при механической работе субъект может думать, например, о вчерашней телевизионной передаче), то нетрудно увидеть, что здесь мы имеем дело с умственной рациональной деятельностью субъекта-Агенса, воплощающего свою ментальную модель, или Интенцию, в предметных действиях в темпоральных границах Реализации Эндособытия. Напомним, что Интенция включает, в частности, Целевую Реализацию или План, а Реализация Эндособытия обычно представляет собой упорядоченную последовательность Микрособытий. Нетрудно представить себе, что рациональная умственная деятельность Агенса в Эндособытии заключается прежде всего в последовательном сличении каждого очередного Результата Микрособытия с целью Микрособытия и установления градуальной степени соответствия с пределами "получилось" — "не получилось" и промежуточным значением в центральной зоне данного эталона ("наполовину получилось, наполовину не получилось"). При несоответствии ("не получилось"; ср. вопросы: *Сразу ли получилось? Has he been trying long? How long has he been trying? On his first try?*) Агенс принимает решение либо повторить Микрособытие, либо прекратить работу (ср.: *Хотел ли он бросить дело неоконченным?*).

Вопросы фиксируют и степень соответствия Результата Эндособытия Промежуточной цели:

1. Он достиг желаемого результата?
2. Соответствовал ли результат тому, что он ожидал?
3. Совпал ли предполагавшийся результат с настоящим?
4. Успешно ли завершилось его дело?
5. Получилось ли задуманное?
6. Добился ли он желаемого результата?
7. Он рассчитывал на такой результат?
8. Ожидал ли он полученный результат?

Данный лингвистический материал позволяет сделать вывод о том, что оценочная степень соответствия Целевых и Реальных Продуктов (Результатов) описывается одним и тем же градуальным эталоном, который мы будем называть "Рациональная оценка".

Интересно отметить, что этот эталон устанавливает связь между двумя разными аспектами события: предметным и умственным.

Что же касается процесса сличения Целей и Результатов, то по типу деятельности он напоминает процесс Консидерации. По сути дела, Консидерация и Сличение образуют во времени непрерывный процесс с качественно различными этапами.

Наряду с Рациональной оценкой возможна и Эмоциональная оценка Продукта (красивый, хороший, некрасивый, плохой), которую может давать как сам Агенс, так и другие субъекты, включая Внешнего интер-

претатора. Однако, с темпоральной точки зрения, Эмоциональная оценка не связана с предшествующей Интенцией, а основывается на вневременных интуитивных представлениях.

Если Рациональная оценка предполагает последовательное сопоставление субцелей с Результатами Микрособытий вплоть до достижения Результата Эндособытия, т.е. осуществляется в темпоральных рамках Эндособытия, то Эмоциональная оценка Результата Эндособытия (Продукта) возможна только с момента его получения. В связи с этим мы предполагаем, что Эмоциональную оценку следует рассматривать во времени Постсобытия (см. ниже, § 4).

Отметим здесь лишь то, что Эмоциональная оценка может находиться в контрадикторном отношении с Рациональной оценкой ("Он сделал так, как и хотел, но получилось некрасиво"; "Он сделал совсем не так, как предполагал, но получилось очень хорошо").

Интерес представляет единичный вопрос *Творчески ли он это делал?*, который, по-видимому, предполагает своеобразие структуры Реализации Эндособытия по сравнению с Реализацией Пререпетитивных событий, или своеобразие Интенции по сравнению с социальным и индивидуальным опытом. Однако данная тема нуждается в специальной экспериментальной разработке, не входящей в наши задачи. В то же время можно отметить, что описываемая когнитивно-семантическая модель, по-видимому, обладает достаточной объяснительной силой, поскольку позволяет предположить наличие градуального эталона, описывающего степень соответствия "известного" и "данного" и обсуждать в конструктах модели такое сложное понятие, как "творческий подход".

Вероятностные характеристики вопросительных предложений, описывающих умственный аспект Эндособытия составляют:

"Он сделал это" — 0,079; "Он сделал материальную вещь" — 0,043; "He did it" — 0,050; "He made it" — 0,035.

Интересно отметить относительно более высокую вероятность вопросов, описывающих "непроизводственный" и "смещанный" типы событий по сравнению с "производственным".

§ 4. УМСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПОСТСОБЫТИЯ

С достижением Результата Эндособытия умственная деятельность Агенса-субъекта не прекращается. Как мы помним, если этот Результат не является самоцелью, он выступает в качестве субститута, замещающего Промежуточную цель. Конечную Цель субъекту еще предстоит достичь. Кроме того, Агенса Эндособытия ожидают последствия (Консеквативные постсобытия); он и другие субъекты оценят как Эндособытие и его компоненты, так и весь событийный комплекс (Экзоструктуру) в предметном и умственном аспектах и т.п.

1. **Постинтенция.** Под Постинтенцией понимается как еще нереализованный (в Эндособытии) фрагмент Интенции (как глобального умст-

венного проекта), приводящий к достижению Конечной цели, так и новые Интенции, основанные на оценке Результата Эндособытия. Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

- A.
1. *Для чего ему эта вещь, что он будет с ней делать?*
 2. *Как он будет использовать результат своей работы?*
 3. *И что же он будет теперь с этим делать?*
 4. *Как он теперь избавится от этого?*
 5. *Куда он это денет?*
 6. *Куда он это сплавит?*
 7. *Подарит ли он это кому-нибудь?*
 8. *Кому он это отдаст?*
 9. *Когда он это отдаст?*
 10. *Он кому-нибудь это завещал?*
 11. *Продаст или подарит?*
 12. *Хочет ли продать то, что сделал?*
 13. *Кто у него купит это?*
 14. *Он делал это на заказ или будет продавать?*
 15. *Нужно ли ему то, что он сделал?*
 16. *Может ли он оставить у себя то, что сделал?*
 17. *Оставит ли он это себе?*
 18. *Один будет пользоваться?*
 19. *Предмет нужен ему в быту?*
 20. *Где будет использовать то, что сделал?*
 21. *Для чего ему пригодится эта вещь?*
 22. *Будет носить предмет с собой?*
 23. *Часто ли будет использовать?*
 24. *Он ничего не ждет от сделанной работы?*
 25. *Ждет ли он теперь отзыв о работе?*
 26. *Ждет ли он теперь моральное вознаграждение?*
 27. *Хочет ли он сделать это еще раз?**
 28. *Хотелось бы ему еще раз сделать это?*
 29. *Собирается ли еще раз сделать это?**

Если в русском варианте на стимулы "Он сделал это" и "Он сделал материальную вещь" мы получили пересекающиеся наборы вопросов со сходными вероятностными характеристиками (соответственно — 0,025 и 0,022), то стимулы "He did it" и "He made it" дали настолько различающиеся наборы вопросов, что мы рассмотрим их отдельно.

Б. "He did it":

1. *What will he do now? **
2. *Does he plan to do it again? **
3. *How often does he plan to do it again?*
4. *Would he want to do it again?*
5. *Would he like to do it again?*
6. *Would he do it again?*

"He made it":

1. *What will he do with it now? **
2. *What is he going to do with it? **
3. *What is he planning on doing with it now?*
4. *For what purpose is this?*
5. *Will he give it away? **
6. *Is it a present for me?*
7. *Will he keep it or sell it?*
8. *Is he going to sell it? **
9. *Will he sell it? **
10. *For how much will he sell it?*
11. *To whom will he sell it?*
12. *Do you think he'd sell it to me?*
13. *Is there a demand for it?*
14. *Will he sell the item, give it away, or keep it for his own use?*
15. *Is he going to use it?*
16. *When will he use it?*
17. *Where will he use it?*
18. *What will he do with it?*

Вероятностные характеристики Постинтенции составляют: для "He did it" — 0,025, для "He made it" — 0,103.

К числу вероятностных Постсобытий, входящих в Постинтенцию Агенса Эндособытия, информанты (Внешний интерпретатор) относят:

1) сохранение Продукта Эндособытия во владении его Агенсом (посессив) и использование Агенсом этого Продукта в некоторых последующих событиях;

2) изменение владельца Продукта путем:

- а) событие "Дарение";
- б) событие "Продажа";
- в) событие "Передача";
- г) событие "Завещание";
- д) событие с недифференцированной структурой (ср.: *Куда он это денет?*).

Каждое из названных предметных событий имеет достаточно стандартный набор и порядок следования Микрособытий, предполагает наличие Адресата, имеет протяженность и место во времени и объем и место в пространстве и т.п. Именно эти события прогнозируются в качестве Конечной цели Интенции Агенса, т.е. служат возможными ответами на вопрос типа *Зачем он сделал это?**.

Если перечисленные типы событий предполагают в качестве Агенса того же субъекта, который "трудился" в Эндособытии, то вопросы типа *Он ничего не ждет от сделанной работы?* предполагают наличие нового (иного) Агенса, который будет *оценивать* Продукт, *вознаграждать* экс-Агенса, выступающего в новой роли (Адресата) и т.п. Таким образом, в Интенцию (Постинтенцию) Агенса Эндособытия входит тип события, в

котором Агенс планирует для себя высокую степень Пассивности. Будем называть такое событие "Оценочным".

К числу событий, планируемых постинтенционально, принадлежит и Пострепетитивное событие. В отличие от перечисленных выше семи типов событий, данное событие планируется как полностью повторяющее структуру Эндособытия. Можно предположить, что субъект планирует такое событие по Результату Эндособытия; вероятность априорного включения Пострепетитивного события в Интенцию представляется крайне незначительной (Ср.: *Он сделал это для того, чтобы затем сделать то же самое*).

Вероятностные характеристики Постинтенциональных событий мы избрали для демонстрации влияния социальной практики на вероятностные характеристики событийных категорий. В табл. 10 представлены вероятности вопросительных предложений на максимально детализированном уровне описания.

Таблица 10

№	Интенциональное постсобытие	Стимул "Он сделал это"	"Он сделал материальную вещь"	"He did it"	"He made it"
1	Личное пользование	0,003	0,004	φ	0,025
2	Дарение	0,001	0,002	φ	0,002
3	Продажа	φ	0,002	φ	0,061
4	Передача	φ	0,001	φ	0,006
5	Завещание	φ	0,001	φ	φ
6	Недифференцированно	0,009	0,005	0,006	0,006
7	Оценочное событие	φ	0,002	φ	φ
8	Пострепетитив	0,012	0,005	0,019	0,003
Итого		0,025	0,022	0,025	0,103

Из таблицы со всей очевидностью следует, что Постинтенциональное торговое событие имеет разительно высокую вероятностную характеристику для стимула "He made it", которая составляет более половины (59%) от всего вероятностного объема Постинтенции. Если учесть, что для сходного стимула "Он сделал материальную вещь" вероятностная характеристика торгового события занимает порядка 9% от вероятностного объема, то становится ясно, что высокий удельный вес торгового события для стимула "He made it" в Постинтенции диктуется, прежде всего, социальной практикой. Подобного рода различия позволяют считать, что при сходном наборе когнитивно-семантических категорий, русские и американцы имеют различные (социально обусловленные) относительные вероятностные значимости отдельных категорий, что позволяет утверждать, что при чтении некоторого текста русский и американец могут иметь различающиеся пресуппозиции.

Попарное сопоставление наборов вероятностных характеристик, полученных на различные стимулы, еще раз демонстрирует возможности избранной экспериментальной методики для фиксирования типа того или иного события: максимальное сходство на уровне набора вероятностных характеристик обнаруживают события, задаваемые стимулами "Он сделал материальную вещь" и "He made it"; максимальное отличие, по сравнению со всеми другими типами, имеет событие, задаваемое стимулом "He did it"; структура, задаваемая стимулом "Он сделал это", имеет черты, сближающие ее как с типом "He did it", так и с типом "He made it" (= Он сделал материальную вещь). Последнее свидетельствует о том, что стимул "Он сделал это" обобщен и задает, по крайней мере, два типа событий.

Особый интерес здесь представляют нулевые вероятности тех или иных компонентов, которые указывают либо на крайне малую вероятность некоторого компонента в анализируемом типе события, либо, что особенно важно, на когнитивно-семантическую несовместимость компонента, имеющего нулевую вероятность, с другими компонентами данного типа события, его "иностранность".

2. Рациональное и Эмоциональное состояние Агенса в Постсобытии. Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

- А.**
1. *Что он почувствовал, когда сделал это?*
 2. *Что он испытывал после того, как сделал это?*
 3. *Какие эмоции он испытывал потом, после того, как сделал это? Отсутствие эмоций, чувство опустошенности и т.п.?*
 4. *Рад ли он, что сделал это?*
 5. *Доволен ли он, что сделал это?*
 6. *Принесло ли ему удовлетворение то, что он сделал это?*
 7. *Понравилось ли ему, когда он сделал это?*
 8. *Был ли он удовлетворен этим, или ему было безразлично?*
 9. *Был ли он зол, когда сделал это?*
 10. *Он огорчен, что сделал это?*
 11. *Сожалеет ли он о случившемся?*

Б. "He did it":

1. *Is he glad he did it? **
2. *Is he glad it's over?*
3. *Is he satisfied with what he did or embarrassed?*
4. *Is he embarrassed?*
5. *Is he sorry he did it?*
6. *Does he have any regrets?*

"He made it":

1. *Is he happy?*
2. *Is he glad he made it? **
3. *Is he glad to be back?*
4. *Is he ashamed? **

Здесь мы вновь встречаемся с эталоном "Эмотив", который, однако, функционирует теперь во времени Постсобытия. Эталон достаточно полно эксплицирован в форме выражения вопросительных предложений (ср.: *рад – доволен – удовлетворен – безразличен – сожалеет – огорчен – зол*).

Частные эмоциональные градуальные эталоны (ср. с. 109) сравнительно слабо представлены в вопросах, соотносимых с Умственным аспектом Постсобытия:

1. *Его волнует мнение тех, кто узнает об этом?*
2. *Не мучила ли его совесть после этого?*
3. *Не будет ли он тяготиться этим?*

Наличие такого рода вопросов указывает, однако, на то, что эмоциональное состояние Агенса в Постсобытийном времени наряду с Эмотивом включает "частные" переживания, волнение и т.п., т.е., по-видимому, всю градуальную палитру эмоций, связанных с тем, "что было" и "что будет". Следует подчеркнуть, что эмоциональное состояние (и его изменения) имеет собственные темпоральные характеристики в рамках Экзоструктуры, которые связаны со структурой Предметного аспекта события нежесткой связью. Например, эталон "волнение – спокойствие" может градуально изменять свои значения не только в пределах времени Эндособытия, но, начиная с Пресобытия, через Эндособытие и в Постсобытие. Агенса может "волноваться" в Пресобытии, "успокоиться" в Эндособытии и вновь "разволноваться" в Постсобытии, может "волноваться" только в Эндособытии и быть "спокойным" в Пресобытии и Постсобытии и т.п. Эти колебания в пределах градуального эталона зависят, по-видимому, от многих факторов, в частности, типа Эндособытия, типа нервной системы Агенса, индивидуальных оценок степеней "опасности", "важности", "сложности" и т.п. (О типах оценок см. § 6).

3. Психофизическое состояние Агенса в Постсобытии описывается следующими вопросительными предложениями:

- А.**
1. *Как он потом себя чувствовал?*
 2. *Каково было его состояние после того, как он сделал это?*
 3. *Вызвала ли работа у него физическую усталость, напряжение?*
 4. *Устал ли он после работы?*
 5. *Он сильно устал после работы?*
- Б.**
1. *Has he recovered?*
 2. *Is he relieved about it?*
 3. *Does he feel better now? **
 4. *Is he tired?*

Вопросы описывают психофизическое состояние Агенса и его изменение в пределах градуальных эталонов общего "хорошее самочувствие – плохое самочувствие" и частного "свежесть – усталость" на протяжении всей Экзоструктуры события. Суммарная вероятность вопросов, фиксирующих рационально-эмоциональное и психофизическое состояние Агенса в Постсобытии составляет:

1. "Он сделал это" — 0,041
2. "Он сделал материальную вещь" — 0,053
3. "He did it" — 0,063
4. "He made it" — 0,035

§ 5. КОНСЕКУТИВНОЕ ПОСТСОБЫТИЕ

Под Консекутивным постсобытием понимается событие, располагающееся во времени за Эндособытием и рассматриваемое Агенсом (Внешним интерпретатором) как событие—следствие Эндособытия. Важно подчеркнуть, что Агенс Эндособытия (и некоторые другие субъекты) обладает в Консекутивном постсобытии высокой степенью Пассивности, т.е. данное постсобытие, структура его Реализации и Результат не зависят от воли Агенса Эндособытия и не планируются интеллектуально, хотя и могут прогнозироваться и учитываться им при формировании Интенции. Если в предметном аспекте Консекутивное постсобытие выступает в качестве объективного следствия Эндособытия, то в умственном оно рассматривается как последствие Реализации Эндособытия для Агенса или других членов социума. Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

- А. 1. К чему привело то, что он сделал?
2. Каковы последствия содеянного?*
3. Какие последствия из этого вытекают?
4. Что повлекло за собой то, что он это сделал?
5. Чем все это кончилось?
6. Какие были последствия?
7. Что произошло в результате его действий?
8. К чему это привело?
9. Что же случилось потом?
10. Что последовало за этим?
11. Изменилось ли что-нибудь от этого?
12. Повлияло ли это на его дальнейшую жизнь?
13. Нарушило это привычное течение его жизни?
14. Как это отразилось на нем?
15. Случившееся изменяет его быт?
16. Изменит ли поступок его жизнь?
17. К каким последствиям для него самого это привело?
18. Отразилось ли как-нибудь на нем то, что он сделал это?
19. Принесло ли это ему пользу?*
20. Что он получил за сделанное?*
21. Что он приобрел для себя в духовном плане?
22. Ему хоть спасибо сказали?
23. Оплачен был его труд или на общественных началах?
24. Была ли ему от этого какая-нибудь выгода?
25. Что он за это получил?
26. Сколько рублей ему заплатили за работу?

27. Получил ли он за это материальное вознаграждение?
28. Если он получил за это деньги, то сколько (чтобы определить, насколько сложна была работа)?
29. Что ему было за то, что он это сделал?
30. Что ему будет за это?
31. Был ли он наказан за это?
32. Пострадал ли он в результате?
33. Будет ли нести за это уголовную ответственность?
34. Его проверят теперь?
35. Повлияло ли на кого-нибудь его действие?
36. Принесло ли это пользу окружающим?*
37. Стало ли кому-то лучше от его поступка?
38. Кому эта работа принесла радость?
39. Был ли результат общественно полезным?
40. Положительно ли сказался результат его работы на психическом состоянии (настроении) окружающих?
41. Положительно ли сказался результат его работы на материальном положении других?
42. Не нанес ли он этим вреда кому-нибудь?
43. Как это отразилось на нервах соседей?
44. Пострадал ли от этого кто-нибудь?
45. Кому эта работа принесла горе?
46. Не идет ли это в ущерб производству?
47. Не повредит ли сделанное обществу каким-то образом?
48. Имело ли это незначительные последствия, не являющиеся общеизвестными, или затронуло большие слои населения?
- Б. 1. Did it make a difference?
2. What were the results?
3. What will happen next, tomorrow?
4. What were the consequences of his act?
5. What were the consequences? *
6. How has this changed his life?
7. Will anything happen to him?
8. Will they punish him for it? *
9. Was this person punished for his action? *
10. Is this person punished for it?

Вопросы как в русском, так и в английском вариантах отличаются разнообразием при сравнительно малой вероятности каждого из них.

Анализируемый массив вопросов очень прозрачно фиксирует интересную когнитивно-семантическую структуру, описываемую следующими градуальными эталонами:

1. "Индивидуальность - социальность"

Этот эталон был намечен в § 1 данной главы при обсуждении "носителей умственной деятельности". В анализируемом массиве вопросительных предложений Консекутивное постсобытие рассматривается примени-

тельно к Агенсу (№ 12–34, А; № 6–10, Б), другому субъекту (№ 35, 37, 38, А), окружающим (№ 36, 40, 41, А), соседям (№ 43, А), "производству" (№ 46, А), слоям населения (№ 48, А) и обществу в целом (№ 39, 47, А). Если учесть, что к числу одушевленных компонентов предметной структуры Эндособытия помимо Агенса могут относиться Коллаборант, Интерагенты и др., станет понятно, что эталон "Индивидуальность – Социальность", наряду с полярными значениями, имеет достаточно большое количество градуальных степеней. В центральной части такого эталона мы предполагаем переход от Эндособытийных участников, которых в той или иной мере затронуло происшедшее Эндособытие, к Экзособытийным субъектам вплоть до социума и человечества в целом. При этом, данный эталон в Консекутивном постсобытии может использоваться дважды: для фиксации Агенса этого постсобытия (напомним, что Агенса Эндособытия им быть не может) и для фиксации Объекта – человека (людей), испытывающего воздействие в Консекутивном постсобытии. Например, в предложении *Его наказали за то, что он сделал?*, в качестве Объекта выступает Агенса Эндособытия, а в качестве Агенса Консекутивного постсобытия – "они", т.е. некоторая группа людей.

2. "Pro и Contra"

Данный оценочный эталон эквивалентен любому другому эталону, описывающему положительную – нейтральную – отрицательную оценку любой сущности. Например, к их числу относится эталон, описываемый рядом прилагательных типа "сказочный > великолепный > нормальный ("обычный", "никакой") > нехороший > плохой > ужасный > кошмарный" и т.п.

Те же степени эталона используются при оценке пользы и вреда, оплаты и "штрафа", поощрения и наказания, радости и горя и т.п. (см. список вопросов).

3. "Материальность – Моральность"

Вопросительные предложения фиксируют Консекутивные постсобытия Морального (№ 21, 22, 23, 37, 38, 40, 43, 45, А) и Материального (большинство вопросов списка) плана, а также не дифференцирует эти два аспекта (например, № 2–11, А; № 1–5, Б). Нетрудно представить себе эталон с полярными пределами "материальность" – "моральность". В центральной зоне этого эталона располагается область, в которой в равной степени присутствуют как материальный, так и моральный компоненты (ср., например, Консекутивное постсобытие "Вручение Нобелевской премии" Агенсу, который создал новое направление в науке). При движении в сторону "материальности" удельный вес материального "профита" нарастает, а морального – падает; при движении в сторону "моральности" соотношение меняется в обратной пропорции; следует подчеркнуть, что эталон "Материальность – Моральность" и "Pro и Contra" могут свободно перемещаться друг относительно друга: изменение градуальной степени одного из них не ведет к необходимому изменению степени другого.

Поскольку мы обращаем специальное внимание на Информационный аспект события, рассмотрим вопросы, описывающие Коммуникативное Консекутивное постсобытие, отдельно:

- А. 1. *Как отреагировали на это окружающие?**
 2. *Как отреагируют на это родители?*
 3. *Будут ли его за это ругать?*
 4. *Была ли критика?*
 5. *Сослуживцы продолжают здороваться?*
 6. *Что сказали люди?*
 7. *Похвалили ли его за эту вещь?*
 8. *Кто его похвалил за сделанную вещь?*
 9. *Одобрили ли изготовленное им?*
 10. *Что ему сказали после того, как он сделал это?*
 11. *Что сказала мама?*
 12. *Что сказала жена?*
 13. *Одобрили ли друзья?*
 14. *Как отреагировали на это враги?*
 15. *Как отреагировали родственники и близкие?*
 16. *Как специалисты оценили его работу?*
- Б. 1. *How did others react to his action?*
 2. *What did everyone say?*
 3. *And what did she say?*
 4. *What will his friends say?*
 5. *What would his mother say if she knew he did it?*
 6. *Should I congratulate him? **
 7. *Send him my regards, will you?*

Данный блок вопросов относится к полюсу Морального Консекутива, но другие эталоны ("Pro и Contra", "Индивидуальность – Социальность"), выделенные выше, описываются данным набором вопросов полностью, причем в американском варианте к социальным оценкам присоединяется и сам Внешний интерпретатор (ср. № 6, 7, Б).

Рассматриваемый класс вопросов объединяет умственный и предметный уровни оценки. В то же время существует большой класс вопросов, описывающих собственно оценку на уровне умственного аспекта события.

Прежде чем переходить к анализу этого класса, приведем общие вероятностные показатели Консекутивного постсобытия в целом:

"Он сделал это" – 0,080; "Он сделал материальную вещь" – 0,052; "He did it" – 0,052; "He made it" – 0,013.

§ 6. ТИПОЛОГИЯ ОЦЕНОК В ПОСТСОБЫТИИ

Мы уже частично рассматривали градуальные оценочные эталоны при анализе Консекутивного постсобытия (§ 5). Имеется представительный класс вопросительных предложений, описывающих Оценки во времени Постсобытия и не предполагающий их коммуникативного определе-

чивания. Оценки этого типа носят, преимущественно, эмотивный характер и дифференцируются по субъекту Оценки (кто оценивал?), объекту Оценки (что именно оценивается?), аспекту Оценки (по какому параметру оценивается?), качественно-количественному значению Оценки (как оценивается?) и значимости Оценки (относительно кого оценивается?).

Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

- А. 1. *Какова его собственная оценка того, что он сделал?*
2. *Понравилась ли вещь окружающим?*
3. *Каково отношение других людей к совершившему действие?*
4. *Как к этому отнеслась жена?*
5. *Довольны ли те, для кого он это делал?*
6. *Были ли завистники?*
7. *Позавидовали ли друзья?*
8. *Плохо это или хорошо с нашей точки зрения?* и т.п.
- Б. 1. *Is he pleased with results?*
2. *What do you think about it?*
3. *Were people pleased or displeased that he did (made) it?*
4. *Are his friends happy?*
5. *What does his wife think about that?*
6. *What will the neighbours think?*

Эталон "Индивидуальность – Социальность" был описан в § 5 и полностью отвечает задаче описания субъекта Оценки. Объект Оценки описывается следующим набором вопросов:

- А. 1. *Хорошо ли получилось?**
2. *Прочно (аккуратно, качественно) ли он это сделал?**
3. *Это красивая вещь, не так ли?*
4. *Как он оценил свои действия?*
5. *Хорошо ли он поступил?*
6. *Изменилось ли наше отношение к нему теперь?* и т.п.
- Б. 1. *Is it nice? **
2. *Did he make it well?*
3. *Is it well done?*
4. *Did he do a good job?*
5. *Great, but is it good? etc.*

Очевидно, что объектом Оценки может быть как Эндосодействие (поступок) в целом, так и его компоненты: Агенса, его Интенция, Продукт, отдельно – параметры Продукта, структура Реализации и т.п. Другими словами, Оценка может иметь в качестве "объекта" фрагмент событийной структуры той или иной степени Генерализации – Партикуляризации.

Аспект Оценки (красота, аккуратность, качество Продукта, этичность, законность Эндосодействия и т.п.) описывается вопроситель-

ными предложениями, которые мы уже анализировали при описании субъекта и объекта Оценки. По-видимому, различные аспекты Оценки могут быть обобщены в генерализованном градуальном эталоне типа "положительная – нейтральная – отрицательная Оценка", который, в свою очередь, качественно эквивалентен эталону "Pro и Contra".

Качественно-количественное значение Оценки предполагает фиксацию внимания на отдельной степени в рамках оценочного эталона или на изменении Оценки от любой степени такого эталона до любой другой степени.

Когнитивно-семантическое пространство Оценки на обобщенном уровне может быть описано в координатах трех эталонов: "Индивидуальность–Социальность", "Генерализация–Партикуляризация" и "Pro и Contra".

Под значимостью Оценки понимается степень важности некоторого события, или его компонента, оцениваемая как относительно других событий (компонентов), так и относительно количества субъектов, которых в той или иной мере затрагивает данное событие (компонент). Рассмотрим вопросительные предложения:

- А. 1. *Важно ли для него то, что он сделал это?*
2. *Насколько важным для него оказалось то, что он сделал это?*
3. *Возвращался ли он мысленно к процессу и результату работы?*
4. *Долго ли он помнил об этом?*
5. *Часто ли он вспоминает об этом?*
6. *Забывлось ли сразу, чего этот поступок стоил?*
7. *Это действие было полезным для людей?*
8. *Насколько важно то, что он сделал это?*
9. *Вспомнят ли об этом через сто лет?*
- Б. 1. *What's so great about it?*
2. *What is so great about it?*
3. *Why is it important that he did it?*
4. *Does it concern me?*
5. *Why should I care?*

Вопросы № 1–6, А дают основания к выделению градуального эталона "значимость" с полярными пределами "важно – не важно" (ср. оценочные номинации типа "эпохальное событие" и "ерунда"). В центральной зоне такого эталона располагается область промежуточного значения, "равноденствия" степени "важности" и "неважности". Второй эталон, который проявляется в форме вопросительных предложений, нам уже знаком. Это "Индивидуальность – Социальность". В данном параграфе он использовался для описания субъекта Оценки. Тот же эталон, рассматриваемый во взаимодействии с эталоном "Значимость", позволяет описать степень социальной значимости события. (Событие теоретически может быть важным для Агенса и абсолютно не важным для социума; наоборот, важным для социума и не важным для Агенса; степени могут

совпадать и т.п.). Взаимодействие данных двух эталонов с точки зрения психологических закономерностей нуждается в специальном исследовании. Таким образом, при описании типов Оценок эталон "Индивидуальность – Социальность" вновь используется дважды (ср. § 5).

Вероятностные показатели категории Оценка (во времени Постсобытия) таковы:

"Он сделал это" – 0,073; "Он сделал материальную вещь" – 0,072; "He did it" – 0,094; "He made it" – 0,060.

§ 7. ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ СОБЫТИЯ

Как уже отмечалось, Информационный, в частности, Коммуникативный аспект события представляет собой Предметное проявление Умственной деятельности некоторого субъекта.

Отдельные элементы Информационного аспекта мы уже рассматривали (см. Каузативное пресобытие, Информационное пресобытие, Коммуникативное Консекутивное постсобытие). Напомним, что речь шла о вербальной форме каузации активности Агенса в пресобытии, визуальной и вербальной формах образования его Интенции (обучение, совет и т.п.) и последствиях Реализации Эндособытия, выраженных в вербальной форме.

Однако Информационный аспект события не исчерпывается этими тремя типами событий.

Рассмотрим следующие вопросительные предложения:

1. *Кому он говорил, что он это сделает?*
2. *Знал ли кто-нибудь об этом заранее?*
3. *Он сообщил жене, чем он будет заниматься?*
4. *Знали ли о его намерениях друзья?*
5. *Он сделал это тайно, или все знали, что он собирается это сделать?*

Как становится ясно из содержания вопросов, они предполагают пресобытийное Коммуникативное событие, в котором Агенса Эндособытия также является Агеном, а в роли Адресата выступает "некто", "жена", "друзья", "все", т.е. Адресат описывается эталоном "Индивидуальность – Социальность". Целью такого Коммуникативного пресобытия является вербализация Интенции той или иной степени детализации. В связи с этим будем называть такое событие Коммуникативным Интенциональным пресобытием.

Судя по вопросу № 5, Агенса может не вербализовывать свою Интенцию, и в этом случае она оказывается индивидуальной "тайной", или рассказать о ней единичному субъекту и т.п. вплоть до "широковещательного заявления".

Отметим, что вопросы, описывающие Коммуникативное Интенциональное пресобытие, обладают крайне малой вероятностью, а у американских информантов не встречаются вовсе.

Следующий класс вопросов дает основания для выделения Информационного гиперсобытия:

- А. 1. *Кто-нибудь присутствовал при совершении данного действия?**
2. *Видели ли другие, как он это сделал?*
 3. *Посторонние люди видели, как он это делал?*
 4. *Неужели никто не видел?*
 5. *Он был там один?*
 6. *Были ли свидетели?*
 7. *Много ли было свидетелей?*
 8. *Сколько людей присутствовало при этом?*
 9. *Кто видел, что он это делал?*
 10. *Кто видел, как он это сделал?*
 11. *Наблюдал ли кто-нибудь за его работой?*
 12. *Под чьим наблюдением он сделал это?*
- Б. 1. *Did anyone notice?*
2. *Did anybody see?*
 3. *Was it in public?*
 4. *Was he alone when he did it?*
 5. *Who saw him do it?*
 6. *Did you see him do it?*

Мы назвали данный тип событий Гиперсобытием, поскольку Эндособытие и Информационное событие-наблюдение Агеном- "другим" за ходом Эндособытия совпадают в пространстве и времени и образуют сложный комплекс. В отличие от Пресобытия или Постсобытия, которые вместе с Эндособытием линейно и последовательно разворачиваются во времени, Гиперсобытие разворачивается во времени параллельно с Эндособытием. Таким образом, оказывается, что линейный диахронный аспект событийной структуры не является единственным, хотя, судя по вероятностным характеристикам, именно он является ведущим.

Продолжим анализ вопросительных предложений:

1. *Все ли поняли, что он делал?*
2. *Кого заинтересовал процесс работы?*
3. *Как присутствующие к этому относились?*
4. *Завидовали ли ему, когда он это делал?*
5. *Кому не было до этого никакого дела?*

Данные немногочисленные вопросы описывают Умственный аспект Гиперсобытия, причем Агенса-наблюдатель, имеющий объектом наблюдения Эндособытие, формирует собственную рациональную и эмоциональную Оценку происходящего.

Вопросы:

1. *Были ли советы в процессе его действий?*
2. *Были ли замечания от окружающих?*

указывают на то, что Информационное Гиперсобытие может трансформироваться в "Интервенционное" Гиперсобытие, в котором его Агент интенционально оказывает какое-то воздействие ("Pro или Contra") на ход Эндособытия.

Напомним, что в структуре Эндособытия нами был выявлен предметный компонент "Коллаборант", имеющий относительно Агенса проактивный и контрактивный варианты (Проагенса и Контрагенса). Возникает вопрос: можно ли считать Агенса Гиперсобытия, который начинает "давать советы" или "делать замечания", Коллаборантом Агенса Эндособытия? Другими словами, не совмещаются ли в этом случае Гиперсобытие и Эндособытие в Эндособытии с новой структурой? Ведь Агент Информационного Гиперсобытия может функционально трансформироваться не только в Коллаборанта, но и в Интерагенса, что приводит к изменению структуры Эндособытия!

Вопросы типа:

1. *Просил ли он о помощи, когда делал?*
2. *Советовался ли с женой во время работы?*
3. *Имел ли он поддержку со стороны окружающих?*

указывают на возможность градуальной трансформации двух параллельных событий в одно. Упрощенно, отличие Информационного Гиперсобытия от Эндособытия с Коллаборантом или Интерагенсами мы усматриваем не столько в степени Активности – Пассивности Агенса Гиперсобытия (Интерагенса Эндособытия), сколько в значимости его участия (активного или пассивного) с точки зрения многих переменных, и в частности, Конечной цели Эндособытия. Ведь существуют такие интенциональные "тайные" Эндособытия, которые прекращаются при наличии пассивного наблюдателя (события криминального и т.п. типа). Ср. выражения типа *невольно помешать, вспугнуть* и т.п. Однако данный вопрос нуждается в дополнительной детальной проработке.

Информационное постсобытие описывается, в частности, следующей совокупностью вопросительных предложений:

- A. 1. *Откуда это стало известно?*
2. *Откуда такие точные сведения?*
3. *Кто об этом рассказал?*
4. *Он сам об этом рассказал?*
5. *Рассказал ли он потом об этом?*
6. *Он с кем-нибудь поделился?*
7. *Кому он рассказал? Всем или только близким?*
8. *Как он объяснил, зачем он это сделал?*
9. *Кто сообщил, что он сделал это?*
10. *Кто знает о том, что он сделал это?*
11. *Его близкие знают, что он сделал это?*

12. *Узнала ли соседка?*
13. *Это дело попало в газеты?*
14. *Представил ли он эту вещь на рассмотрение окружающих?*
15. *Показывал ли он это кому-нибудь?*
16. *Можно ли мне посмотреть эту вещь?*
17. *Кому он показывал это?*
18. *Когда он демонстрировал это?*
19. *Ему нравится показывать свою работу?*

"He did it":

- B. 1. *Does anyone else know about it?*
2. *Does anybody else know about it?*
3. *Who else knows he did it?*
4. *Does his wife know about this?*
5. *Do his friends know about it?*
6. *When did he tell you this?*
7. *Did he ask you not to tell anybody about it?*
8. *Is it OK that I know about it?*
9. *Am I supposed to know?*

"He made it":

1. *How do you know?*
2. *Does everyone know about it? **
3. *What did he tell about that?*
4. *Did you see it? **
5. *Can I see it?*
6. *Can he show me this thing?*
7. *When can I see it?*
8. *Did he show it to anyone else?*

Анализ вопросов показывает, что в отличие от Коммуникативного Интенционального пресобытия, в Информационном постсобытии в качестве Агенса-информатора может выступать как Агент Эндособытия, так и Адресат Коммуникативного Интенционального пресобытия, Агент Информационного Гиперсобытия, "бывший" Адресат Информационного Постсобытия и др.

Важным отличием событий "производственного" типа, с информационной точки зрения, является то, что их Коммуникативное Интенциональное пресобытие протекает только в вербальной форме, а Информационное постсобытие – в двух: вербальной и "экспозитивной", т.е. об Эндособытии можно "рассказать", но можно и "показать" (посмотреть) его Продукт.

Информационное постсобытие имеет собственный Умственный аспект, включающий, в частности, Эмотив (*Ему нравится показывать свою работу?*). Как и другие типы Информационных событий, Информационное постсобытие для описания Адресата (аудиторни) предполагает использование градуального эталона "Индивидуальность – Социаль-

ность”). По-видимому, и Агенс (отправитель) в Информационном событии может быть как единичным, так и множественным (ср.: *Все говорят о том, что ...*), т.е. “Индивидуальность – Социальность” можно использовать как для описания Агенса (Адресанта), так и Адресата этого события.

Вероятностные характеристики описанных Информационных событий приведены в табл. 11 с дифференциацией вербальной и экспозитивной форм.

Т а б л и ц а 11

№	Стимул	Пресобытие		Гиперсобытие		Постсобытие	
		Вер-бальн.	Экс-позит.	Вер-бальн.	Экс-позит.	Вер-бальн.	Экс-позит.
1	“Он сделал это”	0,009	φ	φ	0,020	0,020	φ
2	“Он сделал материальную вещь”	0,002	φ	φ	0,013	0,013	0,014
3	“He did it”	φ	φ	φ	0,022	0,047	φ
4	“He made it”	φ	φ	φ	φ	0,010	0,023

Суммарная вероятность Информационных событий составляет:

“Он сделал это” – 0,049; “Он сделал материальную вещь” – 0,022; “He did it” – 0,069; “He made it” – 0,033.

В целом, можно отметить нарастание удельного веса Информационного события от Пресобытия к Постсобытию.

§ 8. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА

В предыдущей и данной главах мы рассмотрели Предметный, Умственный и Информационный аспекты события как сложной единицы бытового фонового знания. Эти аспекты, как показал анализ фактического материала, теснейшим образом связаны и практически образуют многоаспектное динамическое единство.

Динамический характер получаемой семантической модели обуславливается как движением отражаемой объективной реальности, так и динамическим характером психосемантических процессов, в том числе и динамической формой хранения знаний и оперирования ими.

Главным итогом проведенного анализа следует признать построение собственно когнитивно-семантической модели события, полученной на основе экспериментальных данных и потому, по-видимому, имеющей

комплексный и цельный характер. Модель события описывается не точечными, а объемными признаками и предстает в виде многомерного объемного когнитивно-семантического единства, имеющего двойственную континуально-дискретную природу.

В этом смысле важным итогом проведенного анализа следует признать возможность применения в семасиологической практике “языка” градуальных эталонов, позволяющего адекватно описывать континуальные динамические семантические признаки; оказалось, что событие как комплексная когнитивно-семантическая единица, фиксирующая определенное и з м е н е н и е фрагмента отражаемой действительности, не может быть адекватно описана при помощи статичных элементарных семантических единиц, использовавшихся в структурной семантике.

Сопоставление качественных и вероятностных характеристик результатов, полученных в экспериментах с советскими и американскими информантами, показывает, что общая качественная структура события не зависит ни от используемого языка, ни от социальной среды: все основные эталонные категории представлены с достаточно высокой вероятностью в одиотипных событиях вне зависимости от указанных выше факторов. Это можно объяснить как единством отражаемого мира, так и единством человеческого способа отражения действительности.

В то же время, существенные колебания вероятностных весов (в рамках высокой вероятности) мы связываем с социальной практикой, различающейся в социумах, представляемых группами информантов. Если вспомнить о том, что исследуемая модель может рассматриваться как фрагмент фоновых знаний, используемых человеком, в частности, для интерпретации сцен и текстов, то нетрудно предположить, что русский и американец, при общей идентичной интерпретационной деятельности, могут иметь вероятностно различные пресуппозиции и прогнозы развития сцен и текстов (особенно это касается, судя по описанным материалам, Умственного аспекта и, в частности, Целевых интенциональных постсобытий).

В целом, мы можем констатировать продуктивность предлагаемой экспериментальной методики для фиксации как универсальных, так и социально-обусловленных компонентов фоновых знаний.

Сопоставление вероятностно-семантических моделей, полученных на различные стимулы, показывает, что эти модели фиксируют типологические черты соответствующих событий. Так, Интерагенс имеет высокую вероятность (0,079) в модели события, задаваемой стимулом “He did it” и нулевую вероятность в моделях, полученных на стимулы “Он сделал материальную вещь” и “He made it”; в свою очередь, модель, полученная на стимул “He did it”, показывает нулевые вероятности Материала, Средства, Приспособления, Продукта и Отходов. Аналогичные различия мы находим и при сопоставлении категории “Интенциональное постсобытие” и т.п.

Таким образом, вероятностно-семантические модели, полученные в психолингвистическом эксперименте, предоставляют нам уникальные данные – вероятностно-типологические “карты” событий как сложных

единиц фоновых знаний. Ниже мы попытаемся показать, что подобные сложные единицы используются человеком, по-видимому, во всех видах речемыслительной и, шире, — информационной деятельности.

Существенной особенностью полученных вероятностно-семантических моделей мы считаем их комплексность. Действительно, полученные в экспериментах массивы вопросительных предложений описывают не какую-либо отдельную категорию, группу категорий или отдельный аспект сложного содержательного целого, каким является событие, но дают всестороннюю комплексную вероятностно-семантическую картину единиц человеческого опыта (уже — фоновых знаний) в Предметном, Умственном и Информационном аспектах. Можно полагать, что в вероятностно-семантических моделях, как в "капле воды" отражаются многие черты, присущие тому сложному интеллектуальному целому, единицами которого они являются.

ГЛАВА V

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ

§ 1. ГРАНИЦЫ ЭНДОСОБЫТИЯ КАК ЛИНЕЙНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ МИКРОСОБЫТИЙ

До сих пор мы анализировали фактический материал и выявляли компонентный ("эталонный") состав события.

Даже без экспериментов очевидно, что некоторая пара Эндособытий, имеющих одинаковый Результат, набор Микрособытий и предметных компонентов, может различаться по протяженности во времени; так, например, можно позавтракать "за пару минут", но можно и "растянуть удовольствие" до получаса или того более в зависимости от многих переменных. Тем не менее, и здесь мы имеем дело с градуальным эталоном, в центральной зоне которого располагается область "нормальной среднестатистической протяженности" Эндособытия данного типа (например, в рамках класса "завтрак") во времени; при движении в сторону минимизации протяженности мы доходим до некоторого предела, за которым Эндособытие данного типа не может быть реализовано (нельзя "нормально позавтракать", скажем, за секунду). Понятно, что нельзя непрерывно "завтракать" и в течение, например, шести часов, во всяком случае, вероятность такой протяженности Эндособытия данного типа близка к нулю. Аналогичные рассуждения можно привести и относительно Эндособытия некоторого типа.

Невыясненной остается следующая интересная проблема: следует ли рассматривать Эндособытие как некоторый фиксированный набор Микрособытий в той или иной степени упорядоченных во времени, но имеющих явно выделенное сознанием (маркированное) инициальное Микрособытие и такое же Микрособытие, которое однозначно соотносится с окончанием Эндособытия, т.е. является терминальным?

В этом случае протяженность некоторого Эндособытия во времени есть производная величина от протяженности во времени всех и каждого Микрособытий, входящих в состав этого Эндособытия.

Но может быть, в действительности, Эндособытие не имеет маркированных граничных Микрособытий и начинается и заканчивается "постепенно" или градуально? В этом случае Эндособытие должно рассматриваться как определенным образом упорядоченная во времени линейная последовательность Микрособытий с нечеткими границами. При таком положении вещей различные индивиды могут включать в состав Эндособытия различные наборы Микрособытий, что ведет к относительному качественному своеобразию индивидуальной интерпретации Эндособытия некоторого типа, а протяженность Эндособытия во времени оказывается производной не только от протяженности составляющих его Микрособытий, но и от своеобразия их набора в каждом индивидуальном сознании.

Таким образом, в данном случае, мы имеем дело со своеобразным "линеизированным" нечетким множеством Микрособытий; часть Микрособытий оказывается в ядре этого множества, причем ядерные Микрособытия не могут находиться на границах Эндособытия во времени, периферийные же Микрособытия, теоретически, должны располагаться как раз в инициальной и терминальной позициях.

Рассмотрим фактический материал, полученный нами в результате проведения психолингвистического эксперимента "Границы события" (см. § 4 гл. II).

Информантам в количестве 92 человек был предложен упорядоченный набор предложений, являющихся номинациями Микрособытий и умственных действий, описывающих триаду Пресобытие — Эндособытие — Постсобытие "Покупка шапки в универмаге". Каждому предложению данного описания-хроники был присвоен порядковый номер.

В задачу испытуемых входило:

- а) прослушать описание-"хронику";
- б) при повторном прослушивании текста (с указанием номеров предложений) письменно отметить два номера предложений, первое из которых обозначает *начало* собственно процесса покупки шапки, а второе — его *закончение*. Приведем фрагменты текста стимула (полный стимул включает шестьдесят предложений).

1. Он подумал, что старую шапку использовать дальше уже нельзя. 2. Он подумал, что стоит купить новую шапку, которая бы подходила по цвету к зимнему пальто. 3. Он подумал, что у него сейчас есть деньги для этой покупки. 4. Он понял, что ему нужна новая зимняя шапка и он хочет ее купить. 5. Он подумал, что во вторник у него будет достаточно свободного времени для магазина. 6. Во вторник после работы вместо того, чтобы идти домой, он направился на автобусную остановку. 7 — 11. Описание путешествия на автобусе. 12. Он вышел из автобуса. 13. Он направился к универмагу. 14. Он вошел в универмаг. 15. Он нашел от-

дел, торгующий шапками. 16. Он увидел зимнюю шапку подходящего цвета и фасона. 17. Он убедился, что имеется подходящий ему размер. 18. Он понял, что шапка ему нравится. 19. Он понял, что цена его устраивает. 20. Он попросил продавца показать ему шапку. 21. Продавец взял шапку с полки и протянул ему. 22. Он взял эту шапку. 23. Он надел шапку. 24. Он посмотрел на себя в зеркало. 25. Он понял, что эта шапка ему идет. 26. Он принял решение купить эту шапку. 27. Он попросил продавца выписать ему чек. 28. Он снял шапку. 29. Продавец выписал чек. 30. Он протянул шапку продавцу. 31. Продавец взял шапку. 32. Он взял выписанный чек. 33. Он направился в кассу. 34 – 41. Описание оплаты в кассе. 42. Он поблагодарил кассира. 43. Он направился в отдел. 44. Он отдал чек продавцу. 45. Продавец взял чек. 46. Продавец упаковал шапку. 47. Продавец протянул ему пакет с покупкой. 48. Он взял пакет. 49–50. Он положил пакет в сумку. 51. Он направился к выходу из универмага на улицу. 52–57. Описание поездки домой. 58–60. Описание домашней примерки и оценок близких.

Приведем вероятности номеров предложений, указываемых информантами в качестве начала события (предложения, имеющие нулевую вероятность из анализа исключаются):

№ 1 – 0,02	№ 14 – 0,17	№ 19 – 0,06
№ 2 – 0,05	№ 15 – 0,01	№ 20 – 0,11
№ 4 – 0,09	№ 16 – 0,02	№ 25 – 0,08
№ 6 – 0,01	№ 17 – 0,05	№ 26 – 0,21
№ 7 – 0,01	№ 18 – 0,05	№ 33 – 0,07

Приведем аналогичные данные по окончанию события:

№ 11 – 0,02	№ 43 – 0,01	№ 50 – 0,10
№ 33 – 0,02	№ 46 – 0,11	№ 52 – 0,06
№ 41 – 0,01	№ 48 – 0,66	№ 53 – 0,03

Интересно, что 21% испытуемых связывает начало данного "торгового" события с принятием решения купить данный товар, 17% – с локализацией покупателя в пространстве магазина, 11% – с Коммуникативным событием – просьбой покупателя показать ему потенциальную покупку, 9% – с формированием у потенциального покупателя "торговой" интенции и т.п.

В то же время можно утверждать, что информанты, с одной стороны, связывают начало "торгового" Эндособытия с моментом совмещения в пространстве и времени Потенциальных Интерагенсов: покупателя и продавца (имеющих соответствующие интенции), а также товара и денег; т.е. речь идет о моменте сформированности всего Потенциала "торгового" Эндособытия.

С другой стороны, большая часть информантов склонна связывать начало Эндособытия с интенциональным компонентом Потенциала (т.е. "решениями" покупателя). Можно предположить, что множест-

венность "начал" Эндособытия данного типа обусловлена своеобразием структуры "торгового" события и, особенно, его Умственного аспекта. В событии "производственного" типа Интенция, как правило, формируется к началу Эндособытия, т.е. к моменту формирования Потенциала. В процессе Реализации различные цели Интенции постепенно замещаются Результатами Микрособытий. В "торговом" же Эндособытии Агенс ничего не производит; ведущим компонентом такого события является Умственный компонент и, в частности, процесс Консидерации. Неслучайно же 21% информантов связывает начало "торгового" события с предложением № 26, 9% – с № 4, 8% – с № 25, 6% – с № 19, 5% – с № 2 и 18, что в сумме составляет более половины всех реакций. Другими словами, более половины информантов связывает начало "торгового" события с моментом принятия решения Агенсом-покупателем.

Что касается момента завершения "торгового" Эндособытия, то здесь информанты значительно более единодушны: 66% связывают его с фактом получения товара покупателем (№ 48), 11% – с упаковыванием товара продавцом (№ 46), 10% – с укладыванием "приобретенной собственности" покупателем; все данные факты являются Микрособытиями Предметного аспекта события, что, по нашему мнению, и обуславливает относительную "плотность" вероятностных результатов. Интересно отметить и то, что данные Микрособытия непосредственно предшествуют "разъединению" предметных компонентов Результата Эндособытия в пространстве и времени. Ведь 9% информантов (№ 52 и 53) связывают окончание Эндособытия с изменением пространственной локализации Агенса. В отличие от "начала" Эндособытия распределение вероятностей его "окончания" близко к нормальному.

Степень нечеткости "окончания" значительно ниже аналогичной степени "начала", о чем свидетельствует сопоставление как количества "начал" и "окончаний", так и их вероятностные характеристики. Следует подчеркнуть относительный характер полученных данных: в исходной "хронике" торгового события невозможно добиться совершенно равномерного "шага" дискретизации события предложениями-номинациями Микрособытий и Умственных действий, которые, кстати, могут осуществляться параллельно во времени. Тем не менее, отличие вероятностной картины "начала" рассматриваемого Эндособытия от его "окончания" настолько существенно, что его можно признать реальным фактом структуры нашего знания.

Данный эксперимент позволил убедиться в градуальном характере перехода от Пресобытия к Эндособытию и от Эндособытия к Постсобытию, причем первая зона перехода оказалась более протяженной во времени, чем вторая. Случайно ли это? Характерно ли такое положение вещей только для Эндособытий "торгового" типа? Для корректного ответа на данные вопросы необходимо провести целую серию экспериментов со стимулами-хрониками, описывающими различные типы событий и задающими различные масштабы дискретизации события на Микрособытия. Нас же интересовал следующий принципиальный вопрос: существуют ли в структуре события такие Микрособытия, которые о д-

но значно рассматриваются информантами в качестве маркированного "скачка", "начала" и "окончания" Эндособытия? Эксперимент дал отрицательный ответ.

Этот факт дает основание усомниться в правомерности одностороннего увлечения части исследователей события жесткими формально-логическими схемами. Следует предположить, что "язык" градуальных эталонов значительно более соответствует специфике описываемого психо-семантического объекта.

Результаты нашего эксперимента позволяют думать, что на когнитивно-семантическом уровне Эндособытие обладает континуально-мягкими градуальными границами. В то же время, в предыдущих двух главах в результате анализа вопросительных предложений мы выделили достаточно жесткие границы Эндособытия (Потенциал, Результат). Континуальность и дискретность могут быть признаны теми когнитивными противоположностями, которые обеспечивают в их единстве специфическое человеческое отражение.

§ 2. ВНУТРИСОБЫТИЙНЫЕ СВЯЗИ. ЭКСПЕРИМЕНТ "ФУНКЦИЯ"

Содержательные компоненты Эндособытия и его Экзоструктуры представляют собой некоторым образом организованную систему, которая может быть описана: а) в виде жесткого структурного каркаса, отражающего соотношение системы в некоторой точке во времени; б) в виде набора функциональных зависимостей, задающих отношения между парами динамических семантических объектов внутри событийной системной единицы.

В главах III и IV нами был выделен набор градуальных (динамических) семантических единиц и определены структурные черты события в целом. В то же время, событие как сложная динамическая содержательная система, непременно должна быть функционально организована; при этом, наряду с динамическими семантическими признаками, набор функциональных зависимостей между ними является важнейшей составляющей наших знаний о мире. Мы, несомненно, априорно знаем о том, например, что чем более интенсивно и долго трудится Агенс Эндособытия, тем, вероятно, более усталым он окажется в конце концов, тем больший объем работ он выполнит и т.п.

Таким образом, с точки зрения содержательного описания сложных единиц фоновых знаний, чрезвычайно важным является поиск экспериментальных приемов объективной фиксации функциональных зависимостей между динамическими семантическими составляющими событийных единиц.

В рамках данной публикации мы не ставили перед собой задачи исчерпывающего функционально-семантического описания некоторого события или класса событий; нам важно убедиться в том, что существуют психолингвистические экспериментальные приемы, позволяющие фиксировать указанные когнитивные функционально-семантические зависимости и оценивать качество получаемых функций.

Эксперимент "Функция", описанный в главе II, мы провели с русскими информантами в количестве 110 человек. В качестве стимулов использовались простые предложения, являющиеся частью гипотетических сложных предложений с обязательным указанием типа содержательной связи между предложениями. В задачу информантов входило построение полного сложного предложения в соответствии с инструкцией: "Сформулируйте осмысленное окончание данного предложения и запишите его в анкете".

В качестве стимулов мы использовали общие номинации событий и содержательных связей.

1. "Он сделал это в связи с тем, что ..."
2. "Он сделал это хорошо в связи с тем, что ..."
3. "Он сделал это быстро в связи с тем, что ..."

Семантическая обработка реакций должна была показать, с какими другими категориями и насколько вероятно "сильно" связаны в сознании информантов категории, задаваемые экспериментатором в стимуле.

В табл. 12 представлены вероятностные характеристики функциональной связанности градуальных эталонов "Реализация" (Он сделал это в связи с тем, что ...), "Оценка качества" (Он сделал это хорошо в связи с тем, что ...) и "Оценка скорости" (Он сделал это быстро в связи с тем, что ...) с другими содержательными компонентами события.

Таблица 12

№	Тип реакции	Тип стимула	Реализация	Оценка качества	Оценка скорости
1	Эмотив		0,06	0,019	0,04
		- в том числе в Иттенции	0,06	0,06	0,03
		- в том числе в Реализации	φ	0,13	0,01
2	Психофизическое состояние	Агенса	0,13	φ	0,04
		Облигатив	0,59	0,14	0,15
3		- в том числе Каузативное Пресобытие	0,21	0,03	0,09
		- в том числе Внутренняя оценка степени обязательности	0,38	0,11	0,06
		Пререпетив	φ	0,01	0,01
5	Препаратив		φ	0,04	φ
6	Качественная характеристика	Агенса	0,04	0,38	0,18
		- в том числе Черты характера	0,03	0,26	0,11
		- в том числе Знания, Умения	0,01	0,09	0,06
		- в том числе Интересы	φ	0,03	0,01
7	Целевая обусловленность		0,18	0,19	0,36

№	Тип стимула Тип реакции	Реализация	Оценка качества	Оценка скорости
8	Оценка интенсивности деятельности Агенса в Эндособытии	φ	0,02	0,20
9	Место, Предметные обстоятельства	φ	0,03	0,02

Опуская детальную содержательную интерпретацию полученных данных, остановимся на некоторых вероятностно релевантных функциональных связях. В частности, судя по числовым данным, человек принимается за дело (Реализация) прежде всего потому, что "надо" (Облигатив — 0,59), но вот делает "хорошо" (Оценка качества) потому, что испытывает желание и приятные ощущения (Эмотив — 0,19), обладает соответствующими личными качествами (0,38), а также в связи с целевой обусловленностью (0,19). Быстро же он "работает", прежде всего, потому, что имеет Цель (0,36), прилежен и скор (Интенсивность — 0,20) и др. Интересно отметить, что Качество слабо связано с вынужденностью (Каузативное пресобитие — 0,03), а Скорость — втрое сильнее (0,09), Скорость почти в пять раз слабее связана с Эмотивом, чем Качество и т.д. Интерпретация подобного рода данных входит в компетенцию психолога; нас же они интересуют с точки зрения возможности построения социальной вероятностно-семантической модели пресуппозиций на базе события.

Как уже отмечалось, одной из сильных связей является зависимость между Скоростью и Целью. В текстах эта сильная функциональная зависимость проявляется на уровне пресуппозитивной связи о с т и. Пусть у нас имеются два предложения:

1. Мария быстро мыла посуду.
2. Кинофильм начинался через десять минут.

Если данные предложения находятся в одном тексте в любой последовательности: *Мария быстро мыла посуду. Кинофильм начинался через десять минут.* (Возможно и: *Кинофильм начинался через десять минут. Мария быстро мыла посуду*), читатель, не имея никаких специальных языковых средств выражения, указывающих на то, что Мария собирается (имеет цель) смотреть кинофильм, не считая контактного расположения предложений, "догадывается" об этом.

Несмотря на то, что эксперименты типа "Функция" не дают описания полной системы события, они предоставляют в распоряжение исследователя уникальные данные по функционально-вероятностной структуре динамического фонового знания: полученные в экспериментах вероятностные оценки степени связанности тех или иных градуальных эталонов позволяют моделировать многие процессы, которые, по-видимому, обычно соотносятся с интуицией.

Однако главные надежды на вероятностные оценки функциональных зависимостей применительно к тому или иному типу события мы связываем с моделированием речемыслительных процессов как в теоретическом, так и в прикладном плане. Взрослый нормальный человек в существенной степени готов к встрече с новым текстом или визуальной информацией о предметном ряде событий. Он обладает накопленными фоновыми знаниями, которые позволяют ему градуально-вероятностно "достраивать" текст, содержащий пропуски (лакуны, "слоты"), "читать между строк", вырабатывать градуально-вероятностные гипотезы дальнейшего развертывания последовательности событий, динамики оценок и т.п. По-видимому, что *речь идет не столько о качественных характеристиках текста, сколько о когнитивно-семантической деятельности субъекта, реагирующего на данный текст.* Наши данные, полученные в эксперименте, позволяют в определенной степени моделировать такую деятельность только относительно некоего социализированного усредненного субъекта. По-видимому, однако, тривиальное фоновое знание предполагает наличие в нашем индивидуальном сознании некоторых социально-значимых градуально-вероятностных с т а н д а р т о в: в частности, в противном случае анализ текста как популярная дисциплина в филологических вузах просто не мог бы осуществляться. А ведь в процессе анализа его участники находят в текстах и легкую иронию, и просто иронию, и сарказм и т.п.

Откуда человек и социум получают сведения об этих интуитивных, функционально-вероятностных зависимостях? Можно предположить, что само фоновое знание человека является производным от количества когнитивно-семантических структур, накапливаемых человеком и накладывающихся друг на друга в памяти в рамках того или иного типа события, эти многократные "наложения" сходных структур, обусловленные объективной реальностью, и могут рассматриваться как статистический источник формирования вероятностно-функциональных зависимостей между динамическими когнитивно-семантическими сущностями. На самом деле, функционально-вероятностные зависимости очень часто используются нами в быту и мы, вслед за поэтом, вербализуем их в виде фраз типа *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей.* Для полноты воспроизведения картины вероятностно-функциональной зависимости здесь "не хватает" только указания на вероятность: "Обычно", или "Как правило", или "Чаще всего".

§ 3. СОБЫТИЕ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНО-ПРЕРЫВНАЯ СИСТЕМА

После рассмотрения результатов, полученных в экспериментах "Границы события" и "Функция", мы можем вернуться к общей модели события и сосредоточить наше внимание на ее существенных свойствах.

Прежде всего отметим, что при анализе массивов вероятностных предложений, полученных в серии экспериментов "Событие", мы пользовались приемами структурной семасиологии, в связи с чем вероятностно-семантическая модель несет черты дискретной системы, состоя-

щей из отдельных уровней, частей, категорий и т.п.; "зернистость" события состоит, в частности, в том, что Эндособытие оказывается последовательностью отдельных Микрособытий, в той или иной степени упорядоченных друг относительно друга во времени; Эндособытие имеет определенные границы во времени, инициальное и терминальное Микрособытия, Потенциал и Результат, ему предшествует Пресобытие, за ним следует Постсобытие, имеющие собственные границы и т.п. Предметный аспект события мы рассматривали отдельно от Умственного и Информационного, оговаривая, однако, их взаимосвязь.

В то же время, еще в нашем эксперименте "Этапон" мы убедились в том, что дискретные лингвистические единицы своими объемными значениями описывают некоторую непрерывную, континуальную содержательную сущность. Континуальный характер когнитивной семантики отражается в том, что наряду с пониманием Эндособытия как последовательности отдельных Микрособытий, Эндособытие же описывается градуальным эталоном "Реализация", в центральной зоне которого, в частности, Объект обладает в одинаковой степени как качествами Материала, так и качествами Продукта. Данное состояние Объекта может рассматриваться как проявление меры при переходе от Материала к Продукту; мера здесь (так же как и изменение в целом) является градуальной.

Результаты эксперимента "Границы события" позволяют убедиться в том, что и границы некоторого события также могут рассматриваться как с позиций прерывности, так и с позиций непрерывности. В первом случае Эндособытие имеет одно и только одно инициальное Микрособытие и такое же терминальное Микрособытие. Во втором случае границы Эндособытия имеют вид непрерывного градуально-"мягкого" перехода от Пресобытия к Эндособытию и от него к Постсобытию; границы в этом случае также могут рассматриваться как проявление меры.

Как известно, непрерывность и прерывность являются философскими категориями, характеризующими как структуру материи, так и процесс ее развития. При этом структура некоторого предмета или процесса раскрывается как единство непрерывного и прерывного. В частности, в современной физике сосуществуют корпускулярная и волновая теоретические модели света. "Одностороннее подчеркивание только прерывности в развитии означает утверждение полного разрыва моментов и тем самым потерю связи. Признание только непрерывности в развитии ведет к отрицанию каких-либо качественных сдвигов и по существу к исчезновению самого понятия развития" [58].

Поскольку объектом нашего анализа является сложная единица системы отражения, обеспечивающая адекватное отображение объективной реальности, эта единица может выполнять свои функции только будучи единством непрерывного и прерывного, континуального и дискретного. Именно поэтому границы Эндособытия должны одновременно рассматриваться как дискретные и континуальные, само Эндособытие — как совокупность дискретных Микрособытий и как континуальный процесс и т.п.

В качестве еще одного свидетельства дискретно-континуального характера события выступают результаты эксперимента "Функция", на основе которых, с одной стороны, появляется возможность интегрировать дискретные компоненты в единую континуальную систему события, а с другой — установить континуальные зависимости между дискретно-континуальными эталонами.

Осмысление градуального эталона как дискретно-континуальной семантической единицы принципиально важно. Признаками эталона, свидетельствующими о его дискретности, являются:

— вычленимость всего эталона целиком как самостоятельной когнитивно-семантической категории;

— вычленимость двух взаимопротивопоставленных (антонимических) зон эталона, а также зоны их взаимоперехода или меры.

Тот же градуальный эталон обладает признаком континуальности, поскольку фиксирует не отдельные статические состояния признака, но его непрерывное нарастание/снижение вплоть до достижения меры, где он непрерывно трансформируется в собственную противоположность и нарастание/снижение продолжается. Эти непрерывные изменения осуществляются не на бесконечной континуальной прямой, но ограничены пределами, которые, в свою очередь, выступают в качестве меры.

Обработка результатов экспериментов показала, что один и тот же градуальный эталон может принимать разные значения на различных этапах развития события. Важно подчеркнуть, что вне зависимости от принимаемого значения и этапа события, мы имеем дело с одним и тем же эталоном, который континуально изменяется в континууме времени и коррелирует своими значениями с меняющимися значениями других градуальных эталонов. Кроме того, не вызывает сомнения факт функционирования одного и того же градуального эталона в различных и даже разнотипных событиях (например, эталон "Эмотив" равен самому себе в "производственном" и "непроизводственном" типах события с одушевленным Агенсом).

Тем самым мы хотим подчеркнуть, что градуальный эталон может рассматриваться как когнитивно-семантическая универсальная координата фонового знания (шире — сознания), участвующая в формировании некоторого множества сложных дискретно-континуальных единиц типа событий. Другими словами, можно представить себе, что бесконечное множество сцен и событий описывается конечным набором категориальных градуальных эталонов, каждый из которых, однако, имеет бесконечное число значений, что обуславливается его континуальностью.

Дискретно-континуальный характер градуальных эталонов делает эти когнитивно-семантические категории (вернее — их модельные аналоги) продуктивным инструментом описания таких сложных дискретно-континуальных единиц, фиксирующих изменение, какими являются событие и сцена.

§ 1. ТЕКСТ

Описав семантическую структуру события как дискретно-континуальной единицы фонового знания, мы можем использовать полученные сведения при анализе проблем, которые традиционно входят в область лингвистической науки. Предварительный анализ показывает, что круг проблем, при рассмотрении которых обращение к модели события является продуктивным, достаточно широк. Сюда относятся и проблема порождения, и понимания речи в целом, и проблема моносемантизации асимметричных знаковых единиц в тексте, и проблема восстановления текстовых лакун (скважин) читателем, и механизмы "догадки" о значении неизвестного иноязычного или нового родноязычного слова "по контексту", и проблема метафоры, и проблема восстановления "пресуппозиции" автора текста, и проблема "подтекста" и намек, и т.п. Понятно, что глубокое и эксплицитное рассмотрение всех этих проблем в рамках одной данной работы невозможно, что обуславливает известную иллюстративность нашего изложения. При анализе нас будут интересовать объяснительные возможности такой лингвистической теории, которая опирается не на одну, а на две фактических данности, т.е. не только на текст, но на текст и на модель фоновых знаний, коррелирующих с данным текстом.

Анализ публикаций показывает, что в настоящее время текст, наряду со сверхфразовым единством, предложением, словосочетанием, лексемой и т.д., выступает в качестве полноправного объекта лингвистических исследований. Пристальное внимание лингвистики к тексту сместило его отправителя и получателя вместе с их фоновыми знаниями на периферию анализа.

Глубокий анализ современных подходов к тексту с лингвистических и психологических позиций содержится в книге А.И.Новикова [59].

Как было показано выше, акт коммуникации, осуществляемый совместно автором (говорящим) и интерпретатором (слушающим), мы относим к событиям Информационного типа. Такое событие может быть описано на различных уровнях Генерализации-Партикуляризации. Акт коммуникации может выступать в роли Микрособытия, входящего в Реализацию некоторого крупного Эндособытия или в роли Эндособытия в контексте соответствующих Пресобытия и Постсобытия. Это Эндособытие в свою очередь может рассматриваться в Умственном и Предметном аспектах, дискретизироваться на Потенциал-Реализацию-Результат, а Реализация — на последовательность Микрособытий. При дальнейшей Партикуляризации умственные и предметные действия автора и интерпретатора описываются по отдельности.

В потенциал Коммуникативного эндособытия входят как потенци-

альный автор, так и потенциальный интерпретатор, владеющие одним и тем же языковым кодом и располагающие определенным объемом совместных знаний относительно предмета предстоящей коммуникации. Кроме того, потенциальные участники коммуникативного акта должны располагать некоторым объемом несовпадающих знаний относительно того же предмета, сформированным намерением осуществить акт коммуникации и т.п. Реализация такого события предполагает предметную и умственную деятельность обоих участников; Результатом такой деятельности обычно является изменение объема знаний интерпретатора. Понятно, что Реализация может происходить в едином для говорящего и слушающего или различном для пишущего и читающего Месте и Времени.

На этом уровне анализа событийной структуры текст может быть определен как "предметное знание", или уже, — как вербально кодированный фрагмент знаний, являющийся органической частью целостной системы знаний о мире (когнитивного компонента); фрагмент когнитивного компонента, непосредственно взаимодействующий с кодированным фрагментом знаний, но фактически (буквально) не эксплицируемый текстом, относится к фоновым знаниям.

Понятно, что при большей детализации обсуждаемой событийной структуры, текст может рассматриваться и в других его функциях: как Продукт речемыслительной деятельности автора, как Материал (потенциальный Объект) речемыслительной деятельности интерпретатора, как промежуточная Цель (при планировании автором конечной Цели коммуникации), как Средство для достижения конечной Цели и т.п.

Наиболее существенным для нас является то, что с позиций совместной речемыслительной деятельности автора и интерпретатора, текст может рассматриваться как особым лингвистическим образом представленное знание. Отсюда следует, что текст как объект научного анализа может параллельно рассматриваться с коммуникативных (как т р а н с ф о р м и р о в а н н о е знание) и с когнитивных (как трансформированное з н а н и е) позиций. Целостность системы знаний обеспечивает единство коммуникативного и когнитивного компонентов речемышления.

Последовательный семантический анализ буквального содержания некоторого реального текста, проецируемый на соответствующую событийную единицу, а также обратная проекция события на текст, могут рассматриваться в качестве приемов, направленных на выявление семиотических свойств текста как коммуникативно-когнитивной единицы. Одновременно такое сопоставление создает предпосылки к реконструкции когнитивно-коммуникативных процессов речемышления.

В частности, следует предположить, что автор при формировании замысла оценивает знания потенциального интерпретатора по предмету коммуникации и вербализует, в основном, "разность", полученную в результате "вычитания" из замысла предполагаемых знаний интерпретатора. Интерпретатор же, в свою очередь, "суммирует" эту "разность" с собственными знаниями.

Анализ взаимодействия коммуникативных и когнитивных единиц

в речемыслительной деятельности начнем с того, что напомним, что событие является сложной многоуровневой, многомерной, объемной единицей фонового знания, имеющей двойственную дискретно-континуальную природу, причем континуальность события онтогенетически обеспечивается непрерывностью отражаемого мира. Текст же представляет собой линейно упорядоченную совокупность дискретных знаковых единиц разного объема и сложности. Представляется, что континуум как категория текста [60], обеспечивающая его цельность, так же, как и сама цельность, имеет психолингвистическую когнитивно-семантическую природу. Другими словами, текст является дискретным материальным образованием, состоящим из дискретных же элементов членораздельной речи. Речемыслительная деятельность читателя (слушателя) на содержательном уровне "континуализирует" дискретную и линейную последовательность компонентов текста путем сопоставления содержания этих компонентов с фоновыми знаниями, имеющими вид дискретных, многомерных, обобщенных "слепок" опыта. Таким образом, континуумность оказывается не собственно текстовой, а, скорее, когнитивно-психолого-семантической категорией, характерной для нашего способа отражения действительности в целом; континуальность фоновых знаний и, в частности, событий, позволяет нам интегрировать в единое содержательное целое не только компоненты текста, но и разорванные "куски" отражаемой действительности на уровне предметной деятельности.

Теперь имеет смысл сопоставить форму и содержание некоторого конкретного текста и структуры события с целью анализа соотношения "вербализуемого" и "имплицитного".

§ 2. ТЕКСТ И СОБЫТИЕ

Рассмотрим текст, описывающий один из эпизодов побега из плена и выхода с территории, оккупированной врагом, троих советских солдат, использовавших танк БТ.

Данный эпизод, с одной стороны, входит в качестве Микрособытия в Эндособытие "Выход из окружения", а с другой, — сам является Эндособытием "Ремонт гусеницы", состоящим из Микрособытий.

Напомним, что мы будем оперировать двумя данностями: моделью события "производственного" типа, с которой, предположительно, читатель "встречает" текст, и текста, описывающего эпизод "Ремонт гусеницы" [61]. Приведем текст [62].

"Все шло как по маслу. Вырвавшись из трясины, "бэтэшка" ходко бежала по широкой сухой просеке. Могилкин с Левцовым сидели на башне, Сократилин, откинувшись на спинку сиденья и сняв руки с рычагов, блаженствовал. И вдруг машину подбросило. Сократилин схватился за рычаги. Машину понесло вправо. Сократилин зажал левый фрикцион.

— Старшина! — заревел Могилкин. — Гусеницу потерял!

Метрах в двадцати от танка сверкала, распластавшись в траве, гусеничная лента. Сократилину стало до слез обидно. Он на минуту расслабился, притупил внимание, и танк, наскочив на пенек, оборвал гусеницу.

— Был бы пень, а то черт знает что! — простонал Богдан.

— Коль не повезет, так не повезет, — сказал Левцов.

— Где тонко, там и рвется, — в унисон ему пропел Могилкин.

Бывалому танкисту натянуть гусеницу легче, чем плюнуть. Был бы для этого натяжной инструмент. Впрочем, и без инструмента натянули бы. Положение усугублялось тем, что надо было выбрасывать испорченный трак и заменять его новым. А где его взять? На танке запасных траков не было. Богдан, вообще не умеющий ругаться, да и не любивший это искусство, на этот раз не сдержался и трехэтажным матом обложил бывшего хозяина "бэтэшки".

— Подумать только — не иметь на машине такого дерьма, как траки!

— А может, их немцы растащили, — заметил Могилкин.

— На кой черт они нужны немцам?

— Да, действительно. Не бриллианты же, — сказал Левцов и самодовольно ухмыльнулся. — Теперь-то мы ее наверняка бросим.

— Кого это? — не поняв, спросил Сократилин.

— Душегубку. — И Левцов кивнул на танк.

— Не подумаю.

— Что же ты будешь делать?

— Лопнул рабочий трак, вот этот, с гребнем. — Сократилин носком сапога показал испорченный трак. — Мы его выкинем и поставим подряд два холостых.

— И пойдет? — спросил Могилкин.

— Как миленький. Только бы нам стянуть гусеницу. — Сократилин в упор посмотрел на Левцова. — Попробуем?

Попробовали. Ничего не получилось. Перекурили.. Еще четыре раза пробовали, выкурили всю махорку — и все-таки стянули. Но какой ценой! Могилкин посмотрел на свои руки с кровоточащими пальцами и не мог поднять их, чтоб высморкаться. Левцов едва держался на ногах. У Сократилина все ломало, словно его тело протащили сквозь мялку. "Как же я поведу машину?" — с ужасом подумал Богдан. А вести ее теперь было намного сложнее. Правая гусеница натянулась как струна, и даже гудела, а левая — провисла. Там тоже надо было выбрасывать трак. Но и под дулом пушки они б теперь на это не согласились.

Вечерело. Просеку пересекли густые длинные тени. Поехали. Танк все время заносило влево. Сократилин ни на секунду не выпускал из рук рычагов. Наконец выбрались на дорогу."

В приведенном тексте Реализация Эндособытия описыв-

вается всего четырьмя предложениями: *"Попробовали. Ничего не получилось. Перекурили... Еще четыре раза пробовали, выкурили всю махорку – и все-таки стянули."* Реализация данного Эндособытия оказывается Циклической (см. с. 80) и прерываемой Интервалами (см. с. 81), в данном случае, "перекурами", которых было достаточно много (*"выкурили всю махорку"*). Указывается число циклов – пять. Микрособытийная структура каждого из Циклов здесь не описывается; о ней мы частично узнаем из Коммуникативного Пресобытия, в котором Сократилин сообщает о своем П л а н е (способе достижения Промежуточной цели = исправной гусеницы): *"Мы его (т.е. рабочий трак. – В.Ш.) выкинем и поставим подряд два холостых... Только бы нам стянуть гусеницу."* Поскольку при описании Реализации нам не сообщается об изменениях в П л а н е, можно считать, что плановая структура события и структура Реализации в целом совпадают.

В то же время фрагмент модели Эндособытия, описывающий Реализацию, дает нам основания предполагать наличие в каждом из Циклов некоторого набора Микрособытий, имеющих П о р я д о к; поскольку в Реализации одновременно принимают участие три Агенса-Коллаборанта, мы можем предполагать наличие у каждого из них собственной функции.

Время Реализации (длительность) в тексте эпизода не эксплицируется. Однако, и это представляет интерес с точки зрения структуры текста, последний абзац нашего эпизода начинается с предложения *"Вечерело"*, а предыдущий эпизод, который в целях экономии места мы не цитируем, содержит такие темпоральные маркеры, как *"Солнце палило нещадно..."* *"Прежде чем добрались до дороги, прошло немало времени"...* *"Зато на ровном месте они промыкались до вечера"*. (Последнее предложение анонсирует эпизод "Ремонт гусеницы"). Отсюда, и исходя из наших знаний действительности, мы можем утверждать, что протяженность Реализации во времени (Эндовремя) составляет около половины светового летнего дня. Экзовремя указано в начале повести – июнь 1941 года.

Место Эндособытия, как мы помним, описывается эталонно, включающим максимумы Экзопространство и Эндопространство. В тексте анализируемого эпизода данная категория описывается при вербализации Реализации (*"...бэтэшка" ходко бежала по широкой сухой просеке*) и Результата Каузативного пресобытия (*Метрах в двадцати от танка сверкала, распластавшись в траве, гусеничная лента*). Первое предложение очерчивает Экзопространство, в качестве которого выступает непосредственное окружение (просека – лес), а второе – Эндопространство (танк – гусеница) события. Пространство Результата Каузативного пресобытия переходит в Эндо- и Экзопространство "производственного" события. Из предыдущего текста повести мы знаем, что Экзопространство описывается также такими номинациями, как "СССР" > "Литва" > "оккупированная территория".

Что же касается Эндопространства анализируемого события, то в тексте нет больше ни одной номинации, которая прямо или косвенно

соотносилась бы с данной категорией. Тем не менее, опираясь на модель события, мы можем утверждать, что в пресуппозиции читателя внутреннее пространство события так или иначе организовано. В процессе Реализации Агенса перемещаются в Эндопространстве относительно друг друга, танка, гусеницы; гусеница – относительно танка (ее нужно подтянуть к танку и поставить на место), Агенса меняют не только размещение, но и положение в пространстве, например, нагибаются, присаживаются и т.п. Эти сведения, в общем виде, содержатся в фоновом знании, в частности, в структуре события данного типа; они не могут быть извлечены из текста, поскольку в самом тексте отсутствуют знаковые средства их выражения; в то же время автор (Адресант) и читатель (Интерпретатор), обладая совместными фоновыми знаниями, сходным образом имплицируют эту когнитивную семантику.

Потенциал – Реализацию – Результат анализируемого эпизода удобно рассматривать последовательно, поскольку Эндособытие – континуальная единица, разворачивающаяся во времени.

В Потенциал Эндособытия, как мы помним, входят Результаты Пресобытий, связанных с данным Эндособытием. Из фрагмента текста описывающего Пресобытия, мы узнаем, что в Потенциал в качестве множественного Потенциального Агенса входят солдаты Сократилин, Могилкин, Левцов, в качестве Материала – поломанная гусеница. Указывается на отсутствие Средства для ремонта – нового трака. Предложение *"На танке запасных траков не было"* говорит не только об отсутствии траков, но и о том, что Агенсами (одним или всеми) было реализовано Пресобытие, направленное на формирование адекватного Потенциала, т.е. поиски траков на танке. Указанное предложение вербализует Результат этого Пресобытия, входящий в Потенциал Эндособытия.

Вопрос о наличии необходимого Инструмента в тексте остается открытым: *"Бывалому танкисту натянуть гусеницу легче, чем плюнуть. Был бы для этого натяжной инструмент. Впрочем, и без инструмента натянули бы."* В то же время, судя по трудностям Реализации (Циклическость, Интервалы) и по состоянию Результативных Агентов (см. текст), выстраивается функциональная зависимость, свидетельствующая о высокой вероятности отсутствия "натяжного инструмента".

О других Инструментах автор умалчивает. В частности, для того, чтобы соединить гусеничные звенья (траки), в качестве Средства используются пальцы, а в качестве Инструмента – кувалда. Остается предполагать, была ли на танке кувалда или был "функционально" использован "подручный инструмент" типа булыжника.

Итак, Эндособытие здесь имеет градуально неполный Потенциал: нет нового трака, скорее всего нет натяжного инструмента.

Градуальная степень усилий Агентов в процессе Реализации является максимальной, хотя автор прямо об этом не говорит. Об этом свидетельствуют:

- а) неполный Потенциал;
- б) Эндовремя события;

в) структура Реализации (Цикличность, Интервалы);
г) качественные характеристики Итоговых Агенсов-Коллаборантов.

Итоговые Агенсы в Результате описываются следующим фрагментом текста: *"Но какой ценой! Могилкин посмотрел на свои руки с кровотокащими пальцами и не мог поднять их, чтобы высморгаться. Левцов едва держался на ногах. У Сократилина все ломило, словно его тело протаскивали сквозь мялку"*. Таким образом, читатель однозначно интерпретирует степень усилий Агенсов в Реализации на основе когнитивно-семантической функциональной зависимости этой градуальной переменной от градуальных переменных а), б), в) и г). Однако данная зависимость не является единственной. Все пять градуальных переменных имеют разнонаправленные и качественно различные функциональные зависимости. Например, Эндотрем события зависит от Неполного Потенциала, степени усилий Агенсов, структуры Реализации, но не зависит от некоторых качественных характеристик Агенсов; неполный Потенциал не зависит ни от одной из перечисленных переменных, но все они зависят от него; Качественные характеристики Итоговых Агенсов являются функцией от всех переменных и т.п. Очевидно, что функциональные зависимости между континуальными градуальными эталонами являются одним из компонентов когнитивно-семантической системы, обеспечивающим не только адекватное функционирование пресуппозиции, но и в целом, континуальную интерпретацию дискретного текста.

Помимо Итогового Агенса в Результат Эндособытия, как мы знаем, входят Продукт, Отходы / Остатки и др. (см. табл. 5).

В анализируемом эпизоде Продукт и его качественные характеристики оцениваются, в частности, по использованию Продукта в Постсобытии. Оценка Качества на градуальном эталоне размещается в его положительной зоне (танк движется, цель достигнута), но не достигает области максимальных значений (движется плохо).

Автор, описывая Результат Эндособытия, не упоминает об Отходах и Остатках. В то же время, из текста, описывающего формирование Интенции Богдана Сократилина (Умственный аспект), мы знаем, что *"...надо было выбрасывать испорченный трак..."* Отсюда следует, что испорченный трак относится к категории Отходы. Нет в тексте и упоминания о детали, соединявшей трак (пальце), который (если он оказался целым после наезда на пенек) относится к категории Остатки и, вероятно, был оставлен в качестве "запчасти".

Умственная и Информационно-Коммуникативная деятельность Агенсов в темпоральных границах Эндособытия автором никак не описывается. Однако модель события позволяет утверждать, что при реализации долгих и трудоемких пяти попыток (с интервалами) починить гусеницу персонажи, наряду с предметной деятельностью, воспринимали внешний мир (например, не появились ли враги, деятельность друг друга и т.п.), думали, чувствовали, оценивали и общались между собой.

Событийная модель, которую мы сопоставляем с текстом, содержит

категорию "Гиперсобытие" (см. с. 125), причем в начале эпизода мы могли предполагать возможность появления Наблюдателя, который затем мог бы превратиться в Проагенса / Контрагенса. По мере прочтения текста вероятность Гиперсобытия уменьшается, а в Постсобытии — равна нулю.

С категорией "Пресобытие" в данном тексте соотносится большое число номинаций, обозначающих как Предметные, Информационные и Коммуникативные события, предшествующие Эндособытию, так и описывающие Умственный аспект Пресобытия, точнее, размышления и эмоции Богдана Сократилина.

Предметный аспект Пресобытия представлен Каузативным Пресобытием, с которым соотносится эпизод "Поломка гусеницы": *"Вырвавшись из трясины, "бэтэшка" ходко бежала по широкой сухой просеке (Экзопространство Каузативного Пресобытия). Могилкин с Левцовым сидели на башне (Эндопространство данного события, в том числе Положение Агенсов в Пространстве, статичное состояние Агенсов, протяженное во времени). Сократилин, откинувшись на спинку сиденья и сняв руки с рычагов, блаженствовал (Эндопространство) Положение Агенса в Пространстве; статичное состояние Агенса, протяженное во времени; Умственный аспект Пресобытия; Оценка Внутреннего эмоционального состояния Агенса — максимальное положительное значение эталона). И вдруг машину подбросило. Сократилин схватился за рычаги. Машину понесло вправо. Сократилин зажал левый фрикцион. Танк завертелся волчком"*.

На последнем фрагменте цитируемого текста имеет смысл остановиться особо. Автор переходит на максимально детальное описание на уровне далее нечленимых Микрособытий; каждое Микрособытие имеет чрезвычайно малую протяженность во времени. Номинации Микрособытий представлены в виде кратких простых предложений.

Здесь автор меняет Масштаб текста (см. ниже, следующий параграф): если до сих пор длительность (Эндотрем) описываемых событий измерялась минутами, если не десятками минут, то теперь длительность событий измеряется секундами, если не долями секунд.

Вся данная последовательность Микрособытий описывает более крупное Предметное событие, в котором танк выступает в качестве Объекта; Агенса (субъект) данного события пока не известен; одушевленные предметные компоненты этого события выступают в качестве ковенных Объектов: они испытывают воздействие танка, причем Сократилин предпринимает попытки агентивного воздействия на танк.

Интересно отметить, что рассматриваемая последовательность Микрособытий не имеет вербализации важного конечного Микрособытия: Сократилин, несомненно, остановил танк, хотя автор завершает перечисление Микрособытий предметного события, которое можно было бы назвать "Транспортное происшествие", предложением *"Танк завертелся волчком"*. Незавершенность события на уровне текста компенсируется, с одной стороны, переходом повествования на Коммуникативные пресобытия, а с другой, — фоновыми вставками читателя: вероятность беседы на вертящемся волчком танке весьма мала.

Умственный аспект данного Пресобытия в тексте не описывается, однако на основе событийной структуры вероятно просматривается изменение значения градуального эталона, описывающего внутреннее эмоциональное состояние, по крайней мере, Сократилина, с "блаженствовал" к области отрицательных значений.

Далее в тексте идет вербализация Коммуникативного пресобытия: Адресант (Могилкин) сообщает Адресату (старшине Сократилину) об "утере" гусеницы. На самом деле речь идет о комбинации Информационного (Могилкин увидел "утерянную" гусеницу) и Коммуникативного (Могилкин сообщил об этом Сократилину) событий. Такая комбинация обычно называется "Комментарием". Таким образом, по содержанию Коммуникативного события мы узнаем о наличии Информационного. Эмоциональное состояние Могилкина эксплицируется через значение глагола "зареветь", фиксирующего максимальное значение на эталоне типа "реветь – говорить – шептать": данное максимальное значение функционально связано с максимальным значением ("возбуждение") эталона, описывающего эмоциональное состояние. Эмоциональное состояние третьего персонажа (Левцова) остается "за кадром" текста.

Следующий абзац, относящийся к Пресобытию, описывает Информационное событие – Сократилин получает невербальную информацию о результатах события – "транспортного происшествия". Предложение "Метрах в двадцати от танка сверкала, распластавшись в траве, гусеничная лента", с одной стороны, содержит глагол, предполагающий перцепцию, а с другой – описывает размещение в Пространстве предметных компонентов Результата пресобытия (танк – гусеница). В тексте не говорится о том, что, по-видимому, Сократилин выбрался из танка, осмотрел место происшествия, увидел злополучный пенек, установил степень повреждения гусеницы. В то же время, автор дает нам описание внутреннего состояния (Сократилину стало до слез обидно), являющегося результатом рационального восстановления им структуры события – "транспортного происшествия" постфактум, в частности, по предметному Результату события: "Он на минуту расслабился, притупил внимание, и танк, наскочив на пенек, оборвал гусеницу". Данное предложение, с одной стороны, описывает Умственный аспект события с позиций Сократилина, с другой – дает краткое обобщение предшествующей цепочки Микрособытий, а с третьей – устанавливает каузативную связь между психофизическим состоянием водителя – Сократилина в Пресобытии и собственно событием – "транспортным происшествием". Здесь мы вновь встречаемся с "пропуском" событийных звеньев, свободно восстанавливаемых читателем на базе фоновых знаний: в связи с тем, что Сократилин притупил внимание, он не заметил препятствия (Информационное Микрособытие), не изменил направления движения танка (Предметное Микрособытие), что и привело к происшествию. Выделенные шрифтом предложения являются номинациями Микрособытий, отсутствующими в тексте. Автор здесь опирается на общность собственных фоновых знаний и фоновых знаний предполагаемого читателя, правомерно считая, что полная цепочка событийных звеньев не нуждается в вербали-

зации, но легко и просто восстанавливается в результате речемыслительной деятельности читателя. На этом простом примере мы еще раз убеждаемся, что событийные единицы фоновых знаний служат когнитивно-семантическим фундаментом совместной речемыслительной деятельности отправителя и получателя текста, а сам текст в такой человеческой деятельности, как правило, содержит "разрывы" в вербализации непрерывной последовательности событий, которые, теоретически, не могут быть интерпретированы компьютером без введения в него адекватной модели фоновых знаний.

Последующий полилог персонажей является Постсобытийными Коммуникативными событиями относительно Эндособытия "транспортное происшествие", но входит в Пресобытие более обобщенной триады, Эндособытием которой является "ремонтное производственное событие".

Полилог, описывающий оценки Каузативного пресобытия будущими Агенсами "ремонтного" Эндособытия, не является "автосемантическим"; если бы мы попытались рассмотреть этот полилог вне контекста, основываясь только на фоновых знаниях, мы убедились бы в том, что он допускает большое число интерпретаций. Это значит, что конкретные знания участников полилога о предмете коммуникации, полученные ими из объективной действительности, и знания, полученные нами (читателем) из текста, оказываются весьма сходными. При этом очень важно подчеркнуть, что читатель к собственным фоновым знаниям добавляет информацию, получаемую из текста эпизода, и синтезирует на основе этих двух факторов такую содержательную единицу фоновых знаний, которая является более конкретной, чем событие (как обобщенная единица фоновых знаний). В отличие от читателя, персонаж (шире – Агенс Информационного события, получающий информацию непосредственно из действительности) соотносит с фоновыми знаниями воспринимаемый предметный континуум и вычленяет (на основе событийных структур) конкретные сцены.

Мы предполагаем, что текст, каким бы детальным и развернутым он ни был, сам по себе не передает информации уровня сцен или образов. Читатель на основе текста (в том числе и анализируемого эпизода) может построить собственную сцену, дополнив получаемую "полусцену-полусобытие" индивидуальными представлениями. Это, однако, значит, что сцены у разных читателей совпадают лишь в общем; индивидуальные "картинки" различаются частностями, о которых в тексте ничего не сказано, а в некоторых случаях (см. эксперимент "Словесный портрет") и не может быть сказано.

Другими словами, человек, воспринимающий фрагмент объективной реальности органами чувств, имеет возможность оперировать точечными значениями набора градуальных эталонов; человек же, получающий информацию о том же фрагменте объективной реальности через текст, оперирует не точечными, но объемными значениями градуальных эталонов; в пределах вербализованных значений он может выбирать, в зависимости от индивидуального иконического опыта, те или иные точечные значения эталонов. Понятно, что при сходстве сцен на уровне объемных значений,

у разных читателей они могут быть различными на уровне точечных значений градуальных эталонов [63].

Следующий фрагмент эпизода – описание Умственного аспекта Пресобытия. Мы уже частично рассматривали этот фрагмент, описывая структуру Эндособытия. Фактически речь идет об описании процесса Консидерации у Сократилина. Отсутствие запасных траков на танке вызывает у него максимально отрицательную оценку (на градуальном эталоне "Оценка") относительно бывшего хозяина танка, которая проявляется в соответствующем Коммуникативном событии. Здесь чрезвычайно интересным является противопоставление в тексте Экзоаспекта и Эндособытия Агенса: *"Богдан, вообще не умевший ругаться, да и не любивший это искусство, на этот раз не сдержался и трехэтажным матом обложил бывшего хозяина "бэтэшки"*. Автор несколько преуменьшает "способности" Агенса "вообще" (в Экзоаспекте), поскольку "на этот раз" (в Эндособытии Коммуникативного события) он демонстрирует способность к "трехэтажным" построениям (см. § 5 гл. III).

В рамках одного абзаца комбинируются Умственный и Коммуникативный аспекты Пресобытия.

Последующий полилог вербализует в виде Коммуникативных пресобытий Умственную деятельность персонажей относительно:

- поиска причины (Каузативного Пресобытия) отсутствия запасных траков, которые, по-видимому, штатно положено иметь на танке;
- выработки Промежуточной Цели (Конечная Цель константна – попасть к своим) и Плана ее достижения; здесь вербализуется процесс коллективной Консидерации.

Интересно, что этот процесс в полилоге не имеет завершения. На свой вопрос *"Попробуем?"* Сократилин не получает согласия Могилкина и Левцова в виде Коммуникативных же событий, зафиксированных в тексте эпизода. В то же время, предложение *"Попробовали"*, относящееся уже к Предметному аспекту Эндособытия, показывает, что такую информацию в любой форме [вербальной, жесто-мимической или предметной; например, Могилкин и Левцов демонстрируют согласие, направляясь к поломанной гусенице (закатывая рукава), беря инструменты и т.п.] Сократилин получил.

Следует предположить, что обработка большого количества текстов в сопоставлении с моделью события позволит выявить семантические типы авторских импликаций, а специальные психолингвистические эксперименты (например, ответы большого числа испытуемых на послетекстовые вопросы по имплицитному содержанию текста) дадут объективные сведения о вероятностях однозначной интерпретации таких импликаций.

Далее в тексте идет описание Реализации Эндособытия в Предметном аспекте, которое мы уже рассматривали выше, а затем (без выделения нового абзаца) Результат этого события.

В рассматриваемом фрагменте эпизода компоненты Результата перемежаются с Умственным аспектом Постсобытия, связанным с процессом Консидерации (выработкой Постинтенции), причем градуальная сте-

пень Облигатива, сопоставленная с отрицательной градуальной степенью Психофизического состояния Агенса в Постсобытии в процессе Консидерации, приводит к отрицанию Реализации – трак из левой гусеницы "выбрасываться" не будет.

Последний фрагмент эпизода содержит, как уже говорилось, темпоральный маркер и описание предметного Постсобытия, соотносимого с Конечной Целью данного эпизода, достигнутой в связи с Реализацией Эндособытия. Здесь автор, в отличие от Пресобытия, уже не размещает персонажей в Эндособытии Предметного Постсобытия (в танке, на танке), не приводит никаких Коммуникативных Постсобытий, хотя их вероятность очень велика. "За кадром" текста остается здесь и Умственный аспект события, в том числе Эмотив персонажей, хотя читатель с той или иной степенью достоверности может имплицитно видеть все эти компоненты за счет собственных фоновых знаний.

Таким образом, мы убедились, что событийная структура Пресобытия – Эндособытия – Постсобытия с маркированным Эндособытием является когнитивно-семантическим фундаментом для выделения эпизода в "большом" тексте. Но рассматриваемый эпизод входит в текст главы ("Рассказ первый, записанный со слов Богдана Аврамовича", с. 96 – 149), также соотносимый с триадой Пресобытия – Эндособытия – Постсобытия. В этой главе (целиком) описывается:

- Пресобытия – наступление фашистских войск, в результате которого Сократилин и другие солдаты оказываются в тылу врага;
- Эндособытия – последовательность Микрособытий, связанных с Реализацией Намерения попасть к своим; Результатом здесь является достижение Цели; на этом уровне рассмотренный выше эпизод соотносится с единичным Микрособытием;

Постсобытия – последствия того, что Сократилин, Левцов и Могилкин попали к своим; большая часть текста, соотносимая с данной категорией, формально вынесена в следующую главу.

Другими словами, "шов" между главами находится на стыке Результата Эндособытия с Постсобытием; Постсобытия во второй главе выступает в качестве компонента нового Пресобытия.

Следует отметить, что такая триединая структура прослеживается во многих проанализированных нами текстах, как взятых из литературных произведений, так и порожденных информантами в экспериментах "Сочинение". Например, получив задание описать процесс покупки какой-либо вещи в магазине, информанты ни в одном из случаев не ограничились описанием Эндособытия; так или иначе указывалось как на Пресобытия, так и на Постсобытия. Например:

"Это было в августе, когда в городе продавали дыни. Однажды я пошла за молоком и в соседнем магазине увидела очередь за дынями. Очередь была часа на два. Вообще, я не люблю стоять в очереди. Но, чтобы доставить удовольствие моим родителям и, конечно, себе самой, я заняла очередь. Затем купила две бутылки молока и вернулась в овощной. Часа через полтора я отошла от прилавка, предвкушая приятную трапезу. Две дыни, которые я принесла, мы съели за два дня".

В данном тексте мы видим достаточно развернутые описания, соотносимые с Пресобытием и Постсобытием и редукцию описания Эндособытийных компонентов; сам процесс покупки вообще опущен; на то, что она состояла указывает описание Умственного аспекта Постсобытия: "... *предвкушая приятную трапезу*". Сопоставление данного текста с моделью события показывает вербализацию в нем Предметного и Умственного аспектов, а также предполагает Коммуникативный аспект ("...я заняла очередь..."); вербализуется Экзотремия и Эндотремия события, Эндопространство (овощной магазин) и Экзопространство (город) и др. Законченность текста обеспечивается возможностью выявления в нем триады Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие.

Если мы примем во внимание, что даже нечленимые далее Микрособытия, соотносимые с данной триадой (например: "*Послышался стук двери. Она повернула голову. На пороге стоял Петр*") в определенном смысле могут считаться законченными текстами, то следует предположить, что триада Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие является именно той когнитивно-семантической универсалией, на основе которой, в частности, реализуется такая основополагающая категория текста, как завершенность.

Завершенность текста не зависит от его фактической длины. Завершенным текстом может считаться и единичное предложение, соотносимое с указанной триадой, если иная необходимая информация уже имеется в памяти отправителя и получателя сообщения.

Таким образом, на основе триады Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие возможно выделение разноуровневых завершенных текстов, обладающих референтной соотносительностью и предикативностью.

§ 3. РАЗМЕРНОСТЬ ТЕКСТА

Перейдем теперь к обсуждению некоторых теоретических положений, связанных с единством текста и событийной структуры в речемыслительной деятельности.

Модель речемыслительной деятельности, в которой дискретный текст взаимодействует с дискретно-континуальной системой фоновых знаний и, в частности, с системой событий, позволяет отказаться от приписывания тексту таких качественных характеристик (например, континуумности), которыми он, рассматриваемый сам по себе, вне речемыслительной деятельности человека и без опоры на его фоновые знания обладать не может. Текст и фоновые знания, с которыми его "встречает" читатель, образуют в речемыслительной деятельности единую систему. Упрощенно говоря, читатель всегда "суммирует" фактически вербализованное в тексте содержание с собственными фоновыми знаниями. Отправитель сообщения (например, писатель) вербализует в тексте, в основном, семантическую "разность", полученную путем "вычитания" фоновых знаний предполагаемого читателя из "полного" содержания текста. Поскольку отправитель и получатель сообщения всегда располагают определенным объемом совместных фоновых знаний, сообщение, соответственно, всегда формально фрагментарно, но, обычно, фактически полно.

В то же время, степень эксплицированности, а, значит, развернутости текста, интенционально планируется отправителем сообщения и является градуальной величиной.

Если рассматривать эпизод "Ремонт гусеницы" в качестве текста нормальной размерности, то мы приходим к выводу, что такой текст обязательно "содержит" невербализованную информацию, извлекаемую читателем путем активного сопоставления вербализованной семантики с собственными фоновыми знаниями. Объем текста многократно возрос бы, если автор попытался бы вербализовать всю ту информацию, которую мы отнесли к имплицитной; такой текст мы оценили бы как гипервербализацию.

С другой стороны, если бы автор вместо текста эпизода дал фразу типа "*По пути у них вышла из строя гусеница, которую они с большим трудом починили*", то такая свертка представила бы собой гиповербализацию-упоминание. Представляется, что рассматриваемое явление теснейшим образом связано с событийной категорией "Генерализация – Партикуляризация".

В зависимости от интенциональной степени развернутости – эксплицированности текста, задаваемой отправителем сообщения и оцениваемой его получателем, исходя из собственных знаний, один и тот же факт может быть представлен в тексте как "намеки" – "упоминание" – "краткое изложение" – "нормальное изложение" – "развернутое изложение" – "полное и детальное изложение" – "многословное, затянутое изложение" и т.п.

"Нормальное изложение" (центральная зона эталона) представляет собой оптимальную пропорцию объемов "когнитивной темы" (известного, относящегося к фоновым знаниям читателя) и "коммуникативной ремы" (нового для читателя знания, сообщаемого текстом относительно "когнитивной темы"). Любое отклонение от этой нормы ведет либо к гипервербализации, либо к гиповербализации; сама же норма оказывается функцией от градуальных переменных "объем новых знаний" и "объем фоновых знаний". Здесь намечаются производные градуальные величины, фиксирующие степень "трудности" текста, "сложности для понимания", "информативности" и др.

Подчеркнем, что к числу факторов, от которых зависит степень свернутости-развернутости текста, относится интенционально планируемая его автором целевая функция текста (ср. с понятием прагматики речевого акта). Отметим также, что степень свернутости-развернутости не является константой по всей длине текста; на примере эпизода "Ремонт гусеницы" мы могли убедиться в том, что на отдельных участках текста автор интенционально детализирует описание, или наоборот, сворачивает его, не выходя, однако, за пределы зоны "нормального изложения".

Таким образом, сопоставление текста с моделью события позволяет фиксировать размерность (метрику) текста.

Поскольку качественные характеристики фонового знания принципиально поддаются измерению в психолингвистическом эксперименте, практический интерес могут представить исследования, направленные на

выяснение "оптимальной размерности текста". Результаты таких исследований могут использоваться в дидактике (тексты учебников для различных возрастных групп учащихся), информационно-пропагандистской деятельности и т.п.

§ 4. МНОГОМЕРНОСТЬ СОБЫТИЯ И ЛИНЕЙНОСТЬ ТЕКСТА

Событие (последовательность событий) разворачивается во времени и в этом смысле является линейной единицей.

Однако, одновременно, событие представляет собой и многомерную единицу. Это обусловлено тем, что в состав события входит некоторое множество предметных компонентов, которые могут изменяться во взаимодействии одновременно и параллельно, тем, что событие рассматривается сразу в нескольких взаимосвязанных аспектах, тем, что событие протекает не только во времени, но и в трехмерном пространстве и т.п.

Текст же, в отличие от события, представляет собой линейную знаковую последовательность, лишённую (вне речемыслительной деятельности) каких-либо признаков многомерности.

Линейность события естественным образом отражается в линейном тексте: порядок следования упорядоченных во времени Пресобытия — Эндособытия — Постсобытия и Микрособытий Реализации могут без каких-либо лексических либо грамматических уточнений задаваться порядком следования предложений в линейном тексте.

Непоследовательное изложение характеризуется, в частности, тем, что автор текста, не завершив вербализации Пресобытия, "перескакивает", например, на Эндособытие, возвращается к Пресобытию, затем берётся за вербализацию Постсобытия и, не завершив ее, вновь описывает Эндособытие и т.п. В числе текстов, полученных в эксперименте "Сочинение", имеется небольшое число непоследовательных вербализаций. Например:

"Я купила себе сапоги, вернее не я, а муж моей сестры купил мне, но я при этом присутствовала. Когда я принесла их домой, они мне очень понравились, но потом превратились в калоши. Они очень холодные.

Мы с ним выехали из дома довольно рано. На остановке решили "рвануть" в "Гостиный". Коля был в очереди где-то пятидесятым. Сапоги зимние, на "каше", финские. Лезли без очереди, поэтому он тоже полез. Купил. Сколько же они стоили? Что-то около ста. Когда мы подходили к "Гостиному", мы увидели, что несли коробки, поэтому сразу поняли, куда идти."

Структура "Пресобытие — Эндособытие — Постсобытие" в данном тексте явно нарушена, но ее наличие в сознании читателя позволяет трансформировать непоследовательный текст в процессе речемыслительной деятельности в упорядоченную когнитивно-семантическую последовательность. Другими словами, когнитивно-семантические единицы фо-

новых знаний могут выполнять компенсирующую функцию при интерпретации непоследовательных высказываний.

Многомерность события отражается в линейной последовательности знаковых единиц — тексте — сравнительно произвольным образом. Анализ текстов показывает, что строгого порядка в вербализации, например, категорий Места и Времени, не существует. Порядок вербализации Предметных компонентов Эндособытия также сравнительно произволен.

В тексте эпизода "Ремонт гусеницы" порядок вербализации может быть изменен в тех случаях, когда речь идет, например, о размещении персонажей в Эндоспространстве ("Могилкин с Левцовым сидели на башне, Сократилин, откинувшись на спинку сиденья и сняв руки с рычагов, блаженствовал"). Описание психофизического состояния персонажей в Результате также является свободным: "Могилкин посмотрел на свои руки с кровотокающими пальцами и не мог поднять их, чтобы высморкаться. Левцов едва держался на ногах. У Сократилина все лопило...". Не вызывает сомнения, что персонажи находились в описанных состояниях одновременно (параллельно во времени). Однако линейный характер текста требует перевода параллельного в последовательное (линейное); автор производит своеобразную "линеизацию" нелинейного (многомерного) содержания при помощи языковых средств.

Читатель же совершает перевод линейной последовательности-текста в многомерную когнитивно-семантическую единицу (типа обобщенной сцены), используя для этих целей собственную многомерную событийную структуру. Таким образом, речемыслительная деятельность автора предполагает синтез текста через анализ когнитивно-семантических единиц с участием языковых средств, а такая же деятельность читателя — синтез когнитивно-семантических единиц через анализ текста. Понятно, что в обоих случаях роль фоновых знаний чрезвычайно велика: событийные структуры являются когнитивно-семантическим фундаментом речемыслительных операций, на их основе, в частности, можно объяснить переход от "линейной семантики" текста к многомерному содержанию, извлекаемому читателем из текста и из собственных фоновых знаний.

Выше (см. § 6, гл. III) мы показали, что Порядок в Предметном аспекте события описывается эталоном "Строгий — Произвольный"; речь шла об инвертируемости — неинвертируемости событий во времени. Именно упорядоченность (полная или частичная) событийных структур позволяет читателю осмысливать и упорядочивать непоследовательно изложенный текст. При этом, по-видимому, степень произвольности в порядке изложения фактов в тексте может быть тем выше, чем более строгим оказывается порядок коррелирующей с данным текстом событийной структуры.

Поскольку текст "линеизирует" нелинейные фрагменты события в сравнительно произвольном порядке, допускает интенционально планируемые перестановки эпизодов, маркируемые специальными номинациями типа "А перед этим произошло вот что", "Перенесемся на несколько лет назад" и т.п., можно утверждать, что порядок событийной структуры и порядок текстовой вербализации обладают как качеством строгого,

так и качеством произвольного порядка; в то же время степень произвольности текста в целом может быть более высокой, чем аналогичный показатель соответствующей событийной структуры.

Таким образом, текст представляет собой единство строгого и произвольного порядков вербализации. Взаимное соотношение удельных весов этих порядков у разных текстов может быть различным. Например, текст, описывающий регулировку карбюратора автомобиля в "Руководстве по эксплуатации", обладает высокой степенью строгого порядка, а текст, описывающий статическое размещение в пространстве некоторой совокупности предметов (например, описание Результата Эндособытия), наоборот, допускает максимально произвольный порядок. Отсюда следует, что порядок вербализации, рассматриваемый относительно модели события, может служить типологическим критерием при исследовании текстов.

Как известно, некоторые исследователи рассматривают правила текстообразования, как синтаксические закономерности построения текста из предложений. Это составляет "высший синтаксис, который следует за учением о простом и сложном предложении" [64]. Детальный анализ проблем поверхностного и глубинного синтаксиса в рамках данной публикации не входит в наши задачи. Тем не менее, следует отметить сходство многих событийных категорий с глубинными падежами. Это позволяет говорить о том, что между текстом и предложением не существует непроходимой границы. С точки зрения событийной модели предложение отличается от текста либо большей свернутостью коммуникативной ремы, соотносимой с максимальными значениями Генерализации событийной структуры (см. эталон "Генерализация – Партикуляризация"), либо фрагментарным характером описания при развернутости в предложении коммуникативной ремы, соотносимой с максимальными значениями Партикуляризации. По-видимому, противопоставление текста и предложения описывается не некоторым дифференциальным признаком, а гипотетическим градуальным эталоном; увеличение размера текста от, например, назывного предложения, до текста романа, ведет к количественно-качественным изменениям: свернутость и/или фрагментарность за границей меры переходят в развернутость и/или полноту, причем качественный переход может быть установлен только с точки зрения событийной структуры (фонового знания). По нашему мнению, именно "постепенность" такого перехода (например, назывное предложение – простое нераспространенное предложение – распространенное предложение – сложноподчиненное предложение – сложносочиненное предложение с подчинением – сверхфразовое единство – параграф – глава – раздел – книга) затрудняет жесткое структуралистическое противопоставление текста и предложения. При нарастании объема вербализованной Коммуникативной ремы относительно событийной Когнитивной темы количество градуально переходит в качество и далее, новое качество (например, полнота) достигает области своих максимальных значений.

Интересно отметить, что порядок вербализации в рамках предложения также обычно имеет как качество строгого, так и качество произ-

вольного порядка (ср. с понятием трансформации); "удельные веса" этих качеств, как известно, варьируют от языка к языку. Можно также утверждать, что предложение характеризуется более строгим порядком, чем текст.

В целом, можно заключить, что многомерно-одиомерный, дискретно-континуальный характер событийной структуры, взаимодействующей в речемыслительной деятельности с одиомерным и дискретным текстом, позволяет наметить пути исследования конкретных проявлений связи языка и мышления в их единстве и нетождественности и конкретизировать верные, но абстрактные констатации, приемлемые в философии, но ждущие глубокого и дифференцированного исследования с позиций общего языкознания.

§ 5. "ФОКУС ВНИМАНИЯ" ТЕКСТА И СОБЫТИЕ

Сопоставляя тексты с моделью события, мы заметили, что наряду со свернутостью – развернутостью и строгим – произвольным порядком вербализации, тексты обладают еще одной важной особенностью: они могут вербализовать не все "стороны" (т.е. компоненты структуры) события, а лишь одну или несколько из них, имплицитно через структуру события все остальные.

Так, например, существует класс текстов, специально маркирующих по всей своей длине Экзопространство и Эндопространство событийной цепочки. В частности, текст-описание маршрута экскурсии по городу и музеям фокусирует внимание читателя (потенциального участника экскурсии, т.е. Агенса Информационного события) на локальных характеристиках объектов:

"Многие дома на набережных Мойки связаны с именами выдающихся деятелей литературы и искусства. ...Самое известное из литературных мест – Мойка, 12, где прошли последние месяцы жизни А.С.Пушкина... Квартира Пушкина находилась в бельэтаже. Здесь он работал над "Историей Петра Великого", закончил повесть "Капитанская дочка"; написал последнее стихотворение, посвященное лицейской годовщине..." [65].

Тексты, фокусирующие внимание на Экзовремени и Эндовремени, представлены, например, автобиографиями, в которых, однако, фиксируется и Экзопространство, и, отчасти, Умственный аспект (например, "уволился по собственному желанию").

Существуют "психологические тексты", основной объем которых занимает описание не столько предметных поступков персонажей, сколько Умственного аспекта соответствующих событий. Тексты драматических произведений обычно развернуто фиксируют Коммуникативный аспект событий. Порядок следования Микрособытий фиксируется текстами инструкций.

Сказанного достаточно для того, чтобы сделать вывод относительно специфической текстовой категории, выявляемой путем сопоставления

текста с моделью события — "фокуса внимания" текста. В зависимости от прагматической направленности того или иного текста, в нем могут вербально маркироваться отдельные категории событийной структуры (Место, Время, Порядок, Умственный аспект и т.д.). Все другие аспекты, специально не маркируемые текстом, имплицитно читаются читателем за счет когнитивно-семантической модели события.

Нам не удалось встретить текстов, в которых бы с одинаково высокой степенью развернутости были представлены все событийные категории; мы объясняем это тем, что любой текст порождается в связи с некоторой целью (ср. с понятиями речевой интенции и прагматики) и опосредованно отображает последнюю в собственной форме.

§ 6. СЛОВО И СОБЫТИЕ

При сопоставлении события с актуализирующими его развернутым текстом и отдельным предложением, рассматриваемыми вне вербального и экстралингвистического контекстов, мы пришли к выводу, что предложение здесь отличается от текста существенно большей степенью обобщенности и/или фрагментарности вербализации событийной единицы. В отличие от развернутого текста, отдельное предложение может актуализировать значительно большее количество одиотипных, но различающихся деталями событийных единиц (*versus* — обобщенность), либо стереотипных фрагментов разноструктурных событийных единиц (*versus* — фрагментарность).

В то же время, событие может актуализироваться не только развернутым текстом или предложением; в той или иной степени оно вербализуется и сверхфразовым единством, и словосочетанием, и словом, и морфемой [66].

Можно полагать, что если единицы "крупнее" предложения отличаются от него меньшей степенью обобщенности и/или фрагментарности, то словосочетаниям, лексемам и, тем более, морфемам, соотносимым с некоторым событием вне вербального и экстралингвистического контекстов, обобщенность и/или фрагментарность присущи в значительно большей степени.

Лексический знак обычно рассматривается как сложная единица; в частности, в означаемое такого знака включают денотат (как иконическое отображение единичного предмета реального мира), десигнат (как совокупность общих и существенных признаков некоторого класса денотатов, или понятие о денотате) и коннотат (или эмоционально-оценочный компонент знака). Поскольку лексический знак вне вербального или экстралингвистического контекстов, как правило, многозначен, он способен актуализировать несколько десигнативно-денотативно-коннотативных комплексов.

Процесс моносемантизации многозначных лексических знаков интерпретатором текстового сообщения несомненно предполагает учет синтагматического взаимодействия означаемых; в то же время, модель моносемантизации, опирающаяся лишь на контекстное взаимодействие

означаемых, неоправданно изолирует коммуникативные процессы от когнитивных.

Можно предположить, что речемыслительная деятельность интерпретатора текстового сообщения в обязательном порядке включает, в частности, процесс осмысления сообщения, который протекает во времени и заключается в многократной взаимопроекции коммуникативных структур на когнитивные и наоборот. Действительно, осмысление сообщения предполагает выбор на основе коммуникативной цепочки знаков некоторой соответствующей когнитивной единицы, например, события; но, одновременно и параллельно, такое осмысление предполагает и однозначную интерпретацию асимметричных знаковых единиц, входящих в коммуникативную цепочку, причем эта интерпретация оказывается возможной на основе избираемой когнитивной единицы.

Интересно, что процесс "догадки" о значении незнакомого слова при чтении текста на изучаемом иностранном языке, по-видимому, предполагает весьма сходные речемыслительные процессы, причем неизвестное слово можно условно рассматривать как максимально многозначный лексический знак. "Догадка" предполагает нахождение на основе известных компонентов текста некоторой соответствующей когнитивной единицы и "моносемантизацию" незнакомого слова путем отыскания не-вербализованного "остатка" этой когнитивной единицы.

Если коммуникация осуществляется таким образом, что предметное окружение, данное участникам коммуникации в ощущениях (например, сцена), означает при помощи речи, то как данный текст в целом, так и, в частности, его лексические компоненты имеют не только событийное и концептуальное, но и сценно-образное наполнение, т.е. означаемые лексических знаков имеют общие для всех участников коммуникации денотаты. С рассматриваемым случаем весьма сходна коммуникативная ситуация, когда ее участники опираются не на чувственное восприятие сцены, а на совпадающий чувственный опыт (фонное знание уровня представлений), полученный в прошлом. Нет нужды доказывать, что объем совместного чувственного опыта варьирует в зависимости от особенностей участников коммуникации, способа передачи информации и т.п. от некоторого максимума до некоторого минимума. Но тогда образный (денотативный) компонент лексического знака оказывается зависимым от типа коммуникативной ситуации и градуально различным для одного и того же лексического знака. Можно предположить, что при отсутствии у участников коммуникации общих образных знаний, соответствующий лексический знак актуализирует лишь объемные признаки концепта (десигната), но не точечные признаки образа (денотата).

Таким образом, оказывается, что один и тот же лексический знак в различных коммуникативных ситуациях (наличие предметной опоры, совместного чувственного опыта) градуально меняет степень десигнативности-денотативности, их соотносительный "удельный вес".

Поскольку лексические единицы сами по себе обладают различной степенью конкретности-абстрактности (ср. значения лексем *голубой* и *цвет*), нетрудно представить себе градуальный эталон, описывающий сте-

пени обобщенности значений, на котором любому лексическому знаку соответствует собственная зона, ограниченная предельной степенью обобщенности и предельной степенью конкретности его значения; такая зона, в свою очередь, описывается "внутрилексемным" градуальным эталоном "десигнативности-денотативности", который в речемыслительной деятельности рассматривается в динамическом аспекте.

Говоря о коннотате, следует отметить, что в социальном и индивидуальном сознании содержится оценка подавляющего большинства фактов, явлений, предметов и т.п. Стандартные социальные ассоциации типа "явление – оценка данного явления" объединяются в рамках одного лексического значения, "закрепляются" словом. Так, например, отрицательные значения градуального эталона "Оценка" социально закреплены в лексемах типа *болезнь, война, скука* и т.п., а положительные – *здоровье, веселье, удовольствие* и т.п. В то же время, лексические единицы могут фиксировать и различные степени оценки одного и того же явления (ср.: *донжуан, ловелас, бабник, юбочник* и т.п.), и социально нейтральные оценки (*гора, влажность, предмет*). Экспериментальная психолингвистическая работа может дать фактические сведения как о месте той или иной лексемы на градуальном эталоне "Оценка", так и о зоне (разбросе оценок) исследуемого коннотата.

Таким образом, коннотаты, входящие в лексические значения, так же как и десигнаты, неразрывно связаны с социальными знаниями; специфику социальной эмоциональной оценки можно усмотреть в том, что она есть знание социума о самом себе и о собственном отношении к тем или иным явлениям отражаемой объективной реальности; интериоризация фактических и оценочных знаний формирует социальные и индивидуальные убеждения.

Отдельное лексическое значение оказывается интегрированной совокупностью объемных признаков той или иной степени генерализованности, фиксирующих как некоторый факт отражаемой объективной реальности, так и стандартное социальное отношение к этому факту; в речемыслительной деятельности лексическое значение выступает как динамическая единица, изменяющая в заданных пределах (границах объемных признаков) собственное семантическое наполнение.

Опираясь на такое понимание лексического значения, мы предположили, что в особых случаях возможен выход за пределы объемных признаков лексического значения.

Приведем данные еще одного дополнительного эксперимента, в котором приняло участие 136 информантов. Поскольку ранее мы выяснили, что возможно экспериментально фиксировать норму и пределы объемных признаков предметных концептов (например, размеры яблока), в качестве стимула мы использовали сконструированное предложение, актуализирующее два предметных концепта, вступающих в противоречие по объемному признаку "размер": *Петр живет в спичечном коробке*. Испытуемым предлагалось осмыслить, если они считают это возможным, данное предложение и записать, как каждый из них понял его.

Оказалось, что лишь 2% испытуемых считает невозможным осмысление данного предложения. Остальные информанты осуществили переносы следующих типов:

– объемный признак размера концепта "Петр" (человек) изменяется (уменьшается) вплоть до размеров, сопоставимых с таким же признаком концепта "спичечный коробок"; изменяются и другие объемные признаки концепта "человек": "Петр" понимается как имя собственное гнома, муравья и тому подобных "маленьких" (сказочных) персонажей (47% информантов);

– объемный признак размера концепта "спичечный коробок" изменяется (увеличивается) вплоть до размеров, сопоставимых с аналогичным признаком концепта "человек"; в то же время такой выход за пределы объемного признака "размер" осуществляется лишь до некоторого минимума, совместимого с размерами "человека"; изменяются и другие объемные признаки концепта "спичечный коробок"; "спичечный коробок" превращается в метафорическую номинацию концепта "очень тесное жилище" (36% информантов);

– противоречие между объемными признаками размера данных двух концептов разрешается путем увеличения размера "спичечного коробка" до размеров любого человеческого жилища без каких-либо ограничений, что делает указание противоречие несущественным, другие объемные признаки "спичечного коробка" замещаются объемными признаками "человеческого жилища"; в то же время маркируется объемный признак формы "спичечного коробка", который переносится на форму жилища (дома, здания) человека (12% информантов).

Кроме того, имеются редкие типы переносов, отмеченные лишь у 3% информантов.

Анализ результатов эксперимента показывает, что здесь, так же как и в случаях выбора одного из значений многозначной лексической единицы, перехода от объемных признаков концепта (десигната) к точечным признакам образа (денотата), в процессе речемысления осуществляется взаимопроекция коммуникативных и когнитивных структур; в ее ходе выявляется противоречие между коммуникативным компонентом (тем, что буквально сказано) и когнитивным компонентом (тем, что зафиксировано в опыте). Теоретически, такое противоречие может быть разрешено двумя путями:

– изменение когнитивной структуры под воздействием коммуникативной (приобретение новых знаний);

– изменение коммуникативной структуры под воздействием когнитивной.

Кроме того, возможен случай взаимного изменения обеих структур, а также отказ от интерпретации. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что 100% информантов отвергают буквальное понимание текста стимула, "не верят" сказанному, т.е. не меняют когнитивных структур.

Напротив, в 98% случаев под воздействием когнитивного компонента происходит переосмысление коммуникативной семантики путем вы-

хода за пределы объемного признака "размер" и замены соответствующих совокупностей других объемных признаков анализируемых лексических знаков, переноса отдельных объемных признаков. Противоречие между коммуникативным и когнитивным компонентами можно рассматривать, в данном случае, в качестве своеобразного "пускового механизма" переосмысления коммуникативной семантики в речемыслительной деятельности.

Следует особо подчеркнуть стабильность когнитивного компонента. В то же время рассмотренный случай, очевидно, не исчерпывает всего многообразия типов взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов в речемыслительной деятельности на уровне лексемы: дальнейшая экспериментальная работа позволит, по-видимому, приблизиться к пониманию механизмов формирования окказионального значения, трансформации тех или иных когнитивных единиц и уровней под воздействием коммуникативных единиц при обучении и др.

Таким образом, в речемыслительной деятельности лексическое значение оказывается динамической единицей, варьирующей при взаимодействии с вербальным контекстом и когнитивным компонентом; в этой деятельности принимает участие весь комплекс когнитивных единиц и уровней вплоть до перцептивно воспринимаемых сцен и образов (предметного контекста).

§ 7. ПРЕДЕЛЫ ТЕКСТОВОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ. СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ (ОБРАЗ)

Как уже говорилось, увеличение объема текста обычно ведет к его развернутости и полноте. Возникает вопрос: можно ли довести объем текстовой вербализации до такого идеального уровня, когда текст будет адекватно описывать единичную сцену во всей ее полноте и, фактически, будет передавать информацию, качественно эквивалентную перцептивно воспринимаемой сцене? Другими словами, можно ли достичь такого уровня полноты текста, который бы соответствовал максимальному значению Партикуляризации на эталоне "Генерализация – Партикуляризация"?

Для исследования этой проблемы мы провели эксперимент "Образ" (см. описание в § 4 гл. II). Мы отказались от полного описания сцены в связи с тем, что соответствующие тексты оказались бы объемом в десятки, если не сотни страниц. Представим себе, что в некоторой сцене принимает участие определенный человек, и в эпизоде, описывающем эту сцену, имеется фрагмент, представляющий собой такое же детальное описание внешнего вида или, еще уже – лица этого "предметного компонента", что и всей сцены в целом. Исследование особенностей вербализации образа может показать некоторые особенности вербализации сцены в целом.

В первой части эксперимента приняли участие 103 информанта (студенты-филологи). В их задачу входило дать максимально точное и полное описание женского лица (в качестве "референта" мы избрали "живое" лицо без особых примет типа родинок и т.п.). Контрольная группа

(23 информанта) сделала описание того же лица по фотографии. Затем все полученные тексты (по основной и контрольной группе – отдельно) были подвергнуты следующей обработке:

а) были выявлены опорные номинации частей целого (голова, лоб, волосы, глаза, веки, брови, ресницы, нос и т.п.), а также "частей частей" целого (типа "кончик носа", "края бровей" и др.);

б) к каждой из перечисленных номинаций были выявлены все возможные определения, включая эпитеты, с установлением вероятности появления в текстах каждого из них;

в) полученные данные были использованы для построения максимально объективизированного и полного словесного описания данного портрета; в данный текст не вошли определения, встретившиеся единожды и противоречащие по значению высоковероятностным определениям; определения, имеющие частоту > 1 и дополняющие друг друга, вводились в текст сериями; такая обработка позволила также заполнить "лакуны", встречающиеся в отдельных описаниях, например, в некоторых текстах отсутствуют описания подбородка или ресниц и т.п.

Такая обработка позволила устранить из текста неадекватность восприятий (например, дальтонизм) и их вербализаций у отдельных информантов.

Попутно мы попытались оценить порядок появления в тексте описаний тех или иных частей целого. Оказалось, что тексты, описывающие элементы, не упорядоченные во времени (существующие параллельно в рамках многомерного объекта), обладают максимальными значениями произвольного порядка: только в 17% текстов мы отметили тенденцию к описанию лица "сверху вниз" (от волос и лба к подбородку). Однако 85% текстов в начале описания содержат характеристики описываемого объекта в целом (форма и размеры головы и лица). Это дает основания рассматривать порядок вербализации как строго-произвольный с минимальными значениями строгости и максимальными значениями произвольности. Линеизация данного нелинейного содержательного объекта в тексте напоминает процесс "сканирования", осуществляемый по индивидуальным алгоритмам (стратегиям) с некоторыми общими блоками.

Полученные в основном эксперименте тексты обладают следующими параметрами:

- минимальная длина текста – 19 словоформ;
- максимальная длина текста – 215 словоформ;
- 82% текстов содержат от 30 до 90 словоформ;
- средняя длина текста – 66,3 словоформ.

Тексты, полученные по фотографии того же лица, обладают сходными структурными характеристиками, однако отличаются меньшей развернутостью (полнотой) и, соответственно, в среднем короче – 53,1 словоформ. Они не содержат определений, которые бы противоречили определениям, полученным в текстах, написанных с "живого" лица. В связи с этим мы приняли решение пользоваться в дальнейших экспериментах объективизированным текстом, полученным на основе данных основного эксперимента.

Приведем этот текст полностью:

"Голова у этой девушки небольшая, овальная или яйцевидная, несколько удлиненная кверху. Лицо симпатичное, типично русское, простое, открытое, правильное, гармоничное, овальное, несколько пухлое и скуластое, неяркое в смысле красок, особых примет не имеет.

Кожа лица чистая, светлая, матовая, гладкая, окраска равномерная. Цвет лица свежий, здоровый, на щеках легкий румянец.

Лоб красивый, открытый и чистый, довольно большой и высокий, занимает около одной трети лица. Он слегка заужен с боков и закруглен сверху. Волосы на лбу растут как бы в виде клина. Хорошо обрисовываются две черепные выпуклости, надбровные дуги несколько выдаются.

Брови хорошо очерчены, довольно длинные и почти прямые, к краям лица несколько опущены книзу параллельно линии глаз. Они невысокие, то есть расположены близко к глазам, у переносицы не сходятся, неширокие, у переносицы густые, к краям заметно редуют. Цвет бровей – светло-русый, совпадает с цветом волос. Левая бровь с едва заметным уголком.

Глаза светлые, серые, или серо-голубые, быстрые, небольшие, чуть раскосые, расположены близко к переносице. Форма глаз округлая или миндалевидная. Глазные впадины довольно глубокие. Век почти не видно, они чуть-чуть припухшие. Над верхними веками есть мешки, под глазами слегка обозначены синеватые круги.

Ресницы незаметные, нетемные, но темнее волос, недлинные, нижние – короткие, густые, верхние – чуть загнуты.

Нос – типично русский, средних размеров, недлинный, прямой, но низ – несколько "картошкой", или "уточкой". Кончик носа чуть заострен и вздернут, ноздри довольно объемные, ширина носа почти одинакова по всей длине, чуть уже у переносицы. От носа к углам рта идут дугообразные складки, которые образуют впадинки у ноздрей. Длина носа – около четверти высоты лица.

Рот маленький, чуть шире носа, правильной формы, мягкий, расположен близко к носу. Губы четко очерчены, сравнительно тонкие, выразительные, верхняя губа чуть вздернута, "бантиком". Она чуть тоньше нижней. Губы яркие, красные. От нижней части носа к середине верхней губы треугольником идут две линии, постепенно затухающие у рта. Между ними видна ямка. По краям рта также имеются ямочки.

Подбородок входит в общий овал лица, маленький, мягкий, округлый, вперед не выдается, даже немного скошен назад. Слегка намечена развоенность, или бороздка. В верхней части подбородка – углубление, выделяющее нижнюю губу. Есть расположенность к двойному подбородку.

Щеки округлые, пухлые, тугие, с природным румянцем. Слегка выдаются кости скул и нижней челюсти.

Уши – маленькие, прижаты к голове, мочки круглые, верхние края ушей слегка загнуты.

Волосы натурального светлого, или русого цвета, гладкие, блестящие, пышные, мягкие. Их цвет у висков слегка темнее."

Этот текст был использован в качестве стимула на втором этапе эксперимента, во время которого 97 информантов, не принимавших участия в первом этапе, т.е. предварительно не знакомых ни с "моделью", ни с описывающим ее текстом, получили задание внимательно прослушать приведенный выше текст-словесный портрет и попытаться представить себе описываемое лицо (текст медленно и четко зачитывался дважды). Далее на основе получившегося образа каждый информант должен был выбрать из двадцати случайно подобранных фотографий женских лиц примерно одного возраста (от 18 до 22 лет), включающих фотографию модели, одну такую, которая бы в наибольшей степени соответствовала представляемому им образу, и назвать номер фотографии. Фотографии располагались в свободном порядке. Эксперимент проводился с группами информантов примерно по десять человек с таким расчетом, чтобы каждый из них не был лимитирован во времени поиска, но, одновременно, чтобы никто из информантов не успел забыть ни синтезированного образа, ни исходного текста.

После окончания эксперимента мы просили информантов ответить (письменно) на несколько вопросов, включающих, в частности, такой: "Удалось ли вам полностью представить себе лицо этой девушки?" Лишь около трети информантов ответили на этот вопрос утвердительно, причем примерно половина из них указала номера фотографий, не совпадающие с оригиналом.

В целом, вероятность правильного опознания фотографии по словесному портрету составляет 0,40. В дополнительном эксперименте с 22 информантами число фотографий было увеличено до 30, а вероятность правильного "узнавания" снизилась до 0,33.

Прежде чем начать обсуждение полученных результатов, приведем следующее высказывание Дж.Брунера: "Ни язык, ни предварительное обучение, которое можно дать для управления любой другой формой внешней реакции, не позволяют ничего сообщить иначе, как в терминах рода или категории. Если бы какое-нибудь восприятие оказалось не включенным в систему категорий, то есть свободным от отнесения к какой-либо категории, оно было бы обречено оставаться недоступной жемчужной, жар-птицей, погребенной в безмолвии индивидуального опыта" [67].

Означают ли результаты нашего эксперимента, что такая "жар-птица" действительно погребена в безмолвии индивидуального опыта? Другими словами, значит ли это, что какая-то часть наших фоновых знаний является невербализуемой даже в достаточно развернутом (полном) варианте текста?

Выше мы ввели понятие объемного семантического признака, являющегося основным конструктивным элементом концепта. Объемный

семантический признак, как правило, представляет собой зону (не точку!) некоторого градуального эталона. В отличие от концепта и события, точечными значениями градуальных эталонов представлены лишь единичные образы и сцены.

В речевой коммуникации для уменьшения "объемности" признаков концептов используются определения, сравнения и т.п. По сути дела, весь текст словесного портрета представляет собой реализацию попытки перевести объемные признаки концепта "лицо" к точечным значениям образа единичного (данного) лица. Данные эксперимента свидетельствуют о том, что текст словесного портрета стремится к точечным значениям образа как к своему пределу, однако не достигает этого предела.

Обратимся к объективизированному и полному тексту словесного портрета: *"Губы четко очерчены, сравнительно тонкие, выразительные, верхняя губа чуть вздернута, бантиком, она чуть тоньше нижней, губы яркие, красные"*. Анализ этого фрагмента с очевидностью свидетельствует о том, что читатель должен строить образ губ, отталкиваясь от собственных фоновых знаний, в частности, от накопленных в его опыте "нормальных среднестатистических" губ (не толстых и не тонких, не четко очерченных и не плохо очерченных, не выразительных и не невыразительных, не вздернутых и не опущенных и т.п.). Понятно, что имеющиеся в тексте определения не описывают единичную форму губ в ее точечном значении, объем в его точечном значении, степень яркости как точку на соответствующем градуальном эталоне и т.п. Они лишь уменьшают степень "объемной неопределенности" относительно соответствующих точечных значений.

Что касается словесного портрета в криминалистике, то в этой области он обычно строится не на основе абсолютных объемных признаков, а на базе относительных точечных признаков, получаемых в результате сопоставления очевидцем (свидетелем), например, образа губ, хранящегося в его иконической памяти с предлагаемым ему графическим образом губ; графический образ свидетель использует в качестве "точки отсчета" для достижения точечного сходства с образом. Используя графический образ, можно дойти до точечных значений путем вербальных оценок типа: "Губы намного шире, чем эти. Получились слишком широкие. Чуть-чуть уже" и т.п. — вплоть до достижения сходства. Этот процесс не является чистым Коммуникативным событием; речь здесь идет не о словесном портрете, а о "словесном рисовании с обратной перцептивной связью", то есть о качественно ином виде Информационно-предметного события.

Интересно отметить, что тексты сценариев специально ориентированы на частичную замену вербального текста образными (предметными) компонентами; ср., например, у Маршака: *"Зимний лес. Укромящая полянка. Никем не потревоженный снег лежит волнистыми сугробами, покрывает деревья пушистыми шапками. Очень тихо. Несколькo мгновений на сцене, пусто, даже как будто мертво. Потом солнечный луч пробегает по снегу и освещает белесо-серую волчью голову, выглянувшую из чащи, ворону на сосне, белку, примостившуюся в развилке*

ветвей у дупла. Слышится шорох, хлопанье крыльев, хруст сухого дерева. Лес оживает" [68].

Данная авторская ремарка, открывающая пьесу-сказку, описывает пространство сцены, или Эндопространство будущего события на достаточно обобщенном уровне, оставляя большой простор для творческой деятельности режиссера и художника спектакля: от достаточно общего описания им предстоит перейти к единичным образам и их комплексу с установлением их количества (например, деревьев), качественных характеристик (точечных значений формы, объема, цвета и т.п.). Далее предстоит опредметить единичные образы и их пространственную организацию в декорациях.

Зритель же не услышит и не прочтет текст ремарки; он увидит "ремарку", доведенную до уровня представлений в предметном воплощении. Художник и режиссер оказываются здесь в функции своеобразных "переводчиков" с вербального линейного языка на многомерный предметно-образный "язык". Однако это не простые "переводчики"; это соавторы, использующие собственные знания, этические и эстетические принципы и т.д. для творческой конкретизации обобщенного текста.

Во всех тех случаях, когда чисто вербальный способ передачи информации о сценах и образах обладает недостаточной, с точки зрения цели коммуникации, "разрешающей способностью", реализуется комбинированный способ: тексты снабжаются рисунками, схемами, фотографиями и т.п., одним словом, "наглядностью"; характерно, что техническая документация, как правило, не обходится без чертежей и рисунков.

Таким образом, оказывается, что, если некоторый текст не опирается непосредственно на предметную действительность, воспринимаемую (воспринимавшуюся) участниками коммуникации, или не снабжен графической (или любой другой конкретной) информацией, то такой текст всегда в существенной степени обобщает содержательные единицы уровня конкретных представлений (образы и сцены).

Экспериментальные данные, полученные в результате опознавания фотографии по словесному портрету (даже в том случае, если эксперимент покажется не идеально "чистым"), настолько количественно существенны, что можно с большой долей уверенности предполагать, что не только слово, но и р а з в е р н у т ы й текст всегда обобщает.

Подводя итог данному параграфу, можно утверждать, что точечные значения множества градуальных эталонов типа "объем", "форма", "расстояние", "вес" и т.п., при чисто вербальном способе передачи информации, оказываются той самой "жар-птицей, погребенной в безмолвии индивидуального опыта". Эти точечные значения, извлекаемые из опыта при синтезе сцены (образа), могут не совпадать у каждого из получателей текстового сообщения с исходными точечными значениями, имплицитными отправителем такого сообщения, чем и обуславливается частичная индивидуальность сцен и образов, полученных на основе текста.

Отсюда следует, что существенным свойством естественного языка как важнейшей формы передачи информации в виде линейных текстов является функциональная ориентированность языка на адекватную пере-

дачу информации определенного типа, как правило, не включающего, по крайней мере, уровень уникальных конкретных сцен и образов. Не следует считать это свойство "недостатком" естественного языка; данное свойство языка, выступающего в качестве органичного компонента в системе форм информационного обмена между людьми, можно, скорее, считать его "привилегией обобщения".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы попытались рассмотреть некоторые аспекты соотношения и взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов речемышления. Для этих целей был разработан экспериментальный способ моделирования когнитивных единиц, принадлежащих к фоновым знаниям. Суть такого способа состоит в объективизированной психолингвистическим экспериментом трансформации когнитивной единицы (события), выступающей в качестве фонового знания к коммуникативной единице (тексту стимула) в специфическую коммуникативную форму (массив вопросительных предложений). Семантический анализ массива вопросительных предложений позволяет строить комплексную обобщенную содержательную модель события, а учет вероятностных характеристик семантических классов вопросительных предложений демонстрирует возможность вероятностно-семантической типологии событий.

Анализ показал, что событие, представляющее собой сложную динамическую единицу, разворачивающуюся во времени, имеет двойственную континуально-дискретную природу. В связи с этим оказалось, что использование в качестве языка его описания предельных (неделимых) и качественно определенных во времени (статичных) семантических сущностей (семантических признаков, сем и др.) приводит к атомистической дискретизации континуальных динамических сущностей.

Этот факт послужил основанием для введения и экспериментального исследования понятия "градуальный эталон", который рассматривается как единичная линейная дискретно-континуальная когнитивная координата, включающая два полярных максимальных значения и нейтральное (нормальное, среднее) значение в межполюсной зоне. Использование градуальных эталонов в качестве конструктивных элементов модели события, связанных между собой функциональными динамическими зависимостями, позволяет, по нашему мнению, приблизить качественные характеристики модели к сущностным свойствам описываемого объекта.

Исследование событий с одушевленным Агенсом (поступков) показало, что они фиксируются в фоновом знании информантов в виде континуально-дискретных многомерных (объемных) содержательных образований одновременно в трех взаимосвязанных аспектах: предметном, умственном и предметно-умственном (информационном). При этом, каждый из названных аспектов события обладает собственной структурой.

Событие во времени выступает в виде триединства "Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие". Эндособытие как маркированный компонент триединства подразделяется на три упорядоченных во времени компонента: Потенциал – Реализация – Результат. Реализация разворачивается во времени и фиксирует градуальный переход Потенциала в Результат. Одновременно Реализация членится на дискретную последовательность более мелких событийных единиц (Микрособытий).

Вероятностно-семантические модели показывают не только идентичность одиотипных событий по всем основным параметрам вне зависимости от языка информантов и социума, к которому они принадлежат, идентичность, обусловленную единством отражаемого мира и способа его отражения человеком; эти модели фиксируют также и частные различия, которые являются, преимущественно, результатом влияния социальной практики.

Текст в речемыслительной деятельности предстает в виде структурированной линейной и одномерной последовательности дискретных знаковых единиц, обладающей признаками как строгого, так и произвольного порядка, которая воспринимается во времени.

Сопоставление моделей когнитивных единиц (событий) с коммуникативными единицами (текстами) демонстрирует существенно важную роль когнитивного компонента в коммуникативных процессах. При таком подходе объемность (многомерность) и континуальность (континуумность) оказываются не столько свойствами текста как явления объективной реальности, сколько продуктом взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов в речемыслительной деятельности. С этих же позиций имеет смысл рассматривать и такие понятия, как целостность, завершенность, последовательность, логичность и др.; на этой же основе оказывается возможным объективизировать компенсирующую функцию когнитивного компонента при интерпретации непоследовательных или неполных текстов, его роль в механизмах нососемантизации и метафоризации.

Тексты рассматриваемого типа представляют собой конкретные коммуникативные "ремы" к обобщенным когнитивным "темам". В то же время специфика вербального способа коммуникации оказывается такова, что даже максимально детальные и избыточные фактографические тексты не могут целиком передавать когнитивные единицы иконического уровня (образы, сцены). По сравнению с некоторыми другими способами коммуникации язык обладает "вынужденной привилегией обобщения". Результирующее содержание, получаемое интерпретатором текстового сообщения всегда есть, в частности, суммарное единство собственной (общей, универсальной) когнитивной темы и, трансформированной на ее основе в когнитивную форму, текстовой конкретизирующей коммуникативной ремы; такое результирующее содержание остается, однако, в той или иной степени обобщенным и допускает индивидуальные иконические интерпретации.

Отправитель (автор) текстового сообщения трансформирует в вербальную форму в основном ту часть исходной "полной" когнитивной

единицы, которая остается после "вычитания" из нее предположительно известной интерпретатору когнитивной темы. Для адекватной передачи содержания иконического типа, отправитель обычно вынужден дополнять вербальный текст единицами иных (например, графического) способов коммуникации.

Экспериментальное психолингвистическое моделирование коммуникативного и когнитивного компонентов речемыслительной деятельности в их единстве и нетождественности может оказаться продуктивным при решении целого класса задач, стоящих перед гуманитарным знанием.

SUMMARY

A fragment of non-verbalized experience interacting with a certain class of communication units (texts) is considered a component of background knowledge. The central unit of background knowledge registering developments of the real world is the Event which is a totality of general and essential features (parameters) of a certain class of scenes. A scene, in turn, is generally understood to be an iconic reflection of a changing world fragment. The text, content-wise, is regarded as a "communicative rheme" to a "cognitive theme", i.e. to an event.

In order to model events, the present work used clusters of interrogative test sentences instead of texts, the former being obtained in a series of special psycholinguistic experiments. This is because questions are usually a specific "I-know-that-I-don't-know" form of verbalization in communication acts.

A psycho-semantic investigation of events involving a human Agent (i.e. Actions) showed them to be registered at three interrelated levels: objective, mental and mental-objective (informational), each featuring a structure of its own. An event is actually a "Pre-event – Endo-event – Post-event" triad evolving in time. The Endo-event, as the marked component of the triad, can be subdivided on the objective level into three time-ordered components: Potential – Realisation – Result. Realisation evolves in time and can be broken into smaller cognitive units.

An event is recorded in the mind as a chain of interrelated continual-discrete dynamic content components. No adequate language to describe them is available to linguistic semantics as the language of finite (indivisible) and static semantic features tends to unjustifiably atomize continual dynamic virtualities. The notion of "gradual standard" is suggested and investigated experimentally. It is a linear continual-discrete cognitive co-ordinate with two polar extremes and a neutral (normal, intermediate) value in between. Gradual standards are an effective means for describing continual-dynamic virtualities.

A comparison between the continual-dynamic models of the cognitive units and corresponding discrete texts reveals scope and continuity to be a result of communicative and cognitive interaction rather than intrinsic textual properties. Textual categories such as completion, logicity, consistency etc. can also be considered from the same point of view. One can objectivize such

pragmatic phenomena as a "one-sided presentation of events" and gradually arrange texts according to the degree of verbal completeness.

Texts of this type are communicative embodiments of generalized cognitive structures. However, the nature of verbal communication is such that even the most detailed textual descriptions fail to fully verbalize cognitive units of the iconic level (scenes, images). As compared to other means of communication, language is distinguished by the "forced privilege of generalization".

Delimitation of the united communicative and cognitive components may aid in solving a whole class of problems confronting human knowledge.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык / Избранные труды. — М., 1959. — С. 58.
2. Ср., например, гипотезу Серля, сформулированную следующим образом: "в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего". См.: *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты / Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып. 17. — С. 197.
3. Здесь "за скобками" остается интереснейший тип речевых актов, а именно: речевые акты, в которых говорящим выступает взрослый, а слушающим — младенец.
4. Основными видами знаний обычно считаются донаучные, житейские, художественные (как специфический способ эстетического освоения действительности) и научные знания. Житейские знания основываются на здравом смысле и обыденном сознании и являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека. См.: *Философский энциклопедический словарь.* — М., 1983. — С. 192.
5. *Борис Пастернак.* Воздушные пути. Проза разных лет. — М., 1983. — С. 403–404.
6. См.: *Философский энциклопедический словарь.* — М., 1983. — С. 192.
7. См. обзор в: *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. — М., 1982. — С. 187.
8. Ср.: *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика. В коллективной моногр. Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 158–159.
9. *Волков А.Г.* Язык как система знаков. — М.: МГУ. — 1966. — С. 61.
10. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. — М.-Л., 1972. — С. 115–123.
11. *Фрумкин Р.М.* Цвет. Смысл. Сходство. — М., 1984. — С. 41.
12. См.: *Общее языкознание.* Колл. моногр. под общей редакцией А.Е. Супруна. — Минск: "Вышэйшая школа", 1983. — С. 87.
13. *Словарь русского языка в IV томах / Под ред. А.П. Евгеньевой.* — Т. IV. — С. 173.
14. *Демьянков В.З.* "Событие" в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста. — ИАНСЛЯ, 1983. — № 4. — С. 324; *T.A. van Dijk.* Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. — London and New York, 1980. — P. 168–169; *Kintsch W.* Memory and Cognition. University of Colorado. Ed. John Wiley and Sons, Inc. — 1977. — P. 283.
15. *Гак В.Г.* Высказывание и ситуация. Проблемы структурной лингвистики. — 1972. — М., 1973. — С. 359.
16. *Выготский Л.С.* Мышление и речь (психологические исследования). — М.-Л., 1934. — С. 313.
17. *Выготский Л.С.* Мышление и речь... — С. 270.
18. *Пиаже Ж., Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. — М., 1963. — С. 13.
19. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. — М., 1971. — С. 416.
20. См.: *Сэпир Э.* Градуирование. Семантическое исследование / Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып. 16. — С. 43–78.

21. *Эспир Э.* Градуирование... – С. 43.
 22. *Эспир Э.* Градуирование... – С. 44.
 23. *Эспир Э.* Градуирование... – С. 59.
 24. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – С. 52–53.
 25. См. напр.: *Osgood C.E., Snider J.G. (eds).* Semantic differential technique. A sourcebook. – Chicago, 1969, XIII. – P. 619.
 26. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М., 1983. – С. 38.
 27. В качестве порога здесь принята величина $< 0,7$ шага.
 28. См.: *Петренко В.Ф.* Введение... – С. 55.
 29. Ср.: *Михайлов В.А.* Генезис антонимических оппозиций (антонимия и отрицание). – Л.: ЛГУ, 1987. – С. 4.
 30. Данный эксперимент и расчеты проведены студенткой ЛГПИ им. Герцена Н.С.Рудневой.
 31. Ср. у Толстого А.Н.: "родимое пятышко в гречишное зернышко", где довольно точно фиксируется не только размер, но и форма и цвет родимого пятна. См. Толстой Алексей. Петр Первый. – Кишинев, 1971. – С. 529.
 32. См.: *Шапиро Д.И., Леонтьев А.А.* Расплывчатые категории в задачах принятия решений (психолингвистический аспект). Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М., 1978. – С. 143–147.
 33. *Guillaume G.* Foundations for a Science of Language / Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Benjamin J. Pub. Com. Amsterdam / Philadelphia, 1984. – P. 118; *Скредина Л.М.* Систематика языка и речевой деятельности. – Л., 1981. – С. 3–20.
 34. В эксперименте почти не использовались лексемы с аументативными суффиксами типа "тромаднейший, огромнейший, большущий" и т.п.
 35. *Апресян Ю.Д.* Трудности построения формальной модели языка / Кибернетика: неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития. – М.: Наука, 1981. – С. 109–113.
 36. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 84.
 37. *Беллман Н., Стил Т.* Логика вопросов и ответов. – М.: Прогресс, 1981. – С. 13.
 38. *Беллман Н., Стил Т.* Логика... – С. 6.
 39. См.: *Hintikka J.* New foundations for a theory of questions and answers / Question and Answers, Linguistic Calculation. N 1. Ed. by Ferenc Kiefer. – Dordrecht / Boston / Lancaster. – 1983. – P. 159–190.
 40. См., напр., *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974. – С. 6–55;
 Он же: Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Проблемы структурной лингвистики. – М., 1963;
Петренко В.Ф. Введение... – С. 22–35 и др.
 41. *Беллман Н., Стил Т.* Логика... – С. 13.
 42. *Леонтьев А.А.* Психоллингвистика. – Л., 1967; Основы теории речевой деятельности (колл. монография). – М., 1974. – С. 106–134; *Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Проблемы структурной лингвистики. – М., 1963; *Петренко В.Ф.* Введение... – С. 35–49; *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология... – С. 184–237.
 43. *Леонтьев А.А.* Общее понятие о деятельности / Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 10–11.
 44. *Леонтьев А.А.* Речевая деятельность / Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 23.
 45. Данные лексемы используются в терминологическом значении и лишены коннотатов.
 46. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – С. 128.

47. Формально-семантическое описание типов размещения и ориентации в трехмерном пространстве, типы расстояний и динамических векторов см.: *Шабес В.Я.* Пространство локальных значений и их автоматическое распознавание. Статистика речи и автоматический анализ текста. – Л.: Наука. – 1974. – С. 22–65.
 48. Мы проводили психосемантические эксперименты по определению нормальной размерности во времени некоторых Эндособытий; разнотипные Эндособытия обладают разными нормальными размерностями во времени и степенями "размытости" границ.
 49. Отметим, что данные оценочные Эндособытийные концептуальные признаки могут быть адекватно описаны только при помощи градуальных эталонов.
 50. См.: *Шабес В.Я.* О проекции содержательных единиц на план выражения // ВЯ. – 1984. – № 5. – С. 51.
 51. Мы не исключали варианта, при котором Реализация начинается с неполным потенциалом, и его пополнение происходит в интервалах между Микрособытиями Эндособытия (напр., строительство Агенса дома с "включениями" – поисками нужных материалов), однако информанты однозначно связали формирование Потенциала с Пресобытием.
 52. Высокая вероятностная характеристика Пострепетитива для стимула "He did it" объясняется, по-видимому, эротическими ассоциациями, возникшими у американских информантов и проявившимися в форме вопросов.
 53. В качестве упрощенного примера можно привести ряд географических карт одинакового формата, но разного масштаба.
 54. Кстати отметим, что оценки качества и степени Облигатива с позиций разных субъектов часто не совпадают.
 55. Рассмотренные вопросы предполагают наличие в сознании, по крайней мере, двух оценочных эталонов с полярными максимумами "корыстность" – "альтруизм" и "низменность" – "благородство" целей.
 56. В случае, когда конечная цель в Интенции отсутствует, и имеется лишь Планируемый результат, принято говорить о "самоцели".
 57. О "нечеткой логике" см., напр.: *Zadeh L.A.* A theory of commonsense knowledge. Memorandum No. UCB/ERL M 83/26. Univ. of California. – Berkeley, 1983. – P. 31.
 58. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 434.
 59. См.: *Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – С. 56.
 60. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 87–97.
 61. Под эпизодом понимается отрезок текста (иногда набор отрезков, расположенных дистантно) соотносимый с триадой "Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие".
 62. *Курочкин В.А.* Железный дождь / Повести. – Л., 1980. – С. 145–146.
 63. Например, предметный компонент события – танк БТ имеет "точечные" технические параметры, которые не известны большинству наших читателей, напр., массу, мощность двигателя, форму, объем, толщину брони и т.п. Образ танка БТ у каждого из нас – свой.
 64. *Севбо И.П.* Структура связного текста и автоматическое реферирование. – М., 1969. – С. 9.
 65. Ленинград. Путеводитель / Витязева В.А., Кириков Б.М. – Л., 1986. – С. 132–133.
 66. Ср.: "Очевидно, что при таком подходе в качестве КН (коммуникативной номинации – В.Ш.) могут выступать и морфемы, и слова, и словосочетания, и предложения, и фразы и единицы других, еще более "крупных" уровней". См.: *Сахарный Л.В.* Психоллингвистические аспекты теории словообразования. – Л., 1985. – С. 8.
 67. *Брунер Дж.* Психология познания. – М., 1977. – С. 16.
 68. *Маршак С.Я.* Двенадцать месяцев. Драматическая сказка. / *Маршак С.Я.* Сочинения в четырех томах. – М., 1958. Т. 2. – С. 353.

Научное издание

Шабес Владимир Яковлевич

СОБЫТИЕ И ТЕКСТ

Заведующий редакцией Э.А. Проничева
Редактор В.М. Завьялова
Старший корректор-вычитчик Л.М. Иванова
Младший редактор Л.В. Демешова
Технический редактор Л.М. Матюшина
Корректор Е.П. Гречаная
Оператор В.Н. Думбар

ИБ № 7846

Изд. № Р-534 Сдано в набор 11.08.88 Подп. в печать
23.11.88 Формат 60x88¹/₁₆. Бум. офсет. № 2.
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Объем
10,78 усл. печ. л. 11,25 усл. кр.-отт. 11,86 уч.-изд. л.
Тираж 2700 экз. Заказ № 1331. Цена 2 р. 40 к.

Набрано на наборно-пишущих машинах издательства.
Отпечатано в Московской типографии № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101898, Москва, Хохловский пер., 7.